

ДЖОН ГЕНРИ ГРЭЙ

ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ

Джон Генри Грэй История Древнего Китая

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612505

История Древнего Китая: Центрполиграф; Москва; 2006

ISBN 5-9524-2363-9

Аннотация

Фундаментальный труд американского исследователя Джона Г. Грэя посвящен Китаю – одной из самых древних и загадочных стран мира. В течение нескольких лет пребывания в этой стране Дж.Г. Грэй собрал и систематизировал богатейший материал о природе китайской цивилизации. Система государственного управления, быт, религия, культура, семейные отношения, обряды, ремесла, способы городского и сельского хозяйствования – автор осветил практически все стороны жизни и деятельности народов Срединного царства.

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	71
Глава 4	117
Глава 5	217
Глава 6	252
Конец ознакомительного фрагмента.	280

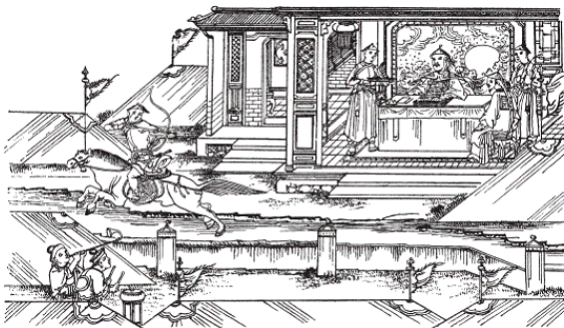
Дж. Г. Грэй

История Древнего Китая

Книга первая

Глава 1

Древняя империя

Кандидаты на военные должности

Как сообщают китайские авторы, в начале, когда все было тьма и хаос, из огромного мирового яйца, разделившегося на две части, появился человек. В китайские анналы он

вошел как Пань-гу Хуан. Из верхней части скорлупы человек этот устроил небеса, а из нижней – землю. Чтобы рассеять всеобъемлющую тьму, правой рукой он создал солнце, управляющее днем, а левой рукой – луну, которая правит ночью. Он сотворил и звезды, а затем сделал так, что возникли пять элементов ^{1}: почва, вода, огонь, металл и дерево. Китайские авторы рассказывают: чтобы заселить землю, Пань-гу Хуан сотворил облако пара из слитка золота и такое же – из куска дерева. Дохнув на них, он придал мужское начало пару, поднимавшемуся от золота, и женское начало тому, что исходило от дерева. От их слияния родились сын и дочь, Ин и Ча Нюй, потомки которых со временем населили всю страну. Так, согласно китайской космогонии, возникла земля Хань и ее многочисленное население; другими словами, мир и его обитатели. На всей территории Китая воздвигнуто множество храмов в честь Пань-гу Хуана, который представляет собой почти обнаженную фигуру из дерева или глины, с передником из листьев – китайцы говорят, что в те незапамятные времена не существовало одежды, поэтому Пань-гу приходилось довольствоваться таким нарядом.

Primordia^{2} любой страны скрываются во мраке, о них рассказывают невероятные вещи, и историку чрезвычайно трудно определить период, когда начинается история цивилизованного общества. Китай не исключение, однако, по-моему, нет сомнений, что возникновение Китайской империи относится к глубокой древности. На мой взгляд, не будет

опрометчивым сказать, что она просуществовала четыре тысячи лет, на протяжении которых не претерпели серьезных изменений ни законы, по которым она управлялась, ни язык, ни нравы и обычаи ее многочисленного населения.

Общепризнанно, что за 2234 года до Р. Х. в Вавилоне осуществляли наблюдения за небом. Это, вероятно, является самым веским доказательством, какое может привести народ в пользу своей древности. В Вавилоне астрономические знания никак не связывались с историей подлунного мира. А вот наблюдения, осуществлявшиеся китайцами, напротив, накладывались на ход истории страны. В их книгах говорится о затмении, вычисленном в Китае за 2155 лет до Р. Х. Вычисления иезуитских миссионеров доказали, что затмение тогда действительно было. Один из ранних римско-католических миссионеров в Китае, Гобиль, – человек, известный своими математическими достижениями, – изучил группу из тридцати шести затмений, упоминания о которых содержатся в трудах Конфуция. Подвергнув их тщательному изучению, он заключил, что сведения лишь о двух из них были ложными и еще о двух – сомнительными, точность же остальных тридцати двух счел ни в коей мере не подлежащей сомнению. Как бы то ни было, китайская хронология намного древнее, чем даты первых вычисленных затмений. Она подкреплена достаточным количеством свидетельств вплоть до времен правления императора Яо. Начиная с эпохи цар-

ствования этого монарха сведения об истории Китая обретают правдоподобный характер, тогда как рассказы обо всех предыдущих правлениях фантастичны или неясны.

Обитатели этой обширной и древней азиатской империи называют ее по-разному: Чжун Го, Тянь Ся. Название Чжун Го, или Срединное царство, страна получила из-за высокомерного предположения, согласно которому Китай представляет собой величайшее центральное царство мира, вокруг которого располагаются подобно спутникам остальные мелкие государства. Тянь Ся (Поднебесная) – название, в котором китайцы демонстрируют свои притязания на небесное происхождение в противоположность менее высокому происхождению всех остальных стран мира. Племена, живущие между Китаем и восточными берегами Каспийского моря, называют его Катаем, или Цветущей страной; и поскольку до открытия мыса Доброй Надежды торговый путь из Европы в Китай пролегал через эти страны, европейцы познакомились именно с названием Катай. Считается, что слово «China» происходит от имени императора недолговечной династии Цинь – Цинь Хуана, который назван в китайских анналах одним из величайших героев, которым действительно мог бы гордиться не только Китай, но и любая другая страна. Он завоевал страны, непосредственно прилегавшие к западной границе царства, прогнал татарские племена на север, обратно к горным твердыням, и закончил строительство Великой Китайской стены, дабы воспрепятствовать возможным

вторжениям. Считается, что этот правитель скончался примерно за двести лет до Рождества Христова, поэтому можно предполагать, что Великая Китайская стена насчитывает более двух тысяч лет. Она никогда не играла какой-либо важной роли, кроме того времени, когда сдерживала грабительские набеги кочевых татарских племен. Стена простирается на полторы тысячи миль ^[3], а твердыню, даже такую длинную, трудно защищать на всей ее протяженности. Сейчас это лишь памятник древности и свидетельство вложенного в ее постройку огромного труда.

Собственно Китай располагается между 18° и 41° северной широты. Его восточная оконечность там, где он граничит с Кореей, находится на 124° восточной долготы, а западная граница, где он примыкает к Бирманской империи и Западному Тибету, оканчивается на 98° восточной долготы. Таким образом, Китай можно считать самой большой страной мира, расположенной на единой территории, поскольку она насчитывает свыше одного миллиона трехсот тысяч квадратных миль. С одной стороны она омывается океаном. Побережье простирается на две тысячи пятьсот миль. Там много заливов и морских рукавов, так густо усеянных островами, что один из самых популярных и метких титулов императора – «повелитель десяти тысяч островов». Океан, омывающий это обширное побережье, делится на четыре секции. Часть моря, расположенная между Кохинхиной и островом Хайнань, называется Тонкинским заливом. Часть мо-

ря между Хайнанем и Формозой известна как Китайское море. Часть, простирающаяся между северным мысом Формозы вдоль берегов соответственно провинций Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянсу, называется Восточным, а оттуда вплоть до Кореи – Желтым морем. Поскольку эти моря, образующие южный и восточный рубежи империи, изобилуют мелями и банками (самые известные из них – Праты и Парацеллы), навигация там сопряжена с особым риском.

Омывающие Китай части океана или моря местные жители называют северным, южным, восточным и западным морями. Это объекты культа. Чиновники поклоняются им во время весеннего и осеннего равноденствий и совершают по этому случаю жертвоприношения. Церемония поклонения восточному морю проводится в Лайчжоу, областном центре провинции Шаньдун; западному – в уездном городе Юньчэн в провинции Шаньси, южному – в кумирне Боло, провинция Гуандун, а северному – в Маньчжоу, а именно в области Шэнь-цзин, которая находится за пределами Великой Китайской стены.

В 1725 году, на второй год царствования, император Юнчжэн даровал титулы и другие почести четырем драконам, которые, по китайскому поверью, обитают в этих океанах. В честь Сянь Жэня, Чжэн Хэна, Чун Цина и Чжао Мина – таковы новые имена этих драконов, – по-моему, нельзя давать театральных представлений.

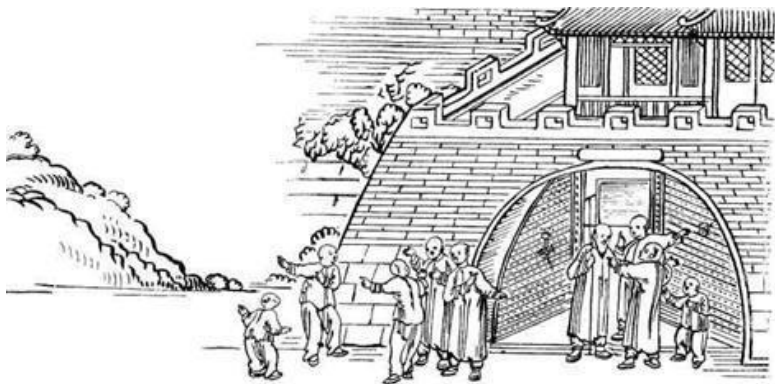
Самые крупные административные подразделения стра-

ны – это восемнадцать провинций, как то: Шаньдун, Бэйчжили (или Чжили), Шаньси и Шэньси на севере; Гуандун и Гуанси на юге; Чжэцзян, Фуцзянь и Цзянсу на востоке; Ганьсу, Сычуань и Юньнань; Аньхой, Цзян-си, Хунань, Хубэй, Хэнань и Гуйчжоу – центральные провинции.

Самая большая из этих провинций – Сычуань, самая маленькая – Чжэцзян. Из-за своего почти тропического расположения Гуандун – одна из наиболее плодородных. Каждая провинция подразделяется на пу, уезды или округа, а также области. Пу, столица которого – рыночный город, состоит из нескольких городков и деревень; уезд или округ, столицей которого является укрепленный город, состоит из нескольких пу. Области ее состоят из нескольких уездов, столица окружена городской стеной. Провинция состоит из нескольких областей, столица ее тоже укрепленный город. В восемнадцати провинциях собственно Китая четыре тысячи укрепленных городов, причем столица страны – Пекин (несмотря на то что это императорский город и местопребывание центрального правительства, он, пожалуй, самое грязное место из всех, где я когда-либо бывал). Следующие за столицей по значимости города, хотя и намного превосходящие ее во всех прочих отношениях, – Нанкин, Сучжоу, Ханчжоу и Кантон (Гуанчжоу). Рыночные города и деревни этой обширной империи также очень многочисленны.

Высота стен, которыми обнесены столицы каждого округа, области и провинции, составляет от тридцати до пятидесяти футов.

сяти или шестидесяти футов^[4]. Стена, окружающая Пекин, с виду самая внушительная. Однако стены китайских городов вообще нередко бывают величественными строениями. Они замечательны и своей протяженностью, и монументальностью. Ширина их позволяет проехать двум повозкам одновременно.

Губернатор при отъезде оставляет башмак у ворот города

Так, стены, окружающие город Нанкин, имеют протяженность восемнадцать миль. Во всяком случае, мне потребовалось шесть часов, чтобы обойти их; а я шел без остановок со скоростью, превышавшей три мили в час. Стены китайских городов зубчатые, с амбразурами для артиллерии и бойницами для ружейной стрельбы. На небольшом расстоянии друг от друга находятся сторожевые башни и казармы, где рас-

квартированы войска. На вершине бастионов кое-где сложены в кучи большие камни, которые во времена беспорядков или войн сбрасывают на головы атакующих. Этими камнями отнюдь не пренебрегали как метательным орудием: в начале последней войны, которую вела против Китая Англия в союзе с Францией, именно так были убиты некоторые солдаты 59-го полка ее величества неподалеку от Тайпинских ворот в Кантоне. Этот архаичный способ ведения войны принадлежит скорее тем дням, когда, как сообщает Плутарх, Пирр был убит в Аргосе черепицей, сброшенной какой-то женщиной, чем XIX столетию, или к еще более отдаленным временам, когда Авимелех, недостойный сын Гедеона, принял смерть в Тевеце от куска жернова, тоже сброшенного женской рукой. Поскольку стены многих городов на севере были выстроены очень давно, сейчас они пришли в запущенное состояние и обветшали. Те, которыми обнесены более богатые и значительные города, находятся в отличном состоянии, естественно, за ними существует постоянный уход. Но из-за почтенного возраста нередко случаи, когда некоторые фрагменты этих стен с грохотом рушатся. На моей памяти стены Кантона обваливались в разных местах два или три раза. Так, в июне 1871 года внезапно рухнул древний фрагмент западной городской стены, пропитавшийся влагой недавних проливных дождей, и его обломки погребли под собой семь жилых домов. К счастью, их обитатели успели укрыться в других жилищах.

На северной, южной, восточной и западной сторонах каждого китайского города располагаются очень прочные большие створчатые ворота. Их, в свою очередь, надежно защищают такие же массивные внутренние ворота. Каждые из главных ворот в Нанкине защищены тремя такими внутренними. Самые почитаемые ворота китайского города – южные, или церемониальные, которые считаются императорскими, через них въезжают в город все чиновники, назначенные на новую должность; через них же они уезжают, освобождая свое место. Никаким похоронным процессиям не позволено проезжать через эти ворота. Запрет касается и провоза нечистот или чего-либо другого, считающегося нечистым. Южные ворота столицы империи считаются настолько священными, что, как правило, остаются закрытыми; их открывают только дня проезда императора.

Улицы городов, городков и деревень в северных провинциях империи по большей части шире, чем в южных. Улицы Пекина очень широки. В этом отношении они действительно не уступают улицам европейских городов. Из-за того, что улицы на юге Китая узкие, местные жители получают большое преимущество – в летние месяцы там прохладно. Многие настолько узки, что в значительной мере преграждают путь палящим лучам тропического солнца; иногда в жаркий сезон жители частично укрывают их холстами, циновками или тонкими досками. Так защищаются от жары во многих городках на севере Формозы. Над дорожками перед ма-

газинами дощатые навесы, и, поскольку их часто устраивают в виде примитивных пассажей, из одной части города можно попасть в другую, не опасаясь солнечных лучей или дождя. Между накрытыми таким образом дорожками находится проход для паланкинов и для вьючных животных. У меня тем не менее сложилось впечатление, что этот центральный проход чаще используется как общественная помойка, чем как улица. Владельцы магазинов привыкли выбрасывать туда всяческие отходы, которые городские мусорщики убирают не так быстро, как следовало бы. Манка, или Ваньхуа, один из главных городов на севере Формозы, отличается этим более других. Улицы китайских городов вымощены гранитными плитами, кирпичами или булыжниками. Улицы Сучжоу, известного богатством его жителей, в одних местах вымощены гранитными плитами, в других – булыжниками.

Под улицами китайских городов проложены трубы, в которые дождевая влага просачивается через щели между гранитными плитами. Если улица вымощена булыжником, по обеим ее сторонам устроены канавы или арыки. Но они такие узкие, что оказываются или почти, или вовсе бесполезными. Так что канавы эти превращаются в грязные лужи, откуда в летние месяцы распространяется жуткий смрад. Улицы Пекина вымощены щебнем, или же им полагается быть таковыми. Их середина значительно поднята, так что дождевая вода беспрепятственно стекает в трубы, проложенные по обе стороны улицы. Однако улицы, не выложенные щебен-

кой, в дождливый сезон довольно-таки грязны. Летом они покрыты таким слоем пыли, что проход по ним становится не особенно приятным. Вечером там стоит совершенно нестерпимый смрад, потому что в это время трубы открыты, а стоячую воду из них вычерпывают и разбрызгивают повсюду, чтобы прибить пыль. Улицам в китайских городах обычно дают звучные названия: улица Золотой прибыли, улицы Доброты и любви, Вечной любви, Долголетия, Сотни внуков, Тысячи внуков, улицы Приветствующих драконов, Несущегося дракона, Отдыхающего дракона, Свежих ветров, Тысячи блаженств, Тысячекратного спокойствия, Пяти удач, Десяти тысяч удач, а также улицы Девятикратного блеска, Накопленной доброты. Другие улицы называются просто по порядковым номерам – например, Первая улица, Вторая улица, Третья и так далее.

Кирпичные магазины, образующие улицы китайских городов, бывают различных размеров. С фасада они полностью открыты, тем не менее не бывает правил без исключений, и многие пекинские магазины снабжены стеклянными витринами. Я видел их и в банковском учреждении в Сучжоу. Однако эти стеклянные витрины удивительно убоги. Они не выдерживают никакого сравнения с витринами, украшающими изысканные магазины на лучших улицах английских городов. У дверей каждого магазина стоят две вывески или больше, на обеих сторонах которых четкими жирными иероглифами – золотыми, алыми или других ярких

цветов – написано название «хан» и различных товаров, которые в нем продаются. Название хан, или магазин, состоит из двух иероглифов. Случается, что хозяин магазина помещает над дверью небольшую вывеску, напоминающую по форме какой-нибудь особый товар, которым он торгует. Так, у изготовителя хомутов вывеска в форме хомута, у галантерейщика нечто вроде чулка, у сапожника – башмак, а вывеска мастера, изготавливающего оптику, – очки. Иногда эти товары на вывесках изображаются – например шляпы, веера и даже пластыри. Некоторые хозяева магазинов, не ограничиваясь вывесками, свисающими с дверных косяков, стремятся добиться большей известности и рисуют большими иероглифами свои имена и названия товаров на внешних стенах городов, в которых живут. По моим наблюдениям, особенно часто это можно видеть на стенах городов Даньян и Чанчжоу на берегах Великого канала. Кроме того, в соответствии с законом на входной двери или на наружной стене каждого жилого дома вывешивают доски, на которых записаны имена всех, кто проживает в доме. Мне показалось, что это чаще можно наблюдать в сельских районах, чем в больших или малых городах. Над входной дверью каждого магазина висят фонари, а с крыши свешиваются стеклянные или роговые лампы, на которых изображены пестрые птицы, цветы, сады, храмы. Эти бесчисленные ярко расписанные вывески и фонари придают китайской улице радостный и живой вид. Улицы Кантона, самые выдающиеся в этом отношении, – это

Чаотьянь-цзе; Чжу-ан-юань-фан; Дасинь-цзе; Сюэси-цзе; Гутай-цзе; Шуанмэнь-тай; Вэй-ай-цзе и Да-фо-сы-цзянь. Магазины не разбросаны беспорядочно по китайским городам, как обычно в европейских городах, а находятся в определенных районах и даже на соответствующих улицах располагаются не как попало. Каждой отрасли торговли отведено специальное место, где обычно и группируются соответствующие лавки. По обеим сторонам улицы мы чаще всего найдем похожие магазины. Недалеко от входа в магазин, как правило, сидит хозяин, терпеливо ожидающий прихода посетителей. Женщины из семей торговцев не живут в комнатах позади магазина или над ним. И поэтому вечером, когда закрывают ставни, торговец торопится вернуться в свой дом, расположенный не в столь оживленной части города, оставив товары на попечении приказчиков и учеников.

Улицы, на которых живут джентри^[5], в основном состоят из добротных построек, которые, как и большинство домов в Китае, одноэтажные. Однако они занимают значительную площадь на концах улицы. Эти дома такие большие и просторные, что могут вмещать множество людей. В комнаты проходят через большие двери. Поскольку в стенах, выходящих на улицу, окон нет, они часто кажутся похожими на казармы. Стоящие обособленно дома, а таких много, просто поразительно напоминают казармы, в частности, например, дома джентри, живущих в городах Сучжоу, Янчжоу, Ханчжоу и Хучжоу; это часто обращало мое внимание во время стран-

ствий по провинциям Цзянси и Цзянсу.

В китайских домах нет очагов, поэтому в холодное время года жителям приходится согреваться, либо надевая на себя больше одежды, либо посредством переносных медных или глиняных сосудов с горящими углями.

Поскольку дома и магазины, составляющие улицы, обыкновенно разной высоты и не расположены на одной линии, китайский город или деревня выглядят очень несимметричными. Это объясняется тем, что дома строят в согласии с принципами геомантии, которые не позволяют коньковым балкам домов на одной улице располагаться на одной линии. Говорят, это неизбежно приносит различные несчастья.

В Пекине, Чифу, Нанкине, Шанхае и в других городах, расположенных на севере и в центральной части Китая, есть общественные бани. Они выстроены явно более для практических целей, чем для внешнего эффекта, и представляют собой самые непритязательные и невзрачные здания. По-видимому, все они без исключения с горячей водой, нагреваемой печами. Водяной пар наполняет комнаты для мытья и придает им не только вид, но и свойства парной. В некоторых китайских городах, когда баня готова, владелец объявляет об этом, посылая слугу, который проходит по улицам и мелодично бьет в гонг, висящий у него на боку. Так действуют, насколько я заметил, владельцы бань в рыночном городе Чифу.

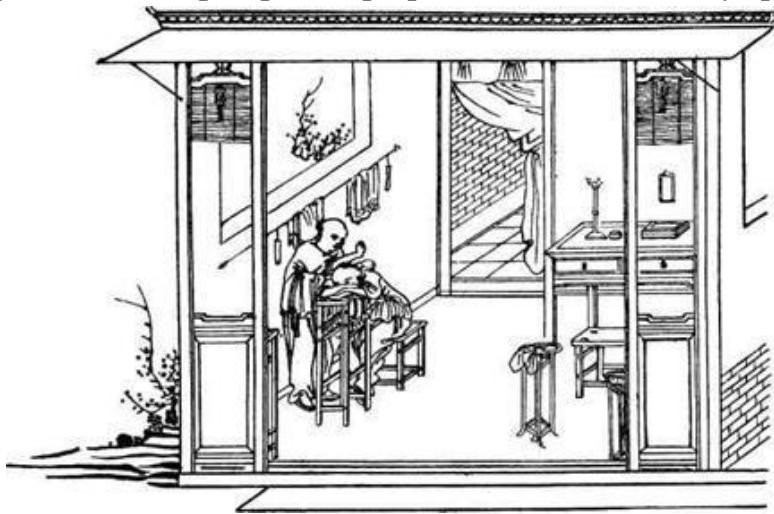

Стена вокруг деревни

У каждой комнаты есть предбанник, там люди раздеваются; за одеждой купающихся присматривают слуги. На стенах предбанника общественных бань в Нанкине написаны крупными китайскими иероглифами сентенции следующего содержания: «Честность – лучшая политика», «Поступай со своим ближним так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой» и подобные.

В отличие от европейских улицы и площади китайских городов не украшены каменными, мраморными или бронзовыми статуями героев или ученых, но почти во всех главных городах, тем не менее, воздвигнуты памятные арки в честь прославленных воинов, выдающихся государственных деятелей, известных граждан, ученых мужей, добродетельных женщин или послушных сыновей или дочерей. Иногда

такие монументы сделаны из кирпича, бывает – из мрамора, в иных случаях – из старого красного песчаника, но чаще всего – из гранита. Такой китайский монумент состоит из тройной арки или тройных ворот – больших посредине и маленьких по бокам. На большой полированной плите, помещенной над средними воротами, располагают скульптуры или китайские иероглифы, объясняющие, по какому поводу горожане с императорского разрешения воздвигли эту арку.

Мастер по мытью волос за работой

Некоторые из этих монументов выстроены в виде павильонов или куполов, поддерживаемых гранитными колоннами. Одна из самых больших известных мне монументальных

арок в Китае расположена в городе Дунпин в провинции Шаньдун. Она воздвигнута в честь ученого мужа по имени Лян Хоу, которому в возрасте восьмидесяти двух лет удалось занять первое место в списке успешно сдавших экзамен на ханьлиня, или на докторскую степень. Эта арка, сложенная из гранита и искусно украшенная скульптурами, была воздвигнута в период династии Сун. Надпись на плите, расположенной над большой или центральной аркой, говорит о научных достижениях не только Лян Хоу, но и его сына, который, кажется, за три года успеха своего отца добился точно такого же отличия. Однако наиболее замечателен нарядными арками город Хучжоу в провинции Чжэцзян. Когда путешественник попадает в этот город через южные ворота, его взгляду предстает впечатляющее зрелище, которое создают арки. Они перекрывают большую часть Да-нань-цзе, или Большой южной улицы города, и находятся в ближайшем соседстве, делая эту магистраль достойной наименования арочной улицы. Каждая из них огромных размеров и богато украшена скульптурами. Все эти арки воздвигнуты в честь людей, родившихся, живших и умерших в области Хучжоу. Две из них построены в память об отце с сыном, добившихся литературной славы. На третьей арке записаны имена тринадцати уроженцев области Хучжоу. Они в один год добились в Пекине чуть не самых высоких отличий из тех, что предоставляет китайское правительство для поощрения образованных людей. Единственный виденный мной монумент-павильон под

названием Цзюлун-чжэнь, располагается на берегах Великого канала в предместье города Уси Сянь. Он построен в честь неких членов семьи Хуа, успешно сдавших экзамены. Кроме того, единственная виденная мной глинобитная монументальная арка находится поблизости от Янчжоу, на берегах озера Поян. Она, по-моему, увековечила память женщины исключительной добродетели.

Чтобы уберечь города от разрушительных пожаров, китайцы соблюдают ряд необходимых предосторожностей. На улицах многих городов вырыты колодцы, носящие название тайпин-цзин, или колодцы Великого спокойствия. Они немалых размеров и содержат большие запасы воды. Отверстие такого колодца заложено каменной плитой, которую убирают лишь тогда, когда поблизости горит какой-нибудь дом. По закону в разных частях китайского города следует держать большие чаны, постоянно наполненные водой. На каждом из них написано большими китайскими иероглифами: «мирные чаны», или бочки. Нередко китайцы также ставят на крышах домов глиняные кувшины с целью иметь под рукой достаточно воды, чтобы потушить начинающийся пожар. В каждом большом городе есть несколько пожарных команд, которые содержатся всецело на пожертвования горожан. Принадлежащие им пожарные насосы, ведра с водой и фонари, как правило, хранят в разных городских храмах. Каждая пожарная команда носит свое название и прикреплена к гильдии, или цеху, расходы на ее содержание оплачи-

вают члены цеха; солдаты и офицеры обеспечены специальной униформой, и на их шапках большими иероглифами написаны название или номер команды, а также слова «Цзюхо» — «гаситель огня».

Я перечислил предосторожности, которые принимают для тушения пожаров сами горожане. Местное городское правительство также должно оказывать им содействие. Возьмем в качестве примера Кантон. Каждый магистрат этого города имеет в подчинении несколько человек, в чьи обязанности входит предотвращать грабежи при пожарах. Так, гуансе, или начальнику китайского гарнизона в Кантоне, помимо других подчинены восемьдесят человек, двадцать из которых должны принимать участие в предотвращении грабежей при пожарах, а шестьдесят непосредственно участвовать в тушении. Сорок из этих восьмидесяти расквартированы у городских ворот Пяти Гениев, а другие сорок — в западном предместье. В непосредственном подчинении у губернатора находятся двести человек, чьи основные обязанности состоят в помощи пожарным при особенно серьезных бедствиях. Во всем Кантоне сорок восемь караульных помещений, и из каждого при пожаре отряжают к месту происшествия по два человека. В конце или в начале каждого последующего месяца на протяжении года судья и казначей провинции — оба чиновники очень высокого ранга — обязаны инспектировать всех правительственных служащих, которые должны участвовать в тушении пожаров. Кроме того, с целью привлечь

к этой деятельности всех китайских чиновников предписано, чтобы, когда пожар разрушает восемьдесят домов, все мандарины города, в котором случилось это бедствие, были понижены в ранге на одну ступень; если же разрушены десять домов, об этом следует докладывать в Пекин, центральному правительству. Через несколько дней после серьезного пожара члены каждой пожарной команды, участвовавшей в тушении огня, получают жареных поросят, кувшины вина и небольшие суммы денег в знак благодарности за хорошую службу. Люди, на которых лежит опасная обязанность держать брандспойты, в таких случаях получают дополнительную премию. Раненым пожарным дают компенсацию, размер которой зависит от того, какое ранение они получили. На мой взгляд, китайцы – отличные пожарные. Они очень быстро прибывают к месту происшествия и, как правило, весьма проворно гасят огонь. Кроме того, они очень смелы. Во время прошлой войны между Великобританией и Китаем, когда Кантон был подожжен бомбами из орудий сэра М. Сеймура, с крыши британской фактории я наблюдал, как разные пожарные команды упорно продолжали попытки потушить пламя под постоянным орудийным огнем.

Если удастся поймать людей, которые по беспечности или каким-то иным причинам допустили возникновение возгорания, их сурово наказывают. Я помню большой пожар в мае 1866 года в Хэнане – предместье Кантона. Он возник из-за беспечности трех женщин, и когда их задержали, то

заставили несколько дней стоять в кангах, или деревянных ошейниках, в воротах храма, воздвигнутого в честь Царицы Небесной. В августе 1871 года я видел, как уважаемый аптекарь по имени Хуан Госин был выставлен в канге в конце Дунсин-цзе, улицы в юго-западном предместье Кантона. Беспечностью этого аптекаря объяснили пожар, который в прошедшем марте разрушил свыше сорока домов. Несчастный должен был стоять в этом унижительном положении каждый день на протяжении месяца.

Нет необходимости в этих вступительных заметках подробно описывать характерные черты и устройство больших и малых городов Китая. Упоминания о них часто будут встречаться читателю в тексте книги.

Численность населения Китая в настоящее время, полагают, очень большая. В 1743 году она, согласно Грозье, была около 200 миллионов. При переписи, осуществленной в правление Цяньлуна во второй половине XVIII века, население, согласно сведениям, сообщенным каждой провинцией центральному правительству в Пекине, составляло 307 467 000 человек. По переписи, проведенной китайцами в 1813 году, население составляло 360 279 897 человек, а в 1842 году, согласно И.И. Захарову, оно достигло колоссальной цифры 414 686 994 человека. Это кажется почти невероятным. Тем не менее несомненно то, что большинство районов этой обширной империи густо населены. На протяжении восстания, нарушавшего спокойствие в Китае с 1847 по 1862 год,

вероятно, произошло значительное уменьшение населения. Бесчисленные большие и малые города были тогда обращены в развалины^[6], а их обитатели – истреблены.

Очень трудно дать справедливую нравственную характеристику народа, множившегося, пока его не стало «как песка на берегу моря». Нравственный характер китайцев – книга, написанная странными письменами, которые для человека из другой страны, с иными религией и языком, сложнее, чем те необычайно запутанные знаки, что обозначают в китайском языке слова. В одном и том же человеке одновременно существуют явно несовместимые добродетели и пороки. Кротость, доброта, послушание, трудолюбие, непритязательность, веселость, покорность вышестоящим, почтительность к родителям и уважение к пожилым людям сочетаются в этом же человеке с неискренностью, лживостью, льстивостью, вероломством, жестокостью, завистью, неблагодарностью, алчностью и недоверием к другим. Китайцы – люди слабые и застенчивые, и в результате, как и для всех таких народов, для них естественно защищаться от окружающего мира с помощью хитростей и обмана. Но нравственная непоследовательность свойственна отнюдь не одним китайцам, боюсь, что иногда слишком акцентируют дурную сторону их характера – к чему применимо известное описание святым Павлом современных ему язычников, как если бы ей не нашлось аналогии среди более просвещенных наций. Если бы уроженец Китайской империи, стремясь ос-

новательнее узнать англичан, познакомился с документами наших полицейских и прочих судов, со сделками, происходящими в так называемых коммерческих кругах, и со скандалами в так называемом обществе, вероятно, он представил бы своим соотечественникам на редкость односторонний и уничтожающий отчет об этой нации. Более того, мы должны помнить, что владеем бесчисленными благами, которые получили от христианства. Если китайцы не находят убежища в безразличии или атеизме, они остаются рабами религий, наполненных суевериями. А хитроумные жрецы, геоманты, предсказатели судьбы и прочие прилагают усилия, чтобы коварной ложью и всяческими уловками держать свою паству во тьме более непроглядной, чем египетская. Если учесть политические и социальные условия, в которых проходит жизнь китайцев, то становится удивительно, что в их национальном характере можно найти столько доброго. Их религия – это скопление суеверий. Форма управления в их стране, пожалуй, наиболее подвержена злоупотреблениям, чем любая другая, – это безответственная деспотия. Их судьи продажны, судопроизводство весьма несовершенно и в слабости своей прибегает к пыткам, наказания (многие из них) суровы и отвратительны, полиция нечестна, а тюрьмы – притоны жестокости. Значительная часть населения неграмотна^[7], и почти везде существует предвзятая неосведомленность обо всем, что имеет отношение к современному прогрессу. Их общественная жизнь страдает

от пагубных следствий полигамии и, в определенной степени, рабства, а брачные законы и обычаи держат женщину в состоянии унижительной зависимости. Для любого народа это серьезные обвинения в нарушении религиозных, политических, гражданских и общественных установлений. И все же, вопреки условиям, так мало благоприятствующим развитию гражданских и общественных добродетелей, китайцев можно беспристрастно охарактеризовать как учтивый, дисциплинированный, трудолюбивый, мирный, трезвый и патриотичный народ.

Я цитирую составленный в 1871 году мистером Г.Ф. Стюардом, впоследствии американским консулом в Шанхае, официальный доклад о резне в Тяньцзине:

«Господствующая тенденция среди иностранцев в Китае – унижать китайцев, ставя их на очень низкое место в ряду прочих наций, принижать их умственные способности, осуждать их нравы, объявлять их лишенными живости и энергии. Каждый, кто утверждает это, находит готовые факты, которые якобы доказывают его собственное мнение.

Признаюсь, что со мной дело обстоит иначе. Вера в этот народ во мне интуитивна. Я нахожу в нем приверженность традициям прошлого, трезвую верность требованиям разных социальных отношений, отсутствие инертности, честное и по меньшей мере серьезное стремление преодолеть нужды и трудности, окружающие человека на более низких стадиях прогресса, вдобавок к этому – способность делать для себя

выводы и стойкое чувство справедливости. Все это составляет то, что следует считать по сути своей достаточным фундаментом национального характера. Народ отличается здравым смыслом, джентри – врожденной склонностью к учености, стремлением к росту и тягой работать ради этого со всей серьезностью и постоянством. Правящий класс отличается чувством собственного достоинства, широтой взглядов, учитывая объем информации, которым он располагает, и патриотизмом. Кто скажет, что такому народу не предстоит даже более великое будущее, чем его прошлое? Почему колеса прогресса и имперской власти не смогут снова достигнуть стран Азии?»

Пань-гу Хуан

Такой подход, по-моему, в основном разумен; и, поскольку можно сказать, что в наши дни упомянутые колеса олицетворяют колеса локомотива, наделившего человека новой властью над временем и пространством, весьма возможно, что упования мистера Сьюарда^[8], вскоре могут стать явью. Первый паровой локомотив в Китае уже возит составы в

окрестностях Шанхая. Важнее то, что замкнутость Китая ощутимо подалась под давлением неоднократных определенно не всегда христианских атак, которые предпринимали против нее западные нации. В замкнутости китайцев и зависимости к ним иностранцев определенно нет ничего удивительного. От самых истоков общественной истории, на протяжении столетий китайцы создавали свою цивилизацию и самобытный национальный характер в краю, доступ к которому затруднила сама природа при помощи таких преград, как горы, непроходимые леса и пустыня. Эта земля была практически недоступна на южной и восточной морских границах, пока наука не превратила моря, некогда разделявшие людей, в мировые магистрали. Расовые предрассудки с огромной силой препятствуют общению, и избавиться от них можно лишь при помощи постоянных контактов народов из поколения в поколение. Вплоть последнего времени «цветущие люди» считали нас варварами; да и мы слишком часто в общении с ними не проявляли учтвого понимания, если не говорить о более серьезных погрешностях. Пусть же посольство, которое ныне Китай впервые направил к нашим берегам, ознаменует приближение тех дней, когда Запад сможет беспрепятственно сообщить этой древней азиатской империи многочисленные блага цивилизации, возникшей и начавшей развиваться на Востоке, о чем мы со слишком большой готовностью забываем.

Глава 2

Управление

Форма управления этой обширной империей – абсолютная монархия. Император считает себя толкователем велений Неба, а люди, которыми он правит, полагают его связующим звеном между богами и ними. Его величают такими титулами, как Сын Неба, Десятитысячелетний государь, Августейший владыка; ему полагается общаться с божествами, когда заблагорассудится, и получать от них блага, в которых может нуждаться он лично или народ. В руководстве правительством этому могущественному монарху помогает кабинет, состоящий из четырех государственных министров, и в дополнение к нему шесть высших судов, или коллегий, контролирующих разные сферы управления страной. Перечислю эти суды, носящие общее название лю-бу. Во-первых, суд ли-бу, который разделен на четыре департамента. В первом из них отбирают чиновников для различных должностей, полагаемых необходимыми для управления разными провинциями и регионами империи. Второй департамент принимает всех таких чиновников под свою юрисдикцию. Третий скрепляет печатью все указы и воззвания, а четвертый ведет реестр выдающихся заслуг служащих. Вторая коллегия, или суд, называется ху-бу, и на него возложено попечение о государственных доходах и их хранение. Третья кол-

легия называется ли-бу. Ей вверен надзор за всеми древними обычаями и религиозными ритуалами народа, а также охрана всех храмов, содержание которых оплачивает правительство. Четвертая коллегия называется бин-бу. Она отвечает за все флотские и военные организации, расположенные на территории империи. Пятая называется син-бу. Она заведует всем уголовным судопроизводством. Шестая, и последняя, носящая название гун-бу, надзирает за всеми общественными работами – на рудниках, мануфактурах, дорогах, каналах, мостах и т. п. Каждый из этих трибуналов возглавляет старший министр или советник, в чьи обязанности входит представлять решения своей коллегии кабинету в составе четырех государственных министров. Когда решения коллегий были ими тщательно обсуждены, их с подобающим почтением представляют вниманию его императорского величества. Однако власть этих министров почти номинальна, поскольку император полагает, что лишь он сам несет ответственность перед лицом богов, чьим представителем считается. Таким образом, люди находятся под дланью императора, как дети на попечении своих родителей. Но хотя император внешне выказывает презрение к любому из предложений, которое могут сделать ему министры, не может быть сомнений в том, что конфиденциально его величество уделяет большое внимание советам всех пользующихся его доверием государственных служащих. И действительно, очень мало правителей Китая были в достаточной степени одарены муд-

ростью, чтобы править самостоятельно, не советуясь с другими. Император утверждает все законы и эдикты, скрепляя печатью, а все сделанные его величеством замечания записываются красной тушью.

Кроме этих многочисленных советов, существует еще два – ду-ча-юань и цзун-жэнь-фу. Первый из них – это коллегия цензоров. Цензорам полагается посещать собрания коллегий, или советов, описанных выше, чтобы удостовериться, не готовятся ли там интриги и заговоры, направленные на ослабление правительства. Членов этой коллегии нередко посылают в провинции, чтобы удостовериться в надлежащем ведении дел. Иногда цензоры направляют в разные части империи соглядатаев, чтобы провести тщательную проверку общественного и частного поведения любого чиновника или чиновников, на которых могло пасть подозрение. Перед такими эмиссарами трепещут местные власти и видные горожане всех больших и влиятельных городов. Его превосходительство Ань, уполномоченный этой коллегии, прибыл в Кантон осенью 1862 года и внезапно арестовал несколько ни о чем не подозревавших чиновников и известных горожан, и в соответствии с его приказами некоторые из них, включая пользовавшихся дурной славой Чжан Чуня и Ду Би, были без промедления казнены.

В Peking Gazette от 12 ноября 1871 года было опубликовано заявление, переведенное в China Mail от 23 декабря 1871 года. Его содержание было таково: цензор обратил внимание

императора на дело о тройном убийстве, истцом по которому выступал некий уроженец Чжэцзяна. Истец утверждал: когда его брат шел с рынка, где покупал горох, его остановили и окружили четверо братьев, желавших отомстить ему за старую обиду. Среди нападавших были и два посторонних человека. На месте были убиты двое, несшие горох. Затем убийцы похитили брата истца, заперли у себя дома, а затем убили. О случившемся было доложено тогдашнему начальнику уезда, чья фамилия была У, но из-за Тайпинского восстания дело не могло быть расследовано. Преемник У на этой должности, которого звали Ду, арестовал преступников. Однако подкупленный мелкий чиновник нашел способ освободить их. Осмелев после освобождения, убийцы выкопали из могил гробы и изуродовали останки покойных с целью сделать их идентификацию невозможной. Другой магистрат по фамилии Хуан отправил служащих арестовать их за это преступление, но убийцы оказали сопротивление полиции. Преемник этого магистрата направил войска для задержания преступников, но убийцы ухитрились бежать. Дело оставалось нерешенным в течение четырнадцати лет, несмотря на то что речь шла о трех жизнях. Начальнику области (префекту) подавали прошения двадцать пять раз, интенданту округа – девять раз, по одному разу – губернатору и генерал-губернатору, но истец так и не смог добиться удовлетворения своих претензий. Неизменно дело передавали магистрату, дабы он арестовал убийц, однако им было позволено

спокойно жить дома.

Вторая из этих двух коллегий, цзун-жэнь-фу, состоит из шести высокопоставленных чиновников. Они ведут реестр рождений, смертей, браков и связей принцев из императорской семьи и иногда докладывают об их поведении. Реестр, в котором записаны имена прямых потомков императорской семьи, ведется на желтой бумаге, а родственников императора по боковой линии – на красной. Результат работы коллегии каждые десять лет представляют на рассмотрение императора, а он дарует титулы и награждает. Они делятся на четыре класса: первый – наследственный, второй – почетный, третий дается за государственную службу, а четвертым вознаграждаются достижения в сфере литературы. Обязанность министров коллегии цзун-жэнь-фу – представление различным судам, носящим название лю-бу, докладов о том, какой из сыновей императора в наибольшей степени обладает необходимыми для хорошего правителя качествами. Эти доклады, как и все другие, представляют на рассмотрение императора. Его величество обладает властью назначить себе преемника вне зависимости от того, принадлежит преемник к императорской семье или нет. Желание упрочить и продлить свою династию едва ли позволит императору выбрать человека, который займет трон после него, не из числа членов царствующей семьи. Как правило, императору наследует его старший сын. Если же последнего сочтут неспособным к управлению государственными делами, царствовать прихо-

дится второму или третьему сыну. Когда император бездетен, выбор делается из представителей боковой ветви той же династии. Подобно большинству китайских семей или кланов, императорский дом крайне многочислен. Одно время было принято принимать на государственную службу каждого из отпрысков царствующего дома. Этот обычай постоянно приводил к серьезнейшим хлопотам и тревогам властей, поскольку из-за него возникали заговоры и мятежи, поэтому от него отказались. Каждый принц должен теперь довольствоваться звучным, но бессодержательным титулом царя; причем этого царского достоинства его могут лишить при любом его поступке, который сочтут унижающим достоинства семьи.

Китайцев учат рассматривать императора как представителя Небес, а императрицу – как представительницу матери-земли. И как таковой, ей полагается влиять на природу и быть в состоянии изменять ее. Одна из ее основных обязанностей – следить за тем, чтобы в назначенные периоды в году должным образом со всем надлежащим почтением осуществлялось поклонение божеству – покровителю тутового шелкопряда. Она также обязана тщательно проверять, как дамы из императорского гарема ткут шелка, предназначенные для одежд некоторых идолов государственного культа. Императрице полагается быть полностью неосведомленной о политических делах. Однако есть примеры, которые свидетельствуют о том, что китайские императрицы проявляли

самые обширные познания в этой области. Например, вдовствующая императрица, мать покойного государя Тунчжи, энергично занявшись государственными делами, смогла раскрыть заговор некоторых членов кабинета с целью свержения и убийства ее сына. Главных заговорщиков обезглавили, а других, роль которых в заговоре была не столь значительна, отправили в пожизненную ссылку. Но кроме императрицы, у императора есть и другие жены. Их восемь, и они называются царицами. Эти женщины подразделяются на два класса: к первому относятся три царицы, а ко второму – пять. В дополнение к женам у императора есть, конечно, еще несколько наложниц.

Выбор императрицы и цариц зависит исключительно от личных качеств или привлекательности избранных женщин, их родство или репутация семьи не имеют значения. Их выбирают следующим образом. Вдовствующая императрица со своими фрейлинами или, при ее отсутствии, принадлежащая к царствующему дому дама, наделенная соответствующими полномочиями, устраивает нечто вроде приема, где присутствуют приглашенные из разных мест империи маньчжурские дамы и дочери знаменосцев. Даму, которую провозглашают belle этого собрания, избирают, дабы в должное время возвести ее в достоинство императрицы. Тех, кого сочли следующими за ней по привлекательности, выбирают царицами. Дочери знаменосцев седьмого, восьмого и девятого рангов представляются вдовствующей императрице, с тем что-

бы определенное их число можно было назначить на соответствующие должности дам и служанок при императорской опочивальне. Эту церемонию, по-моему, проводят раз в году. Сходным образом выбирали цариц для древних царей Персии: в книге Есфири упоминается о подобной практике – из «красивых девиц». Молодые женщины, допущенные в гарем, – это, как правило, дочери аристократов и дворян. Однако, поскольку красивая внешность – одно из основных качеств для наложницы, иногда во дворец попадают и женщины более скромного общественного положения. Действительно, из низших слоев общества происходила мать императора Сяньфэна. Она была продавщицей фруктов и своей поразительной красотой привлекла внимание государственного министра, когда он в составе процессии проходил по улице, где жила эта девица. Довольный тем, что нашел такую красавицу, он добился, чтобы ее представили ко двору императора Даогуана, где она со временем и родила злополучного императора Сяньфэна. Я жил в Китае, когда выбирали жену для покойного императора Тунчжи. Имя своей новой императрицы китайцы узнали из Peking Gazette от 11 марта 1872 года. От имени двух вдовствующих императриц было объявлено, что дама по имени Алутэ была избрана, дабы стать доброй спутницей императора и делить с ним радость и горе. Далее Gazette сообщала, что она дочь Чун И, младшего чиновника академии Ханьлинь, имеющего должность, соответствующую правителю области или начальника департамен-

та. Само собой разумеется, что Чун И – монгольского происхождения. Кроме того, он принадлежит к знамени из синей гладкой материи и является сыном некого Сайшанга, чиновника, снискавшего печальную известность в начале предшествующего царствования: он утратил благосклонность своего государя в 1853 году из-за того, что не смог справиться с Тайпинским восстанием. Из-за поражений, которое потерпел от повстанцев, он был разжалован и не участвовал в общественной жизни. В 1861 году его личный дворец в Пекине был конфискован правительством и превращен в Цзунли ямэнь. Это очень ученый человек: в 1865 году он стал чжуаньюанем (старшим по математике или по классике), то есть первым выдержал проводящийся раз в три года экзамен на степень доктора. Мать Алутэ – дочь покойного Туаньхуа, князя Чжэн. Этот князь был признанным лидером выступавшей против всех чужеземных влияний партии, которая к концу правления Сяньфэна доставила так много беспокойства иностранцам. Как бы то ни было, эта партия в ноябре 1861 года очень ловко была свергнута князем Гуном, которого поддерживала императрица-мать. Лидеров потерпевшей поражение партии, выступавшей против всего иностранного, судили и обезглавили, а Туаньхуа в знак императорской милости позволили покончить жизнь самоубийством. В том же выпуске Peking Gazette, на который мы ссылались, был напечатан второй указ о помещении в гарем его императорского величества трех женщин. Одна из них была дочерью слу-

жащего коллегии, ведающей наказаниями, вторая – дочерью начальника области (префекта), а третья – дочерью Сайшанга, деда Алутэ. Женщины, принадлежащие к императорскому семейству, находятся на попечении евнухов, которые выполняют обычные обязанности в императорском гареме.

В каждой из провинций, на которые разделена империя, находится огромное множество чиновников, и все их действия непосредственно или опосредованно находятся в ведомстве соответствующей коллегии или суда. Так, в провинции Гуандун^[9], которую я осмелюсь выбрать для иллюстрации управления провинциями, есть такие гражданские мандарины: генерал-губернатор, губернатор, казначей, младший уполномоченный, судья-литератор, главный судья (последние четыре – одного ранга), шесть даотаев одного ранга, десять начальников области одного ранга и семьдесят два уездных или окружных правителей одного ранга. У каждого из этих чиновников есть совет, помогающий им в исполнении должностных обязанностей. Помимо этих чиновников, в каждом большом и малом городе империи имеется администрация, так что число мандаринов в каждой провинции очень велико. Разные классы чиновников находятся в строгом подчинении друг у друга. Так, администрация деревни подчинена правителю округа или уезда. Правитель округа или уезда подвластен начальнику области, а начальник области, в свою очередь, подчинен даотаю, тот – главному судье или судье, рассматривающему уголовные дела, и так далее

вплоть до генерал-губернатора или наместника. Каждый чиновник находится *in loco parentis*^{10} по отношению к своим непосредственным подчиненным, и считается, что мандарины относятся к управляемому ими народу по-отечески. Этот принцип пронизывает все слои общества вплоть до беднейших: люди, стоящие выше на общественной лестнице, играют роль родителей для тех, кто ниже их по положению, и над всеми простирается всеобъемлющее отеческое попечение императора.

Китайским чиновникам определенных рангов не разрешается занимать должности в провинциях, уроженцами которых они являются; им не позволено также без императорского разрешения заключать брак в провинциях, куда они посланы на службу. Чтобы предотвратить возможность приобретения ими слишком большого влияния в уездах, областях или провинциях, где они служат, их переводят на другие должности — иногда раз в три года, иногда раз в шесть лет. Все чиновники должны назначаться императором по рекомендации коллегии церемоний, члены ее считаются советниками его императорского величества по вопросу назначений на административные должности. Кандидатами на должность по закону должны быть люди, успешно сдавшие большие государственные экзамены на знание классики. Однако мандарины из коллегии церемоний совсем не против за вознаграждение представить его величеству в качестве кандидатов на должность людей, чья экзаменацион-

ная степень была куплена, а не получена в результате учебы. Жалование государственных чиновников очень маленькое. Эта система приводит к самым возмутительным и незаконным поступкам. Таким образом, хотя китайские мандарины ежеквартально получают из императорской казны минимальную оплату, они уходят в отставку состоятельными людьми, вследствие несправедливо нажитых ими доходов, к которым они стремятся с ненасытной жадностью. Чиновники долго уже составляют настоящее проклятие страны. Это червь, гложущий ее корень. Своими злоупотреблениями они повергли этот прекрасный край в анархию и бедность.

Военные мандарины в провинции Гуандун также крайне многочисленны. Главой их, конечно, считается маньчжурский генерал.

Обязанности, возложенные на генерал-губернатора, или губернатора провинции, очень трудны. Он отвечает перед императором, в свою очередь отвечающим перед богами, за всеобщий мир и процветание своих провинций. Губернатор должен присматривать за всеми чиновниками и раз в три года направлять в Пекин, в коллегия, ведающую назначением на гражданские должности, сведения о каждом служащем, находящемся под его началом, с краткой запиской о его обычном поведении. Такой информацией снабжают наместника или губернатора непосредственные начальники каждого из служащих. Если генерал-губернатора обвиняют в каком-либо правонарушении, правительство немедленно на-

правляет императорскую комиссию расследовать дело.

Существует девять отличительных знаков, по которым без труда можно распознать ранг или должность чиновника Китайской империи, о чем впоследствии будет рассказано подробнее. Чиновник первого, или высшего, класса носит на верхушке шапки темно-красный коралловый шарик, или пуговицу, как это чаще называют. Чиновники второго класса – розовую того же размера, третьего класса – голубую, а четвертого – синюю. Чиновника пятого класса отличают по хрустальной пуговице на шапке, по перламутровой – мандарина шестого класса; чиновники седьмого и восьмого класса имеют золотую пуговицу, а девятого, последнего, класса – серебряную. Любой чиновник может получить дополнительное отличие – павлинье перо. Оно крепится к низу шарика на верхушке шапки и спускается вниз назад.

Внешняя чиновничья туника – это длинное просторное одеяние из синего шелка, затканное золотыми нитями. Оно доходит до лодыжек и стягивается поясом на талии. Сверху носят лиловую тунику немного ниже колен; широкие и очень длинные ее рукава, закрывая кисти рук, спускаются ниже. Обыкновенно их подворачивают и закрепляют у запястий. Когда чиновника допускают к императорской особе, с тем чтобы он переговорил с его величеством или совершил коутоу, которое в Китае представляет собой обычное выражение почтения, этикет предписывает, чтобы рукава были спущены и закрывали руки, что делает человека довольно бес-

помощным. Этот древний обычай возник, чтобы предотвратить возможное покушение на жизнь императора. Точно такой же обычай, по-видимому, существовал при персидском дворе, у. Митфорд так описывает его в своей «Истории Греции»: «У персидского придворного платья были такие длинные рукава, что, не будучи подвернутыми, они покрывали кисти рук;. И церемониал требовал от людей, допущенных лицезреть царскую особу, так закутывать руки, что они становились беспомощными».

На груди и на спине туники гражданских чиновников шелковыми нитками вышита птица с распростертыми крыльями, стоящая на скале среди бушующего океана и устремляющая взгляд на солнце. Что за птица на одежде – то зависит от ранга чиновника. В главе о законах, регулирующих расходы, читатель найдет подробный рассказ об эмблемах, используемых для обозначения рангов – места в иерархии. На плечах каждый чиновник носит короткий шелковый шарф, богато украшенный вышивкой, причем вытканый девиз тоже указывает на ранг владельца. На шею надето длинное ожерелье из ста восьми шариков, или бусин. Оно называется чао-чжу; его назначение – напоминать носителю о его родном крае. Семьдесят две из ста восьми бусин должны символизировать драгоценные камни, минералы и металлы Китая, а остальные тридцать шесть – количество созвездий или планет, льющих свои благодатные лучи на страну. К левой стороне этого ожерелья прикреплены две очень корот-

кие нитки мелких бусин. Они должны запечатлеть в уме носителя уважение, которое он должен питать к предкам, и сыновнюю почтительность по отношению к родителям и опекунам, о которой не должен забывать никогда. К правой стороне ожерелья тоже прикреплена короткая нить мелких бусин, напоминающая о преданности, которую носитель обязан питать к императорскому трону.

Такие одеяния и знаки различия носят не только чиновники. Почетный ранг может быть приобретен за деньги, и уважаемые граждане, ничем не связанные с государственной службой, облаченные в великолепные пышные одежды, украшенные так же, как и те, что носят ее по праву, – обычное зрелище.

Все китайские чиновники обеспечиваются казенными резиденциями. Они называются ямэнями и в некоторых случаях очень обширны, иногда занимают несколько акров. С крыши залов многих таких официальных резиденций свисают раззолоченные доски, на которых большими китайскими иероглифами выписаны разные этические максимы. Некоторые из этих досок – подарки наследующих трон императоров бывшим обитателям ямэней, отличившихся верной службой. К ямэням прилегают присутственные места, где ведутся дела. К присутственным местам, или управам, которые занимают соответственно правители уездов, областей, даотай, главные судьи и инспекторы государственных доходов, бывают пристроены обширные тюрьмы.

Уездные правители, правители областей и главные судьи — чиновники, в обязанности которых входит председательство в судах во всех случаях, подлежащих рассмотрению, — и гражданских, и уголовных. Каждому из них при исполнении обязанностей помогает помощник или помощники. Тем не менее, чтобы подробнее объяснить ход судопроизводства в Китае, необходимо отметить, что сначала обвиняемый предстает перед джентри или старейшинами деревни, района. Если преступление не очень значительно, правонарушителя могут наказать заточением в одном из общественных помещений, а могут заставить стоять в канге некоторое время на углу одной из самых оживленных улиц деревни или в непосредственной близости от места, где было совершено преступление. Но если оказывается, что дело требует рассмотрения в более высокой инстанции, узника вместе с письменными показаниями и замечаниями к ним джентри направляют к мандарину или правителю пу, к которому относится деревня. Пу, как было сказано выше, это административное подразделение провинции, состоящее из нескольких деревень. Однажды 9 июля 1873 года я присутствовал при таком допросе. Он проводился в деревне Фанчуань уезда Паньюй старейшиной деревни. Вор по имени Ли Аюнь был пойман предыдущей ночью при ограблении дома. Старейшины не удовлетвоались его признанием в совершении этого преступления и стали настаивать, чтобы он публично признался во всех кражах, совершенных им за последние четы-

ре года. Они тщательно записали все факты, и в конце допроса узник с письменными показаниями был направлен к правителю пу.

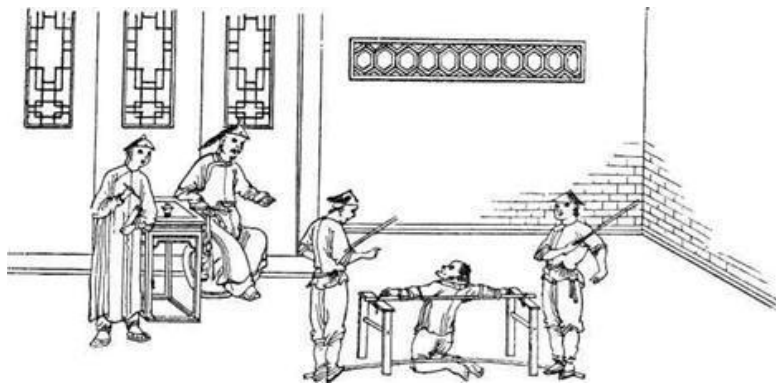
Если мандарин или правитель пу найдет, что наказание входит в его юрисдикцию, то осуществляет его. Если же он решит, что дело следует передать его начальнику, он безотлагательно отошлет узника вместе с показаниями и собственными пометками к ним правителю уезда или округа, к которому относится пу. Правители живут в уездных городах, и все такие города в Китае окружены высокими зубчатыми стенами. Если не окажется, что дело подлежит рассмотрению более высокой инстанции, его разбирает правитель уезда. В противном случае он отправляет узника начальнику своей области, который живет в областном центре, также окруженном высокими зубчатыми стенами. Если и он отправляет дело в более высокую инстанцию, узника перевозят в столицу провинции. Здесь живет провинциальный, или уголовный, судья – мы назвали бы его главным судьей. Он допрашивает только тех, кого обвиняют в преступлениях, караемых смертной казнью, представляет свои решения на рассмотрение генерал-губернатора или губернатора провинции. До того как будет приведен в исполнение приговор главного судьи, необходимо, чтобы преступник предстал перед генерал-губернатором или губернатором и признался в своей вине. Пока допрашиваемый узник не ответил на определенные вопросы в присутствии генерал-губернатора или его помощ-

ника, вынесенный ему приговор не может быть ни утвержден, ни исполнен. Если узник будет признан виновным в измене, пиратстве или грабительстве на большой дороге, генерал-губернатор может приказать казнить его без императорской санкции. Однако, если доказано, что узник виновен или в отцеубийстве, или в матереубийстве, или в братоубийстве и тому подобном, генерал-губернатор представляет дело вниманию членов коллегии наказаний в Пекине; президент этой коллегии, в свою очередь, представляет его рассмотрению членов кабинета или большому государственно-му совету. В надлежащее время это почтенное сообщество излагает дело императору. Передают, что его величество в каждом таком случае тщательно изучает письменные показания, прежде чем утвердить приговор и отдать распоряжение о казни. Как правило, генерал-губернатор или губернатор в конце каждого года препровождает в Пекин список приговоренных к смерти преступников. Эти записи получает также глава коллегии наказаний и направляет через кабинет императору, который изучает каждую запись и киноварной кистью делает красную отметку напротив трех-четырех имен на каждой странице. Затем списки возвращают губернаторам провинций, с тем чтобы были совершены надлежащие правовые процедуры по отношению к тем преступникам, против чьих имен была проставлена отметка. По получении списка от императора этих преступников немедленно казнят. Для наместника отсутствие абсолютного и безуслов-

ного повиновения императорской воле считается в высшей степени изменническим. Однако узники, чьи имена не были отмечены киноварной кистью, не помилованы, их имена представляют на рассмотрение императора во второй и в третий раз. Если же их не отмечают и в последний раз, смертный приговор заменяется пожизненной каторгой. В областной тюрьме в Кантоне я видел трех злодеев, чьи имена в первый раз были представлены императору. Им посчастливилось: в первый раз они избежали высшей меры наказания. Начальник тюрьмы, в то время находившийся рядом с нами, жестоко заметил при них, что в следующий раз, когда их имена будут представлены вниманию императора, им вряд ли так повезет. Казалось, что один из злодеев призадумался, но остальным, с виду отъявленным головорезам, по-видимому, было совершенно безразлично, казнят их или сошлют на каторгу пожизненно. Вероятно, они бы даже высказались в пользу постыдной смерти от руки простого палача, однако это не типичное для китайских преступников чувство.

Выше я упомянул о том, что генерал-губернаторы или губернаторы провинций в определенных случаях имеют право распоряжаться жизнью и смертью людей. Могу добавить, что, до того как империю стали потрясать серьезные смуты и грабежи, они были единственными чиновниками, облеченными такой властью. Но теперь правители области, как правило, наделены полномочиями казнить всех изменников и пиратов без какого-либо обращения к вышестоящим инстан-

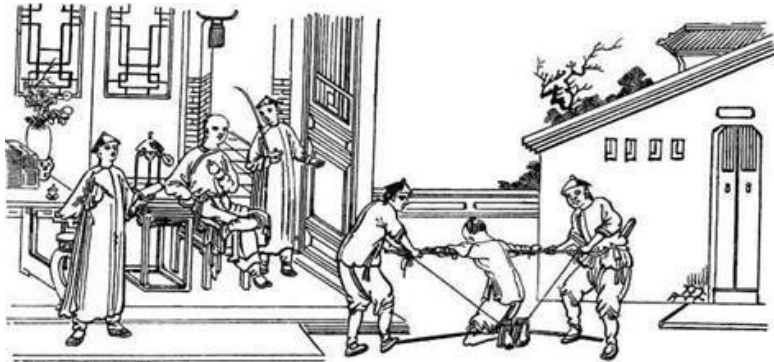
циями. Так, в 1860 году, посетив областной город Хэюань, я узнал, что за несколько дней до моего приезда не менее чем тридцать повстанцев были обезглавлены по распоряжению правителя области.

Пытка на суде

Китайское судопроизводство поразительно для всех, кто живет в странах, где принят суд присяжных. В китайских судах прибегают к таким страшным пыткам, что вряд ли можно ожидать, чтобы незнакомый с предметом читатель поверил рассказу о том, как зверствуют мандарины в стремлении покарать порок и защитить добродетель. Но как и в Англии до XVII столетия, несмотря на то что лица, ответственные за отправление правосудия, действительно применяют пытку, в Китае она не узаконена. Суды, где ведутся процессы, были открыты для широкой публики, но жестокости, кото-

рыми они печально известны, привели к тому, что в них не бывает посетителей, так что они стали фактически закрытыми заведениями. Более того, раньше, в день открытия сессии суда, к внешним воротам ямэня прикрепляли перечень дел, которые должны быть рассмотрены, и имена заключенных. Этот обычай давно вышел из употребления, и теперь перечень помещают на колонне в одном из внутренних дворов ямэня, где он, конечно, не может привлечь внимания публики. Судья, верша разбирательство, сидит за большим столом, покрытым красной скатертью. Заключенного ставят на колени перед столом в знак уважения к суду, который считает его виновным, пока не будет доказано противоположного. Секретари, переводчики и надзиратели стоят по обеим сторонам стола; сидеть не позволено никому, кроме судьи. В начале разбирательства, как и в английском суде, обвинение зачитывают подсудимому, который должен заявить о своей виновности или невиновности.

Пытка на суде

Редко бывает, чтобы тот признал себя виновным (ведь милосердие явно не в характере здешних судей), и поэтому судебное разбирательство длится очень долго. Узнику задают множество наводящих вопросов с целью уличить его. Если же ответы уклончивы, немедленно прибегают к пытке, как к единственному средству получить требуемое признание. Опишу несколько простейших способов пытки. Верхняя часть тела подсудимого обнажена, он стоит на коленях, причем два надзирателя крепко держат его за руки, а третий бьет его самым немилосердным образом двойной палкой между плечами. Если он продолжает давать уклончивые ответы, его бьют по челюстям инструментом, который сделан из двух сшитых вместе на конце толстых кусков кожи и имеет форму, напоминающую подошву шлепанца. Между

этими кусками кожи помещен язычок из того же материала, придающий орудию пытки упругость. Сила, с которой наносят удары во время этой пытки, такова, что иногда выбивают зубы, а рот опухает так, что на некоторое время человек лишается возможности жевать. Если он продолжает настаивать на своей невинности, тюремщик бьет по его лодыжкам твердой деревяшкой, напоминающей школьную линейку более чем фут длиной, что нередко приводит к перелому костей. Если узник продолжает упорствовать, настаивая на своей невинности, применяют более суровую пытку. Ее можно считать разновидностью дыбы. Большие тяжелые козлы ставят вертикально, и узника, стоящего на коленях, прислоняют к доске. Затем его руки заламывают назад и оттягивают к верхним ножкам козел при помощи шнуров, обернутых вокруг большого пальца каждой ноги, причем его колени остаются на земле. Когда узник связан таким образом, ему снова задают вопросы, и если его ответы будут сочтены неудовлетворительными, на его предварительно обнаженные бедра обрушиваются жестокие удары двойной палкой. Мне известны узники, остававшиеся в такой позиции значительное время. Дрожание всего тела, жалобные стоны и сочившаяся изо рта слюна были самым бесспорным доказательством тяжести пытки. Когда несчастных освобождают от дыбы, они абсолютно не в состоянии держаться на ногах, поэтому их помещают в корзины, а кули из места отправления правосудия (которое не имеет права на это название) уносят

в дом предварительного заключения. Через несколько дней узников вытаскивают на очередной допрос. Даже при помощи этой пытки иногда не удастся получить признание в виновности. В подобных случаях прибегают к еще более жестоким мерам. Узника ставят на колени под деревянным брусом длиной шесть футов, который поддерживают два прямых деревянных столба. Когда тыльная сторона шеи оказывается непосредственно под ним, руки протягивают вдоль бруска и привязывают к нему веревкой. В углублении на коленные суставы сзади кладут такой же брус, на концах которого встают два человека, прижимая его своим весом; при этом под коленями иногда кладут цепи, чтобы сделать боль еще невыносимее. Иногда брус помещают на ахиллово сухожилие и точно так же надавливают, чтобы напрячь голеностопный сустав. Я дважды был свидетелем такой пытки подсудимого, и в обоих случаях ее мучительность была очевидна.

«Но где же свидетели?» – воскликнет читатель. Было бы неверным сказать, что в китайском суде не допрашивают свидетелей, но, поскольку свидетелей тоже в некоторых случаях пытаются, иностранцу, не знающему китайского языка, нелегко разобраться в том, кто из двух истязуемых, преклонивших колени перед судом, обвиняемый, а кто свидетель.

Помню, как-то раз я видел двух коленопреклоненных перед судьей кантонского района Наньхай. У обоих были цепи на шеях; и так как обоим время от времени били между плеч

двойной палкой, я, естественно, сначала заключил, что они соучастники. Однако оказалось, что одного из них подозревали в том, что ему было известно о преступлении другого, по делу которого его и допрашивали. Поскольку свидетель не хотел или не мог давать показания, его тоже подвергли избиению.

В 1860 году при разборе в том же суде дела об убийстве двое мужчин, отец и сын по имени Гань Вэй и Гань Тайчжу, были вызваны для дачи свидетельских показаний против подсудимого. Они упорно утверждали, что ничего не знают об обстоятельствах дела. Суд счел это обманом, поэтому их избили и взяли под стражу. Родственники этих несчастных пришли ко мне домой и горячо умоляли просить представителей союзников (Кантон тогда был занят английскими и французскими войсками) освободить Гань Вэя и его сына. Выслушав этот рассказ, я пообещал им свое содействие. Представители союзников, которых я информировал о деле, пытались помочь, как могли, но безуспешно. Генерал-губернатор, к которому они обратились, заявил, что эти два свидетеля определенно могли дать показания по делу. После этого отца и сына неоднократно допрашивали, причем каждый раз безжалостно избивали за то, что они запоздали со своими показаниями. Эта жестокость оказалась для одного из них чрезмерной: сын умер в тюрьме. Родственники выжившего узника, далеко не молодого, — ему было уже семьдесят, боясь, что и он умрет в тюрьме, уговорили меня еще

раз попросить представителей союзников, чтобы они ходатайствовали о его освобождении. Британский представитель Паунэлл самым любезным образом отозвался на мою вторую просьбу и попросил меня пойти в ямэнь магистрата и поговорить с этим чиновником лично. Когда я прибыл в ямэнь, мне сказали, что главный магистрат ушел и неизвестно, когда он вернется. Тем не менее я вошел в тюрьму и переговорил со стариком. Подойдя к нему, я был очень огорчен тем, что его рот сильно распух от жестоких ударов, которые ему нанесли накануне. Его губы, десны и язык распухли так, что ему было очень трудно разговаривать с сопровождавшим меня переводчиком. На следующий день представители союзников снова обратились к наместнику с просьбой освободить старика. И это обращение было безуспешным. Спустя несколько недель после моего разговора с несчастным и через несколько дней после очередной жестокой порки, которой старик подвергся за заявление о том, что он не в состоянии дать никаких показаний, он тоже умер в тюрьме.

Я уверен, что все иностранцы, жившие в Кантоне, когда он был занят союзниками, могут засвидетельствовать в подробностях, насколько похвально действовали союзные представители в стремлении прекратить произвол мандаринов в тюрьмах и в судах. Эти учреждения ежедневно посещали европейские полицейские, в чьи обязанности входило сообщать союзным представителям, ослабили ли мандарины жестокость своего обращения с узниками. Однажды главный

магистрат уезда Паньюй, часто предупреждаемый о необходимости отказаться от применения пыток, был застигнут европейскими инспекторами непосредственно в момент очень сурового наказания трех узников, накануне попытавшихся бежать из тюрьмы. Он был арестован и приведен к союзным представителям, которые приговорили его к сорокадневному тюремному заключению. Чиновники и джентри Кантона, негодуя из-за унижения собрата, которого подвергли наказанию чужаки, старались побудить народ к восстанию. Услышав об этом движении, союзные представители безотлагательно опубликовали следующее замечательное объявление:

«СОЮЗНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ – НАРОДУ КАНТО- НА.

Жители Кантона, один из ваших магистратов, которому доверено управление уездом Паньюй, арестован и сейчас находится в заключении в ямэне союзных представителей. Из прошений, поданных за него, ясно, что вам неизвестны причины, приведшие к его наказанию.

В этом деле союзники руководствовались уважением к закону, которое представляет собой главный принцип их поведения. Поскольку ваши магистраты не желают сообщить вам о причине наказания, постигшего их коллегу, представители сами сделают это без колебаний, ввиду того что решительные меры, к которым им пришлось прибегнуть, были осуществлены исключительно ради человеколюбия и в инте-

ресах народа.

Использование пыток в судопроизводстве отвратительно для умов всех цивилизованных людей, а также противоречит законам Китая. Следовательно, пока в Кантоне будет сохраняться теперешнее военное управление, командующие союзными силами не могут терпеть противные человеколюбию поступки со стороны любого китайского чиновника при отправлении им правосудия. Не могут они терпеть и того, чтобы временно вверенных их покровительству людей у них на глазах подвергали подобным бессмысленным жестокостям.

С этой целью они постоянно запрещали использование пытки в местных судах этого города и неоднократно обращали внимание правителя уезда Паньюй на официальные приказы, однако обнаруживали лишь, что данное должностное лицо по-прежнему часто пренебрегало этими приказами. В конце концов терпение союзных представителей было истощено последним актом жестокости, совершенным магистратом уезда Паньюй: были раздроблены ноги трех заключенных. Именно поэтому союзные представители подвергли его наказанию, которое могло бы послужить достаточным примером для других.

Теперь, когда вы узнали причину ареста магистрата уезда Паньюй, вам следует дать осуществиться правосудию. Его временная отставка не должна стать поводом для вашего беспокойства, поскольку исполнять его должностные обязанности были назначены другие чиновники. Продолжайте спо-

койно заниматься своими обычными делами, не пытайтесь нарушить общественное спокойствие демонстрациями, которые, конечно, навлекут на инициаторов скорейшее и суровейшее наказание.

Кантон, 17 июля 1871 года».

Это объявление возымело желаемый результат. Тем не менее заслуженно лишенный своего высокого положения правитель уезда по истечении срока заключения отказался вернуться к своим обязанностям и на следующий месяц вернулся в Пекин, стремясь найти службу в той части империи, где были невозможны проверки со стороны иностранных чиновников.

Юридическая процедура гражданских дел не так уж отличается от той, что бывает в уголовных. Если между двумя людьми возникает спор о праве на дом или на землю, спорщики обыкновенно обращаются к третейскому суду. Третейские судьи – это в основном уважаемые граждане или старейшины с соседней улицы. Если какая-то из сторон не удовлетворена решением третейских судей, дело переходит в суд и подлежит рассмотрению правителем уезда. Тому, кто передает дело в суд, приходится нести большие расходы на подкуп мелких чиновников у ямэня, чтобы ходатайство вообще дошло до магистрата. Проситель, щедро заплативший, получает возможность занять место у раздвижных дверей в одном из внутренних дворов ямэня. Когда правителя уезда проносят мимо туда или оттуда, истец валится на коле-

ни непосредственно перед его паланкином. Магистрат велит носильщикам остановиться, чтобы выяснить, о чем ходатайствует проситель. Прочитав прошение, правитель уезда сразу назначает день для расследования дела. Я видел, как уважаемые в Кантоне люди подобострастно преклоняли колени перед главным магистратом Наньхая. Во время следствия по гражданским делам судья тоже нередко применяет пытки. Если дело очень важно, его направляют в более высокую инстанцию, но не судье или главному судье провинции, а канцелярию, оттуда оно может быть направлено далее на суд губернатора или генерал-губернатора провинции. Однако решение губернатора или наместника может быть обжаловано. Следующая инстанция – это губернатор или генерал-губернатор провинции, граничащей с той, уроженцами или жителями которой являются спорщики. После вердикта высшей инстанции в соседней провинции последнюю апелляцию подают императору через кабинет министров. В прежние времена люди, вовлеченные в судебный процесс, могли подавать апелляцию на решение суда высшей инстанции своих провинций лично императору. Однако теперь тяжущимся необходимо апеллировать к суду соседней провинции, до того как они смогут передать свое дело на рассмотрение императору.

Во всех китайских судах процветают взяточничество и продажность. Их вердикты по большей части служат интересам тех, кто уплатит за них большую цену. В китайских архивах описано множество случаев, когда чиновники бра-

ли взятки, стремясь помешать торжеству правосудия. Одно из самых запоминающихся – дело о споре между двумя родственниками, один из которых принадлежал к клану, или к семье Лин, а другой – к семье Лян; звали их соответственно Лин Гуй-син и Лян Цин-лай. Император обратил внимание на взяточничество и вопиющую несправедливость мандаринов в этом деле. Они подверглись заслуженному недвусмысленному осуждению со стороны его величества. Истец Лин Гуй-син был человеком почти неограниченного богатства и огромной влиятельности. Как Ахав, царь Израиля, при всем своем богатстве тосковал, покуда ему не достался виноградник Навуфея Изреелитянина, так и Лин Гуй-син не мог успокоиться, пока небольшой участок земли, находившийся в собственности его родственника Лян Цин-лая не станет частью его собственных обширных владений. Стремясь утолить свою алчность, он заявил, что участок принадлежит ему. Дело было рассмотрено в кантонских судах. Судьи в разных судах, щедро подкупленные, вынесли решение в пользу Лин Гуй-сина. Лян Цин-лай, зная, что право всецело на его стороне и что суды, в которых последовательно слушалось дело, были подкуплены, решился отправиться в Пекин искать правды у его императорского величества Юнчжэна. Передают, что этот император, приверженный справедливости, истине и милосердию, принял просителя благосклонно. Его величество безоговорочно поверил Лян Цин-лаю, когда тот сказал, что мандарины несправед-

ливо обошлись с ним. И вот Юнчжэн отрядил императорского инспектора по имени Хун Тай-пэн снова расследовать дело. Следствие окончилось решением дела в пользу Лян Цин-лая. Лин Гуй-син и все его семейство, за исключением одного мужчины, были казнены. Все мандарины из судов, где рассматривалось это дело, были разжалованы и уволены с императорской службы. Оказывается, Лян Цин-лай, перед тем как оставить Кантон и отправиться в Пекин, посетил воздвигнутый в честь Пак-тая храм, расположенный на улице Юнгуан в западном предместье Кантона, в поисках благословения и водительства этого божества. По возвращении он поместил обетованную доску, где выражал свою благодарность, на стенах храма, где она находится и по сей день. Дом, где жил Лян Цин-лай и где были убиты Лин Гуй-сином несколько членов его семьи, находится в центре деревни Даныцунь, и его иногда посещают как достопримечательность местные туристы и отдыхающие. Приведенная выше история составляет суть популярной национальной пьесы, которую, к великому удовольствию народа, часто исполняют на сцене китайского театра.

Чтобы побудить чиновников к должному исполнению своих обязанностей, им предлагают различные отличия и звания; и наместники, губернаторы и другие высокопоставленные государственные чиновники располагают специальными инструкциями представлять вниманию его императорского величества имена всех чиновников, военных и гражданских,

служащих под их началом и достойных таких почестей. Награждаются не только живущие ныне, но и умершие. Пользуются большой популярностью почетные платья из той же ткани, того же цвета и покроя, что носит император и другие члены его фамилии. Этой наградой иногда жалуют отличившихся чиновников – и гражданских, и военных, а получить от императора желтый камзол считается одной из высших почестей. Сходные с этими знаки поощрения, как видно из книги Есфирь (6: 8, 9), древние цари Персии иногда даровали своим подданным, например, царем Артаксерксом Мардохею Иудеянину: «Пусть принесут одеяние царское, в которое одевается царь, и пусть подадут одеяние... в руки одному из первых князей царских, – и облекут того человека, которого царь хочет отличить почестью». Из Книги Бытия (41: 42) мы узнаем, что этот обычай существовал и в Египте. Не был он чужд и евреям, если я правильно интерпретирую один эпизод из истории дружбы Давида и Ионафана (1 Цар., 18: 4).

Как я уже писал, признание особых достоинств в некоторых случаях выражается в посмертных почестях. Так, в *Rekin Gazette* от 11 ноября 1871 года была помещена следующая заметка:

«Цзэн Гофань, наместник двух цзян^{11}, и Чжан Чжимань, губернатор Цзянсу, в совместной записке смиренно докладывают трону о крайне похвальном поведении покойного Чжэнь Чжунъюаня, начальника области Цзиань в Цзянси: в

то время как город был атакован мятежными тайпинами восемнадцать лет назад, он пожертвовал жизнью за правительство. Когда город осадили враги, числом между 50 и 60 тысячами, сей мандарин оборонял его во главе гарнизона численностью всего лишь 1800 человек. И все же осажденные делали частые вылазки, в ходе которых было убито несчетное количество мятежников. Однажды стену проломили, но покойный предпринял активные действия для ее починки; лично надзирая за восстановлением стены, он оступися и упал со стены, сильно повредив ноги. На восьмой день двенадцатой луны того же года он снова вступил в бой, атакуя врага, но был несколько раз ранен, и по его лодыжкам стекала кровь. В городе свирепствовал голод, и людям приходилось питаться собачьим мясом и жечь дрова для освещения; но даже в этой крайней нужде он неумоимо удерживал позицию вплоть до начала следующего года, когда мятежники напали на город со всех сторон, предварительно набив подковы порохом, чтобы разрушить стены. Покойный чиновник и его старший сын храбро встретили устроивших проход в западных воротах мятежников; оба они были убиты, а головы их выставлены на всеобщее обозрение у восточных ворот. Ничто в наших анналах не может сравниться с этим. Поэтому челобитчики просят о разрешении построить храм, посвященный покойному чиновнику, который лишь с горсткой людей мужественно защищал отрезанный от внешнего мира город от грозного врага, чьи войска насчитывали десят-

ки тысяч солдат, без всякой надежды на подкрепление и без провианта для осажденных. Более того, судьбу отца разделил сын, что было не только актом преданности, но и актом сыновней почтительности и не может быть уподоблено обычному самопожертвованию. Поэтому следует возвести храм, посвященной благородной памяти этих людей и их помощников».

Упомяну также о посмертных почестях, оказанных одному из этих двух челобитчиков. Когда в марте 1872 года до императора дошла весть о смерти Цзэн Гофаня от апоплексического удара, немедленно был издан указ о даровании этому достойному мужу посмертного титула тай-фу (помощника наставника императора) и имени Вэньчжэн (Ученый и Верный). Этот титул жалуют редко, и на протяжении последней тысячи лет его даровали только семи отличившимся. Останки этого великого человека также получили привилегию публичных похорон, и, чтобы оплатить расходы на них, из казны взяли три тысячи серебряных монет. За счет правительства манам^[12] наместника было устроено публичное жертвоприношение. По приказу императора эта церемония была проведена Му Дэньфу, маньчжурским генералом из Цзянсу. Кроме того, император распорядился, чтобы одну табличку с именами и титулами покойного поместили в храме в честь «Выдающихся верных служителей», а другую – в храме, посвященному «Совершенным добродетельным государственным министрам». Указ позволял возвести храмы

в его честь в Хунани, его родной провинции, и в Цзянсу – в той провинции, которой он так успешно управлял непосредственно перед своей кончиной. Далее было сказано, что его старшему сыну жалуют наследственный титул маркиза, а следующий обладатель должности должен сообщить центральному правительству имена всех переживших его детей для назначения их на почетные посты. Кроме того, указ гласил, что все записи, стоящие против его имени в списках государственных служащих, должны быть немедленно вычеркнуты. Последнее, возможно, нуждается в объяснении. В Китае ведут правительственные списки, в одних из которых фиксируют заслуги, а в других – просчеты различных гражданских и военных чиновников империи. Этот древнейший обычай существовал и у других народов. В книгах Ездры, Неемии и Есфири содержится кое-какая информация о внимании древнего персидского правительства к записям о работе служащих. О такой практике упоминают и некоторые греческие авторы.

С целью удержать гражданских и военных служащих от совершения дурных поступков правителям провинций даны полномочия подавать императору петиции об их наказании. В выпуске *Pekin Gazette* от 12 ноября 1871 года я обратил внимание на императорский эдикт, изданный в ответ на записку Ли Хунчжана, в которой последний просил понижения в должности и увольнения мандаринов за должностные преступления и явную неспособность арестовать право-

нарушителей. Указом император повелевал, дабы магистрат Дунпин Сянь в провинции Чжили, потерпевший позорную неудачу при поимке виновных в дерзком ограблении, был немедленно лишен шарика на шляпе. При этом было уточнено, что, если он в течение установленного срока не сможет задержать преступников, его самого посадят под арест, проведут следствие и накажут. Эдикт содержал императорское повеление немедленно разжаловать некоего Пэй Фудэ из управы Наньхэ сянь. Он был охарактеризован как человек заурядных способностей, и, хотя выдвинутое против него обвинение не было доказано, тем не менее было ясно, что он принимал на службу людей, пользовавшихся дурной славой, и в результате унизил достоинство чиновника. Но поощрения и наказания самым прискорбным образом не оправдывают ожиданий и не превращают китайских чиновников в честных людей.

Вполне возможно, что китайские чиновники – самые продажные государственные служащие в мире. Тем не менее среди них встречаются честнейшие и благороднейшие люди. Эти незаурядные личности пользуются большим уважением у народа, который всячески стремится продемонстрировать свое почтение к ним. За все долгое время, проведенное мной в Кантоне, я встретил лишь одного такого человека. Его звали Ачжан, и он два года правил обширной провинцией Гуандун в качестве губернатора. Так многочисленны и велики были блага, которые получил народ от его замечательного

управления, что местные жители по-настоящему преклонялись перед ним. Когда он оставлял Кантон, они собрались, чтобы выразить ему почтение. Мне случилось присутствовать при его отъезде и слышать впечатляющую овацию, которой встретили его толпившиеся на улицах горожане. Внушительному шествию, сопровождавшему его к месту посадки на корабль, потребовалось по меньшей мере двадцать минут, чтобы пройти к назначенному месту. В процессии несли шелковые зонты, преподнесенные народом, и красные доски – их было, вероятно, более трехсот – с пышными похвалами добросовестному чиновнику. На пути шествия устроили множество арок. С них свешивались флаги, на которых большими иероглифами были вышиты или написаны словосочетания вроде следующих: «Друг народа», «Отец народа», «Отец и мать народа», «Яркая звезда провинции», «Благодетель эпохи». В разных храмах его прибытия дожидались делегации, и он выходил из носилок, чтобы обменяться прощальными любезностями с ними и отведать приготовленные ради этого случая закуски. Но официальные мероприятия не могли свидетельствовать о его популярности так ясно, как энтузиазм народа. Тишина, которую обыкновенно соблюдают, когда китайский правитель проезжает по улицам, снова и снова нарушалась горячими восклицаниями: «Когда ваше превосходительство вернется к нам?» Нередко провожающих оказывалось так много, что толпа смешивалась с торжественной процессией и парадные носилки бывшего губерна-

тора то и дело подвергались риску быть опрокинутыми. Было очевидно, что девизы, написанные на развешанных по пути доблестного государственного служащего флагах, в точности выражали общественное мнение.

Глава 3

Тюрьмы и наказания

В этой главе я намереваюсь дать описание китайских тюрем; о практикующихся в них жестокостях немало говорили и писали в начале 1858 года, когда Кантон был атакован и захвачен союзными войсками Великобритании и Франции. После описания этих «обитателей жестокости» я расскажу о различных степенях наказаний, которые определяют для людей, осужденных как нарушителей законов страны. Многие из этих наказаний предельно бесчеловечны. Например, в тюрьме города Чжэньцзяна я видел несчастного, которому не позволяли садиться три дня и три ночи. Его запястья были связаны длинной цепью, конец которой приковали к стропилу крыши в его камере. Иногда под мышками заключенных протягивают веревки и подвешивают, не давая касаться земли. Некоторые из способов смертной казни в Китае поистине отталкивающе жестоки. Но нет нужды заранее излагать то, что я опишу позже, повинувшись неприятной обязанности. Факты, которые будут представлены вниманию читателя, говорят сами за себя.

Каждая из китайских тюрем в зависимости от ее разряда состоит из определенного числа помещений. В соответствии с этим, например, в тюрьмах таких районов провинции Гуандун, как Наньхай и Паньюй – уездных тюрьмах первого раз-

ряда, — есть камеры для подсудимых и еще шесть больших отделений. В каждом из этих отделений находится по четыре камеры — следовательно, всего двадцать четыре. Так устроены все уездные тюрьмы. Стены отделений граничат и образуют параллелограмм. Вокруг внешней стены параллелограмма идет мощеная дорожка, на которую открываются ворота отделений. Дорожка примыкает к большей внешней стене, огораживающей всю тюрьму. Камеры довольно большие. В каждом из отделений камеры расположены попарно, так что они образуют две стороны квадрата и напоминают крытые скотные дворы, причем передняя часть каждой обнесена деревянной загородкой от пола до крыши. Дворы вымощены гранитом. В каждой камере есть деревянный помост, на котором заключенные сидят днем и спят ночью. На помостах полно всяческих паразитов и грязи. При этом заключенным редко предоставляется (или не предоставляется вообще) возможность помыться или даже причесаться — вода в китайских тюрьмах вещь редкая, а расчески и вообще почти неизвестны. В каждой камере стоят большие бадьи, куда справляют нужду заключенные; трудно представить, как люди могут дышать таким смрадом, особенно в жаркое время года. В центре каждого отделения находится небольшое святилище, где стоит идол божества по имени Сян-гун-чжу-шоу. Этот бог, которому поклоняются заключенные, якобы смягчает и склоняет к раскаянию жестокие и упрямые сердца заблудших и нечестивых. Годовщину рождения этой дву-

смысленной и унылой пародии на божество узники отмечают чем-то вроде пирушки. Расходы на еду берет на себя начальник тюрьмы. Однако этот цербер нередко присваивает часть из небольшой суммы, ежедневно выдаваемой на содержание заключенных.

К тюрьме проходят по узкому коридору, у входа в который расположена дверь обычных размеров. Над входной дверью нарисована тигриная голова с большими вытаращенными глазами и широко раскрытой пастью. Войдя, посетитель оказывается перед жертвенником, на котором стоит фигура тигра, высеченная из гранита. Тигр считается богом – покровителем тюремных ворот. Чтобы снискать милость тигра и обеспечить его бдительность, надзиратели поклоняются ему утром и вечером, поскольку тюремщики в Китае отвечают за охрану несчастных, вверенных их попечению. Во время посещения тюрьмы кантонского уезда Наньхай я видел, как один из надзирателей приносил в жертву каменному тигру кусок жирной свинины. При этом он стоял перед идолом на коленях и возжигал благовония. Внизу большой стены, которую я описал как внешнюю границу тюрьмы, находится несколько лачуг (по-другому не скажешь). В некоторых размещаются женщины-преступницы, в других – целые семьи, пойманные и задержанные мандаринами как заложники. Существует закон, допускающий поимку и задержание в качестве заложников семей, члены которых бежали от правосудия, нарушив законы империи. Таких заложников

не освобождают до тех пор, пока не возьмут под стражу их преступных родственников; и в результате они нередко остаются в заключении пять, десять или двадцать лет. Многие из них фактически проводят в неволе всю жизнь. Так, мать или тетка Хун Сюцюаня, вождя Таипинского восстания, умерла через несколько лет в заточении в тюрьме кантонского уезда Наньхай. Я часто посещал невиновную узницу. Старуха тяжело переживала лишение свободы, не обусловленное никакой ее виной. Если преступление беглеца чудовищно или сопровождается серьезными отягчающими обстоятельствами, например покушением на жизнь государя, нередко казнят ближайших родственников преступника, даже если они ни в чем не виноваты, а остальную родню отправляют в изгнание. В 1803 году была предпринята попытка убийства императора Цзяцина. Как только убийцу задержали, его приговорили к смерти под пытками, а его сыновей, находившихся в счастливой поре детства, удавили.

Смертность в китайских тюрьмах так велика, что мертвецкая считается самой необходимой их принадлежностью. Туда сваливают тела всех умерших в тюрьме, и они остаются там, пока не принимают необходимых и очень простых мер по подготовке их погребения. В ходе неоднократных посещений тюрем Кантона^{13} в период с 1858 по 1861 год включительно я часто видел эти хранилища, полные трупов, представляющие самое отталкивающее и тошнотворное зрелище. Некоторые из несчастных явно умерли от жестоких

и частых побоев. Другие, несомненно, пали жертвами разных болезней, которые не редки в китайских тюрьмах, чему весьма благоприятствуют эти берлоги. В марте 1859 года я видел в мертвецкой тюрьмы магистрата кантонского уезда Паньюй пять тел людей, явно умерших от голода, — это казнь, к которой нередко приговаривают похитителей людей и других преступников, совершивших тяжелые правонарушения. С моим мнением о причине смерти этих пяти человек всецело согласились трое или четверо господ, бывших тогда со мной, причем один из них был врачом. Непосредственно перед дверью мертвецкой, в нижней части внешней стены, которой обнесена тюрьма, расположена дверца такого размера, чтобы через нее можно было передать труп. Через этот проем трупы всех умерших в тюрьме передают на прилегающую к тюрьме улицу, и их уносят, чтобы похоронить. Считают, что проносить останки умершего узника через ворота ямэня, к которому пристроена тюрьма, — много чести. Кроме того, в этом случае китайские власти сочли бы ворота ямэня оскверненными. Я могу заметить между прочим, что, согласно римскому историку Ливию, трупы всех узников, умиравших в тюрьмах Древнего Рима, таким же позорным образом выбрасывали на соседнюю улицу.

Если говорить о внешности, то несчастные обитатели китайских тюрем, возможно, выглядят более плачевно и убого, чем кто-либо еще. Мертвенные лица, истощенные тела и длинные нечесанные черные волосы — сбривать их не позво-

ляют тюремные правила – делают узников похожими скорее на демонов, чем на людей; они поражают выражением уныния и печали на лицах, которые нелегко забыть. В каждом из тюремных отделений все заключенные носят ножные кандалы. Исключение составляет узник, которого считают более порядочным и который ведет себя лучше, чем все остальные. Ни руки, ни ноги у него не скованы, и в знак того, что ему доверяют и надеются на него, он получает привилегию надзирать за товарищами по заключению в своем отделении тюрьмы. Подобный обычай существовал в Древнем Египте, поскольку мы читаем, что начальник тюрьмы в этой стране отдал под надзор в руки Иосифу всех узников, находившихся в одной с ним темнице.

Одежда китайских заключенных – это сшитые из грубой ткани красного цвета куртка и брюки. На спине куртки большими иероглифами пишется название тюрьмы, в которой содержится носящий ее человек, – если ему удастся бежать из заточения, то люди сразу поймут, что это сбежавший заключенный, и, по всей вероятности, его поймают.

Иногда узники подпадают под императорскую амнистию, особенно при восшествии императора на престол, по случаю его женитьбы или по завершении каждого десятилетия его царствования. Так, указ об амнистии был напечатан в *Peikin Gazette* от 12 февраля 1872 года. Он начинался с того, что усопшие императоры Китая всегда были милосердны и что их преемник не уступает им ни на йоту в отношении любви к

подданным. «Каждый из четырех последних маньчжурских императоров, – говорилось в указе, – объявлял специальную амнистию, когда начинался одиннадцатый год его правления. Теперешний император, не желая уступать им в милосердии, просит у коллегии наказаний разработать план для смягчения кары за преступления всех заключенных в империи, за исключением наиболее тяжких проступков. Между тем пусть все осужденные за незначительные правонарушения будут немедленно освобождены». Добрые люди иногда передают или завещают деньги, чтобы улучшилось положение заключенных. Например, на десятом году правления императора Даогуана казначей провинции Гуандун по фамилии Оу передал соляной монополии десять тысяч долларов. Проценты с этой суммы должны были поступать каждый год на обеспечение узников в главной тюрьме города Кантона. Многие высокопоставленные чиновники этой провинции, подражая примеру казначея Оу, тоже вложили деньги, проценты с которых должны были идти на обеспечение лечения, на снабжение веерами, необходимыми летом, в жару, теплым нижним бельем зимой всех узников больших городских тюрем.

Каждой тюрьмой руководит начальник, в подчинении у которого находится значительное число тюремщиков. Так, в каждой большой тюрьме Кантона есть начальник, двадцать четыре тюремщика, тридцать семь сторожей и пятнадцать копейщиков. Снаружи у ворот каждой тюрьмы устроена ка-

зарма, где расквартированы десять солдат. При тюрьме в соответствии с законом должны также находиться врач, пять писарей и шесть носильщиков дров и воды; но насколько это правило соблюдается, сказать не могу. Поскольку тюремщики, сторожа, копейщики и т. п. постоянно видят чужие страдания, они, вероятно, и сами со временем становятся ожесточенней самых неисправимых преступников. Полицейские, прикомандированные к ямэню, тоже крайне неприятные люди, и, к несчастью, нередко делят с вором его добычу, чтобы одурачить или подкупить магистрата.

Начальник китайской тюрьмы покупает свой пост у местного правительства, однако от государства жалованья не получает. Следовательно, он вынужден компенсировать свои затраты, вымогая деньги у обеспеченных родственников или друзей заключенных, которые, конечно, беспокоятся о том, чтобы их несчастным друзьям пришлось перенести как можно меньше лишений и жестокостей, которыми так «славятся» китайские тюрьмы. Если я не ошибаюсь, когда-то в Великобритании было принято должность начальника тюрьмы покупать, не получая при этом жалованья за свою службу из государственной казны. Как и современные начальники китайских тюрем, они обогащались, вымогая у родственников или друзей узников суммы, которые, по-моему, варьировались в зависимости от их средств или общественного положения. Конечно, узники, не имевшие влиятельных друзей или близких, оставались в самом ужасном положении и

забвении или умирали, не получая даже предметы первой необходимости. Конец этому положила неумоимость великого филантропа Джона Ховарда; и вправду, было невероятным счастьем для китайских заключенных появление такого филантропа в их стране.

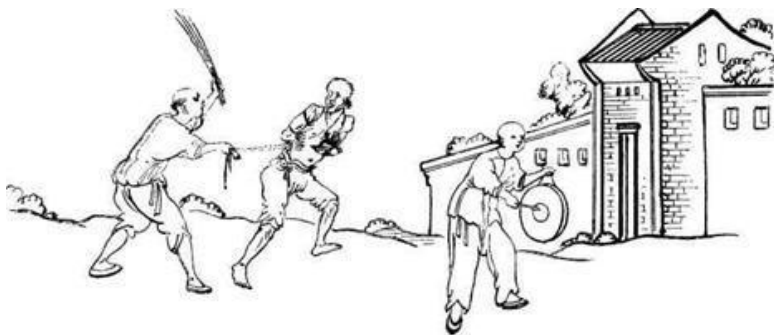
К каждой тюрьме пристроен амбар, в котором начальник хранит самый дешевый и грубый рис. Этот рис – один из источников его побочных доходов: он продает его в розницу заключенным по самой выгодной для себя цене. Овощи и дрова, необходимые для приготовления еды, которые ежедневно предлагают купить узникам, тоже поставляет начальник тюрьмы. Поскольку правительственное содержание каждого заключенного не превышает двадцати пяти медных монет на день, нет нужды говорить читателю о том, что узники, у которых нет друзей и близких, не часто в состоянии купить даже овощи или дрова. В тюрьме магистрата кантонского уезда Наньхай я однажды видел заключенного, который не мог купить дрова и ел сырой рис, пытаясь утолить голод.

Согласно закону, раз в месяц каждую тюрьму инспектирует правительственный служащий. Он обязан выяснить, сколько заключенных умерло в тюрьме в течение месяца, и навести справки о поведении многочисленных тюремщиков, сторожей и копейщиков. После каждой инспекции этот служащий обязан направить доклад наместнику или губернатору. Если окажется, что вследствие небрежения тюремных служащих за месяц умерло два процента находящихся в за-

ключении людей, в перечне проступков делается запись — не только против имени начальника этой тюрьмы, но и против имени помощника магистрата, в юрисдикции которого находится тюрьма. Если умерло три процента, в этой книге делаются две записи; а если смертность достигает четырех процентов, и начальника тюрьмы, и помощника магистрата увольняют с должности. Если же умирают шесть или даже семь процентов, правителя уезда или области, где находится тюрьма, понижают в должности на одну ступень. Существует и книга заслуг; если результаты инспекции оказываются удовлетворительными, в ней делают записи, которые обеспечивают тюремным чиновникам соответствующее вознаграждение.

Кроме тюрем, в которых заключены осужденные, на огороженной территории вокруг ямэня находятся следственные тюрьмы. Они не так велики и не так серьезно укреплены, как обычные. Обычно в следственных тюрьмах есть большое помещение, которое выделяют для тех подследственных, у кого есть друзья, способные удовлетворить аппетиты начальника тюрьмы. В таком случае узников не помещают с людьми отталкивающего вида, нередко покрытыми грязью или страдающими от различных кожных болезней. Обычай этот очень полезен начальнику тюрьмы и всем платежеспособным заключенным и очень плох для остальных узников. Пространство, приемлемое для заключенных, у которых есть друзья, заботящиеся о них, оставляет еще меньше жизненного про-

странства для подавляющего большинства бедных узников. Они теснятся в обычном тюремном отделении, которое иногда настолько переполнено, что его обитателям негде прилечь. На прилегающих к ямэню улицах, во всяком случае в городе Кантоне (Гуанчжоу), находятся другие следственные тюрьмы. Я не раз видел их битком набитыми, что напоминало душераздирающие истории о Черной Калькуттской Дыре. У меня был случай осмотреть один из таких застенков в жарком августе 1861 года. Тюремное помещение было переполнено предела, и, что, конечно, нисколько меня не удивило при стоявшей тогда жаре, все узники были совершенно голыми. Если бы столько же европейцев заточили в такую маленькую камеру, они бы неизбежно погибли. Пребывание подследственных в таких местах часто надолго затягивается, поскольку отправдение правосудия в Китае сопряжено с большой волокитой.

Вора гонят по улицам города плетьюми

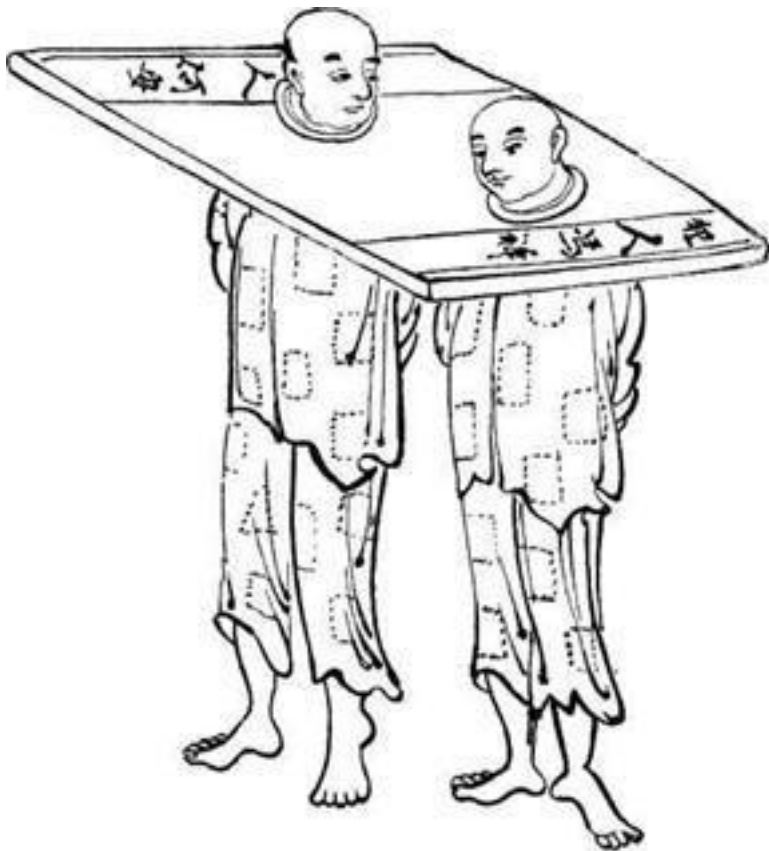
Я посещал многие китайские тюрьмы и нашел их во всем схожими и устройством, и управлением. Более других привлекла мое внимание печально известная областная тюрьма в Тайване, столице Формозы, – ведь в этой тюрьме во время первой войны, которую вела Великобритания с Китаем, был заключен экипаж «Нарбудды», арендованного транспортно-го судна ее британского величества (не менее ста девяноста семи душ). И всех их, за единственным исключением, в конце концов увели оттуда на казнь. В камерах, которые, как передают, занимали эти несчастные, я обнаружил много китайских заключенных, стремившихся нарушить скучную монотонность своей жизни при помощи изготовления вееров, и купил некоторые образцы их труда. Перед уходом я посетил участок земли – обычную площадку казней, где были обезглавлены офицеры и экипаж «Нарбудды». Там лежали несколько черепов, которые отбелило солнце, и один из них, с очень высокой лобной костью, по-видимому, принадлежал европейцу.

Капга

Теперь обратимся к наказаниям, которым подвергают в Китае осужденных. Мелкие кражи по большей части наказываются поркой. На виновного надевают наручники, вешают на шею украденное или точно такую же вещь, как та, что он украл, и проводят по улицам поблизости от места, где была совершена кража. Перед ним идет человек, бьющий в гонг, и при каждом ударе служащий, идущий позади, жестоко бьет преступника по плечам двойной ротанговой тростью,

возглашая: «Вот как наказывается вор». Поскольку приходится пройти через три или четыре улицы, такое наказание, несмотря на то что китайцы считают его легким, на самом деле очень даже суровое. Часто оно вызывает сильное кровотечение. Помню вора, укравшего часы у одного из своих земляков: я видел, как его пороли, проводя через Хэнань – предместье Кантона, где я тогда жил. Наказывающий был весьма дородным и от старательного исполнения своей обязанности совсем запыхался, еще до того как обошли все улицы, через которые следовало провести преступника. Человек, у которого украли часы, увидев, что вор может получить наказание не в полной мере, вырвал двойную трость из руки изнуренного палача и самым немилосердным образом обрушил ее на спину вора. Иногда так наказывают женщин, признанных виновными в воровстве. Бывает, что при наказании виновников мелких краж используют длинную бамбуковую палку, однако в этом случае преступника порют в присутственном месте перед судом. С него сразу снимают штаны, и наказание, в зависимости от обстоятельств кражи, составляет от десяти до трехсот ударов. Я видел, как таким образом наказывали пожилого человека, который при каждом ударе жалобно стонал. Его страдания не вызвали сочувствия в суде, а явно были приятны судье и его подчиненным – все чиновники широко ухмылялись.

Канга

Канга, или деревянный ошейник (шейная колодка), – другой способ наказания за мелкие правонарушения. Канги бывают разными по весу, некоторые из них очень тяжелы. Пре-

ступников приговаривают к ношению ее на срок от двух недель до трех месяцев. На протяжении всего этого времени кангу не снимают с шеи узника ни днем ни ночью. Ее форма не позволяет человеку ни прислониться к стене, ни растянуться на земле во весь рост, и, судя по изможденной внешности узников подвергшихся этому наказанию, оно достаточно сурово. Имя узника и характер его преступления большими иероглифами написаны на канге в назидательных целях.

Часто власти заставляют правонарушителя стоять от рассвета до заката у каких-нибудь из основных ворот, или перед одним из главных храмов, или перед общественными зданиями города, и он считается заслуживающим всеобщего презрения и осуждения. Однажды в Кантоне я видел трех торговцев солью, на которых надели канги за попытку провезти соль контрабандой. По всей видимости, среди своих собратьев они были людьми уважаемыми и явно остро переживали унижительность своего положения. В январе 1866 года, проходя по улицам города Синь-чжа-чжэнь в провинции Цзянсу, у ворот храма, посвященного Чэн-хуану, я заметил двенадцать крестьян почтенного вида, на каждом из которых была канга. Это было в день проведения ярмарки, и крестьяне были окружены толпой любопытных. Преступление крестьян состояло то ли в нежелании, то ли в неспособности выплатить поземельный налог. В городе Учане я был свидетелем, как трех крестьян за сходное правонарушение нака-

зали так же. В Сучжоу я видел старого крестьянина с кангой на шее, который был прикован цепью к каменному столбу у въездных ворот монастыря под названием Баоань-сы. Его тоже наказали за подобную провинность. В тот же день и в том же городе я увидел двух людей в кангах, прикованных к каменному столбу у главного входа в храм Чэн-хуана – божества городских стен. Из надписи на их кангах я узнал, что они подрались друг с другом. Была метель, и легко одетые скованные драчуны жестоко страдали от ненастья. Однако старый крестьянин предусмотрительно запасся толстым зимним платьем и казался вполне довольным.

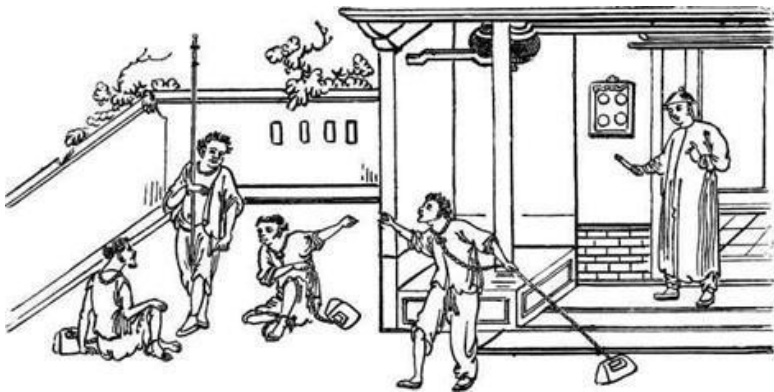
Канга

Из всех приговоренных к этому наказанию, которых я когда-либо видел, наверное, самым жалким был молодой китаец, которому приходилось сидеть – стоять он не мог – на одной из главных улиц Манки, небольшого торгового города на севере острова Формоза. Истощенный, в грязи, он выглядел просто настоящим доходягой. Иногда узников, подвергающихся подобным наказаниям, заставляют добывать себе

хлеб насущный, прося милостыню, переходя от дома к дому, чтобы не обременять государство. В Чжэньцзяне я видел человека жалкого вида, просившего подавание у всех встречаемых. По всей видимости, он не преуспел в этой роли, поскольку за то время, что я находился на одной с ним улице, он получил только чашку чая и вареного краба, которого он с видимой благодарностью принял от доброго лавочника. В Сучжоу я видел другое жалкое существо, на шее которого была закреплена канга; этот человек выпрашивал на улице то, в чем ему отказывали его надзиратели, – предметы первой необходимости. В Чжан-цзя-коу, городе, расположенном у подножия Великой Китайской стены, я видел заключенного, бродившего от дома к дому, чтобы выпросить себе пищи. На его шее была большая цепь, конец которой крепился к деревянной колодке вокруг его левой икры. Это был человек самого зверского вида из всех, кого я видел. Поскольку он просил и получал подавание от членов мусульманской общины города, он, вероятно, был недостойным последователем пророка из Мекки. Эти заключенные обязаны каждый вечер возвращаться в свои тюрьмы. Во время моих странствий по центральным провинциям я заметил, что канги кладут у городских ворот, у дверей ямэней или присутственных мест в предостережение преступникам. Еще один способ наказания преступника – это помещение его в клетку. Они выглядят по-разному: бывают слишком короткие, для того чтобы узник мог лечь, но и слишком низкие, чтобы

стоять; другие – слишком узкие и низкие, чтобы преступник мог выпрямиться во весь рост. К верхушке приделан деревянный ошейник, крепко охватывающий шею правонарушителя. Еще одна клетка напоминает предыдущую во всех отношениях, но отличие состоит в том, что она длиннее, чем тело того, кто в ней помещается, так что в то время, как его шея удерживается деревянным ошейником, пальцы ног едва касаются пола. Иногда даже убирают пол клетки, находящийся всего в нескольких дюймах над землей, так что заключенный оказывается подвешенным за шею. Это наказание почти всегда приводит к смертельному исходу. В 1860 году человека выставили в такой клетке перед внешними воротами ямэня в уездном городе Шуньдэ, или Даляне. Он был признан виновным в ограблении могилы. К концу третьего дня, претерпев ужасные страдания, он испустил дух. Несколько таких клеток я видел в областной тюрьме Кантона. У меня создалось впечатление, что это жестокое наказание намного чаще практикуется в уездных и областных городах, чем в столицах провинций. Жертвы, как правило, воры и грабители. Часто их наказывают, привязывая к длинным цепям, обернутым вокруг шеи, камни, небольшие, но достаточно тяжелые, чтобы причинять серьезное неудобство во время ходьбы от тюрьмы к входным воротам ямэня, перед которыми они должны стоять каждый день, и обратно. Эти камни неизменно висят на шее – и днем и ночью на протяжении всего периода заключения. В некоторых случаях про-

винившегося привязывают к длинным железным прутьям и выставляют на посмешище всем проходящим; на Тайване в Манке я видел шесть или семь таких людей.

Узники перед воротами ямэня

Законы Китая особенно суровы в отношении участников заговоров или мятежей. Но нередко в знак императорской милости тех, кого подстрекали на мятеж другие, наказывают отрезанием ушей вместо отрубания головы, а затем выпускают на свободу. В чайном зале в Далине, деревне неподалеку от Кантона, где я обыкновенно останавливался, мне несколько раз подносил чай с лепешками одноухий слуга. Как я узнал, этот молодой человек был склонен присоединиться к мятежникам, которые в 1853–1854 годах возмущали спокойствие в Гуандуне и примыкающей к нему провин-

ции Гуанси. Когда во время одной из многих безуспешных атак на Кантон, предпринятых повстанцами, его поймали, он был брошен в тюрьму, где провел несколько месяцев. Во время суда выяснилось, что он просто необдуманно примкнул к мятежникам. Ему отрезали ухо и отпустили на свободу.

Однажды на пути из города Цзилуна на острове Формоза к угольным копиям я обратил внимание на то, что один из моих носильщиков был корноухим. Как и слуга в чайном зале, он был признан виновным в бунтарской деятельности.

Тем не менее было бы ошибкой предположить, что все одноухие в Китае некогда были мятежниками. Я был в самых дружеских отношениях с торговцем железом из клана Фэн, у которого не хватало правого уха. Его очень расстраивало это, потому что незнакомые с ним люди были склонны делать вывод, что он когда-то был причастен к мятежу. Но дело обстояло как раз противоположным образом, поскольку старику, оставшемуся верным правительству, ухо отрезали мятежники. Они захватили его, когда он вел на них отряд храбрецов. К счастью, ему удалось сохранить свою жизнь.

Во время этого восстания императорские войска, которые прогнали мятежников из нескольких деревень в окрестностях Кантона, стали отрезать уши у многих невинных и не преступавших закона крестьян, заявив, что им не следовало впускать повстанцев. В одной из деревень, которую я посетил, видел не только мужчин, но и мальчиков десяти-двенадцати лет, с которыми обошлись так безжалостно. Мое вни-

мание привлек также безжалостно оскальпированный глубокий старик; а когда я уходил из деревни, сопровождающий отвел меня на то место, где лежали три обезглавленных человеческих тела. Это были крестьяне, которых озверевшие солдаты изуродовали абсолютно ни за что. Все женщины горько жаловались на бедствия, которые пали на их невинную деревню. Кроме того, когда город Кантон в 1854 году был освобожден, некоторые повстанцы со стороны императорского правительства подверглись своеобразному наказанию: чтобы на всю жизнь заклеить военнопленных, обрезали у каждого главное сухожилие на шее, так что голова склонялась на плечо^[14].

Для преступлений, караемых смертной казнью, и других серьезных правонарушений существует шесть классов наказаний. Первый называется лин-чи. Эта кара применяется по отношению к изменникам, отцеубийцам, убийцам братьев, мужей, дядей и наставников. Преступника привязывают к кресту и разрезают или на сто двадцать, или на семьдесят два, или на тридцать шесть, или на двадцать четыре части. При наличии смягчающих вину обстоятельств его тело в знак императорской милости разрезают только на восемь кусков. На двадцать четыре куска преступника разрезают следующим образом: первым и вторым ударами отсекают брови; третьим и четвертым — плечи; пятым и шестым — грудные железы; седьмым и восьмым — мышцы рук между кистью и локтем; девятым и десятым — мышцы рук меж-

ду локтем и плечом; одиннадцатым и двенадцатым – плоть с бедер; тринадцатым и четырнадцатым – икры ног. Пятнадцатым ударом пронзают сердце; шестнадцатым – отрубая голову; семнадцатым и восемнадцатым – кисти рук; девятнадцатым и двадцатым – оставшиеся части рук; двадцать первым и двадцать вторым – ступни; двадцать третьим и двадцать четвертым – ноги. На восемь кусков разрезают так: первым и вторым ударами отсекают брови; третьим и четвертым – плечи; пятым и шестым – грудные железы; седьмым ударом пронзают сердце; восьмым – отрубая голову. Множество политических преступников были подвергнуты казни первого класса в Кантоне во время наместничества Минчэня; 14 декабря 1864 года известный вождь повстанцев из народа хакка по имени Дай Цзигуй был подвергнут такой казни в Кантоне. Я совершенно случайно оказался на месте казни через пять минут после того, как этого преступника предали смерти под пыткой, и видел куски его тела, разбросанные по этой прославленной Акелдаме^[15]. Более всего были различимы кисти рук и ступни.

Однако не всех предводителей мятежей наказывают так жестоко. Например, в 1872 году человек по имени Су Инчжи, уроженец южных районов провинции Гуандун, который несколько лет был источником сильного беспокойства для кантонского правительства, был просто обезглавлен. Су Цзичжан, приемный сын Су Инчжи и его соучастник, был казнен тогда же и так же. По всей вероятности, император-

ская милость, которая проявилась в способе их казни, объяснялась тем, что их захватили в плен обманом: наместник заверил Су Инчжи и его приемного сына в том, что, когда они сложат оружие, он наградит их. Нет ничего удивительного в том, что Су Инчжи сразу согласился на это предложение, поскольку самое обычное дело не только для многих провинциальных правительств, но и для центрального правительства страны привлекать на свою сторону влиятельных вождей изменнических и мятежных партий, предлагая им высокое положение, титулы, деньги и полное прощение. Как вспомнит читатель, древние евреи также прибегали к такой политике. Так, Давид, чтобы привлечь к себе на службу Авенира, поддерживавшего Иевосфея – сына Саула, обещал, что при падении Иевосфея и объединении двух царств Авенира поставят во главе великого войска страны.

Вернемся к китайским казням. В девятнадцатый день первого месяца седьмого года правления Тунчжи (12 февраля 1868 года) женщина по имени Ляо Ланыпи была разрезана на двадцать четыре части на обычном месте казней в Кантоне за то, что отравила своего мужа. Она была уроженкой Юнханя, уезда или района в области Хуэйчжоу. Эта женщина влюбилась в богатого соседа по имени Чэнь Асы и надеялась стать его второй женой или наложницей, избавившись от мужа-крестьянина. Она решила уничтожить препятствие на пути к жизненному успеху при помощи яда. К началу казни она была слегка нетрезва. Когда ее привязыва-

ли к кресту, на котором должны были казнить, она попросила палача о быстрой смерти. Сначала он очень грубо завязал ей глаза куском веревки, а затем разрубил на двадцать четыре части, причем сердце ей пронзили пятнадцатым ударом. Затем обрезали веревки, которыми были привязаны к кресту ее руки и шея, и верхняя часть тела упала вперед, а нижняя осталась крепко привязанной к вертикальному бруску креста. Когда упала верхняя часть тела казненной, подручный палача потянул голову за волосы вперед, чтобы дать палачу возможность отсечь ее от тела. Эта несчастная предварительно провела два года в тюрьме; преступление она совершила на пятом году правления Тунчжи, или в 1866 году. На девятый день одиннадцатого месяца восьмого года правления того же императора, то есть 11 декабря 1869 года, женщина по имени Му Юши была наказана так же за убийство своего мужа. Совершить преступление ей помог любовник, Лю Саньгу, который тоже был предан суду. Во время казни, когда ее привязали к кресту, на котором должны были разрубить на части, преступного любовника заставили встать перед ней на колени, а затем ему одним ударом отсекли голову.

Второй класс смертной казни под названием чжань, или обезглавливание, — это наказание, полагающееся убийцам, мятежникам, пиратам, взломщикам, насильникам и тому подобным преступникам. Узников, приговоренных к обезглавливанию, держат в неведении относительно срока казни, вплоть до дня накануне ее: иногда предупреждают лишь за

несколько часов, в некоторых случаях за несколько минут. Я был в тюрьме магистрата кантонского уезда Наньхай 26 сентября 1872 года за несколько минут до подготовки к казни двадцати двух преступников. Когда я вошел в отделение, где было заключено большинство этих людей, они ничего не знали о позорной смерти, которую должны были претерпеть в течение ближайшего часа. Им сказали об этом лишь за несколько минут перед тем, как связать. Сопровождавший меня слуга-китаец сообщил им, что сейчас их поведут на казнь. Глупый малый, хотя его предупредили, чтобы он молчал об ожидающей преступников судьбе, сразу довольно громко попросил тюремщика показать, кого сегодня будут казнить. Собравшиеся вокруг нас узники были ошарашены, и тюремщик успокоил их, сказав, что ничего подобного не ожидается.

Когда приходит время подготовить осужденного к казни, чиновник в полном обмундировании, несущий в руках доску (на ней приклеен список имен узников, которым назначили сегодня казнь), приходит в тюрьму и в присутствии всех собравшихся в тюремном отделении читает вслух список приговоренных. Каждый узник, чье имя названо, сразу отзывается, и затем его сажают в корзину, чтобы он еще раз предстал перед лицом судьи. Когда же проносят через внешние ворота тюрьмы, его допрашивает через переводчика чиновник, в этом случае выступающий как представитель наместника. Каждому узнику задают примерно следующие вопро-

сы: как тебя зовут, как твоя фамилия, как называется твой клан, в каком районе родился, как долго был в заключении в этой тюрьме, в каком преступлении был признан виновным, когда и где совершил преступление, были ли у тебя сообщники, и если да, то как их зовут, признаешь ли себя виновным.

Представитель наместника, у которого есть список, где указаны имя, фамилия, место рождения и прочие данные каждого узника, сравнивает с ним получаемые ответы и при совпадении приказывает унести человека к месту казни. Когда преступники минуют внешние ворота тюрьмы, оказываясь во внутреннем дворе ямэня, то предстают перед праздной толпой, явившейся посмотреть на шествие осужденных. Как правило, в этих обстоятельствах они выглядят совершенно безразличными, однако иногда просто бравируют своим равнодушием.

В 1870 году я как-то раз присутствовал во внутреннем дворе главного магистрата уезда Наньхай, когда тридцать пять человек вывели из тюрьмы для подготовки к казни. И трое или четверо из них, увидев, что собралось столько народу, открыто расхохотались, а один, очевидно остряк, шутили-во заметил, что наконец-то стал важной персоной – его несут в корзине двое слуг. Когда узники прибывают во внутренний двор ямэня, к которому пристроена тюрьма, их друзья обычно снабжают или несколькими лепешками, или небольшим количеством супа, или кусочками бетеля для жевания, или

вином и небольшой тарелкой жирной свинины. Чаще всего друзья (или если друзей нет, гуманные тюремщики) передают этим людям бетель. Он действует как наркотик. От него сильно краснеет лицо, и поэтому многие иностранцы предполагали, что китайские преступники перед казнью в большей или меньшей степени находятся под действием опиума или опьянены вином. Однако в таких случаях жирную свинину и вино предпочитают ореху бетеля; но не у каждого заключенного есть друзья или близкие, могущие доставить ему такую роскошь.

Удивительна беспечность, с которой перед казнью угощаются этим многие узники, иные абсолютно невозмутимо курят сигареты. Некоторые все же плачут в ожидании грозной участи. Но и для размышлений, и для отдыха времени отведено мало. Заключенных очень быстро связывают во внутреннем дворе ямэня, когда узники еще сидят в своих корзинах. По обычаю, осужденных полагается кормить перед исполнением приговора; и на самом деле иногда это делают уже на пути к месту казни, — в декабре 1866 года я видел, как троих маньчжурских солдат по дороге родственники кормили жирной свининой и поили вином. Поскольку узники связаны, друзья или близкие приготовленную еду кладут им в рот.

Связав преступников, их переносят через правую или восточную арку тройных ворот к должностному лицу, чье судейское кресло вынесено из здания суда и помещено на

крыльцо внутренней дорожки, ведущей к официальной резиденции. Его последняя обязанность по отношению к арестованным состоит в том, что каждому из них судья велит прикрепить к голове бамбуковую планку, на которую предварительно наклеивают бумажку с именем, чтобы, когда осужденных будут проводить по улицам города к месту казни, горожане могли видеть, кто этот преступник.

В марте 1860 года в Кантоне мне пришлось быть свидетелем казни второго разряда. Казнили лишь троих, из которых один был военным мандарином, полковником китайской императорской армии по имени Пань Фаюань. Его осудили за трусость. Когда он был командиром войск в Гуйчжоу, на город напали мятежники и захватили его. Впоследствии выяснилось, что, когда бунтовщики входили в северные ворота, Пань Фаюань уезжал из города через южные. Другие двое были пиратами, и по их изможденному виду было понятно, что в тюрьме им пришлось перенести большие лишения. Мандарина казнили по императорскому приказу, а пиратов – по приказу императорского наместника в провинции. Последних несли к обычному месту казней, располагающемуся за пределами городских стен, в открытых корзинах, которые используют в таких целях в Кантоне^{16}.

Полковника, сидящего в паланкине с плотно задернутыми занавесками, несли туда же четверо хорошо одетых носильщиков. Процессию возглавляла группа копьеносцев, затем следовали два пирата, за которыми несли полковника;

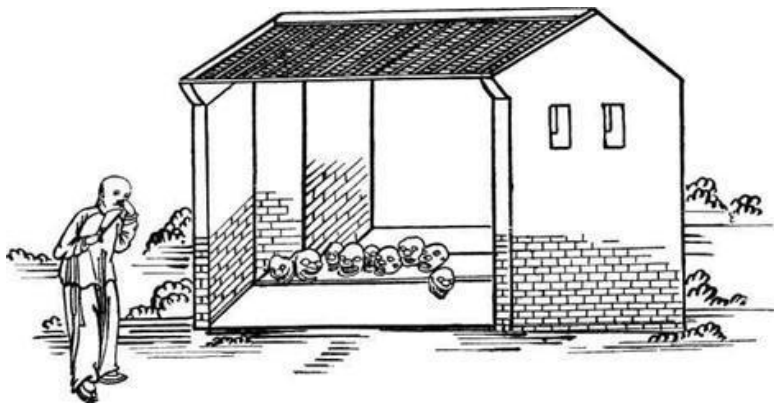
позади узников маршировала другая группа солдат, некоторые были вооружены копьями, другие – мечами, иные – фитильными ружьями. За ними следовали трое конюших, ехавших впереди большого государственного паланкина, в котором восседал вэй-юань, или помощник правителя уезда Наньхай, который как вэй-юань, или шериф, должен был присутствовать при казни. За конюшими, ехавшими верхом позади этих носилок, несли другие государственные носилки. В них сидел чиновник, обязанный совершить моление Пяти Гениям по случаю казни. В непосредственной близости от места казни находится небольшой храм в честь этих богов; считается, что они предотвращают вред, который жаждущие мести духи обезглавленных преступников могут нанести судье, магистратам и другим стражам правопорядка. Позади государственных паланкинов едет конный герольд, в правой руке которого маленький желтый флаг, на нем изображены два китайских иероглифа, означающие «по приказу императора». Без этого флага вэй-юань не смеет разрешить палачу нанести смертельный удар. Прибыв к месту назначения, где палача можно было узнать по блестящему клинку в руках, копьеносцы прошли колонной и построились по сторонам стола, покрытого красной скатертью. Вэй-юань уселся в стоящее перед столом кресло, также покрытое красной тканью. Пиратов бесцеремонно выбросили из корзин в грязь, в которую превратилась земля после дождливой ночи. Для более нежного полковника подстелили большую циновку. Его под-

держивали двое слуг, облаченных в китайские ливреи. Сей последний знак внимания оказался необходимым, поскольку полковник был не трезв. Перед выходом за пределы ям-эня он получил большую чашу крепкого вина и блюдо жирной свинины. Когда помощник палача поставил узников на колени и заставил их наклонить голову (так как в Китае плахой не пользуются), вэй-юань, все еще сидевший за столом, через глашатая приказал палачу нанести смертельные удары. Меньше чем через двадцать секунд несчастные предстали перед Богом, – а ведь они жили и умерли, не ведая ни о его могуществе и величии, ни о его святости, справедливости и милосердии. Один из слуг полковника немедленно поставил зажженные тонкие свечи на землю у обезглавленного тела своего хозяина, пока другой сжигал золотую и серебряную бумагу, долженствующую обозначать деньги, чтобы удовлетворить потребности души умершего в потустороннем мире. Завершив эти религиозные церемонии, они завернули обезглавленное тело в большую циновку, на которой он стоял еще минуту назад коленопреклоненным в ожидании смертельного удара. Затем принесли гроб, в котором останки были препровождены к месту жительства семьи^{17}. Обезглавленные тела пиратов, никому не нужные, лежали там же, в грязи. У-цзо, члены презируемого китайцами сословия, в конце концов запихнули оба тела в один гроб и унесли, чтобы похоронить на кладбище для преступников, которое называют ямой для костей десяти тысяч человек. Оружие па-

лача выглядело как ятаган и, очевидно, имело очень острое лезвие, поскольку преступники падали под ним как стебли травы под косой.

Как правило, преступники очень терпеливы и покорны, когда их выстраивают для казни. Когда их много, например тридцать, их расставляют в ряды по четыре или по пять человек и действуют несколько палачей. Иногда узники неистовствуют и ругаются. В 1865 году (23 января) один из пятнадцати, которых казнили в Кантоне, обратился к палачу с такими словами: «Обезглавленный может вернуться на землю, лишь чтобы занять самое низкое и гнусное место – должность палача. И не бывает, чтобы палач не умер постыдной смертью. Поэтому ты можешь ждать, что я вернусь на землю снова, и примерно через восемнадцать лет я не только займу твою презренную должность – я тогда отрублю тебе голову». Замечательное происшествие случилось в следующем, 1866 году (8 июня), когда казнили шестнадцать человек. Один из них вступил в горячую перебранку с помощником палача, причем они обменялись некоторыми крепкими китайскими ругательствами. Причиной ссоры было то, что преступник не хотел наклонять голову. Он сказал, что у него длинная шея, и поэтому не промахнется никакой искусно владеющий мечом человек. Главный палач старался убедить упряма, что он не враг ему и в нынешнем ужасном положении оказался не по воле палача, а по указу императора. Он добавил, что собирается причинить как можно меньше страданий и что

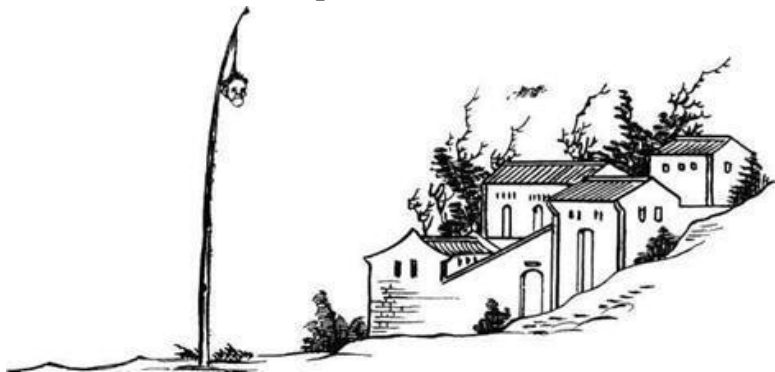
если только преступник согласится наклонить голову, то будет отсечена одним ударом. Убежденный этими аргументами преступник согласился сделать то, о чем его просили.

Хранилище для голов преступников в Кантоне

Покойный М.А. Корри, эсквайр, кантонский корреспондент гонконгской газеты China Mail, описал необычное происшествие, случившееся в 1869 году, когда в Кантоне казнили двадцать восемь преступников. Они начали кричать во весь голос: «Сохраните нам жизнь! Сохраните нам жизнь!»; «двое в последнем ряду, уже вставшие на колени, чтобы принять смерть, внезапно вскочили на ноги; и хотя они были в наручниках, их не смогли снова поставить на колени даже четверо или пятеро солдат с помощниками. Палач пришел в некоторое волнение и, очевидно думая, что нельзя терять

времени, стал рубить головы стоявшим осужденным. Кровавая сцена завершилась не скорее, чем вэй-юань с мечом, жезлоносцы и оборванная публика оставили место действия. Когда все было кончено, толпа зевак хлынула на площадку глазеть на обезглавленные тела соотечественников в совершеннейшей апатии и безразличии».

Голова преступника, выставленная на всеобщее обозрение под Нанкином

В Китае нередко выставляют головы преступников в назидание остальным. На публичной площадке казней в Кантоне раньше существовало хранилище для этой цели. Его убрали несколько лет назад, и теперь головы сбрасывают в грубые глиняные бадьи с негашеной известью. Самое обыкновенное дело— выставлять головы взломщиков и пиратов в непосредственной близости от места их преступления. Так, на берегу

моря в Макао я видел головы пиратов, выставленные в клетках, привязанные к верхушкам длинных палок; а во многих городах и деревнях неподалеку от Кантона – головы взломщиков, которые отбеливались под жгучими лучами тропического солнца. В городе Чжунлотань, провинция Гуандун, на расстоянии тридцати миль от ее столицы, в 1861 году я видел свыше тридцати голов взломщиков, что висели в клетках неподалеку от рыночной площади. На берегах озера Дунтин и в Аньцине, городе на берегу реки Янцзы, я тоже обратил внимание на подвешенные в клетках головы преступников. На берегу Великого канала я заметил голову, свешивавшуюся с памятной арки, и другую, помещенную на могиле за неимением более подходящего возвышения. Въезжая в город Нанкин, я заметил человеческую голову, подвешенную за косицу на ветку дерева, – этот преступник убил женщину. Когда я путешествовал по равнинам Внутренней Монголии в 1865 году, мне три или четыре раза попадались аналогичные зрелища.

Я говорил, что все изменники, отцеубийцы, убийцы других родственников, взломщики, пираты, разбойники с большой дороги и тому подобные преступники наказываются по первому или по второму разряду. Исключение делают для тех, кому более восьмидесяти или менее шестнадцати лет. В настоящее время, например, в тюрьме главного магистрата кантонского уезда Наньхай содержался юноша по имени Чжу Чжэньван, который в 1861 году отравил своего школьного

учителя в соседнем городе Фошань. Его определенно ожидала бы мучительная смерть, если бы ему было больше шестнадцати лет. Вероятно, ему придется провести всю жизнь в тюрьме.

Наказание третьего класса называется нань-коу – смерть от удушения. Ему подвергают похитителей людей и всех воров, если кража совершена с оружием в руках, а стоимость украденного равнялась пятистам долларам и выше. Удушение осуществляется следующим образом. В центре площадки для казней воздвигают крест, у подножия которого помещают камень; узник стоит на камне. Его тело привязано к вертикальному брусу поясом, проходящим вокруг талии, а руки – к горизонтальному брусу. Затем палач оборачивает вокруг шеи узника тонкую, но крепкую бечевку, которую натягивает до упора и завязывает прочным узлом вокруг верхней части вертикального бруса. Смерть от этой жестокой казни наступает очень медленно и, несомненно, сопряжена со страшными страданиями. Тело остается на кресте в течение двадцати четырех часов. Перед тем как уйти с площадки для казней, вэй-юань неизменно ставит свою печать на узел бечевки, охватывающей шею преступника. В 1866–1867 годах в Кантоне многие люди, признанные виновными в похищении кули, были казнены удушением. В декабре прошлого года я видел группу из трех похитителей, которые вот так и висели на крестах, поставленных в ряд на расстоянии всего лишь нескольких футов один от другого. На верхушке каж-

дого креста, непосредственно над головой преступника, находилась полоска бумаги, на которой было написано его имя и совершенная вина.

Наказание четвертого класса называется вань-гуань, или пожизненная каторга. Так наказывают растратчиков, фальшивомонетчиков и тому подобных преступников. Места высылки на севере Китая и в Маньчжурии называются соответственно Хэй-лун-цзян, Или, Нингута и Оломуцзы. В одно из этих мест ссылают всех осужденных из центральных и южных провинций. Труд несчастных варьируется в зависимости от обстоятельств их предшествующей жизни. Те, что занимались тяжелой работой и привыкли к сельскохозяйственным занятиям, ежедневно заняты на вспашке и обработке пустошей. Другие (особенно ссыльные из южных провинций, где летом стоит почти тропическая жара) из-за жестокости холодов, преобладающих в северных широтах, должны работать на правительственных чугунолитейных заводах.

Человек в ножных и ручных кандалах

Пожилые люди и те, кто не привык к физическому труду, ежедневно подметают государственные храмы и другие общественные здания. Некому старому купцу из кантонской гильдии, сосланному в одно из этих северных поселений за банкротство – вероятно, умышленное, – велели, учитывая его возраст и положение в прошлом, подметать внутренние дворы государственного храма. Некоторые из осужденных, занимавших государственные должности, должны трудиться в имперских садах, кто-то – в имперских конюшнях, которые располагаются на севере в Жэхэ. У некоторых на щеках вытатуированы их имена и названия преступлений – не только по-китайски, но и на маньчжурском языке. В некоторых случаях осужденного из собственно Китая препровождают за Великую стену и освобождают, заверив, что, вернувшись, он оплатится жизнью. Путешествуя по Монголии, я встретил молодого китайца, который попросил у меня подавания на кантонском диалекте. Он, уроженец уездного города Санынуй, расположенного на расстоянии тридцати миль от Кантона, за какое-то преступление был выслан в дикие степи Монголии. Видя его плачевное состояние, я захотел взять его с собой обратно в Кантон в качестве одного из своих слуг.

В некоторых частях империи осужденных каждое утро выпускают из тюрьмы, чтобы они добывали хлеб насущный, прося милостыню. В рыночном городке Янь-пу, расположенном в окрестностях Кантона, некогда один заключенный из

Нанкина работал и грузчиком, и носильщиком паланкинов, и батраком, каждый вечер возвращаясь в тюрьму при ямэне; он рассказал мне, что провел так двадцать лет своей жизни. Он мечтал, чтобы ему позволили вернуться в Нанкин умереть и потомки могли бы совершать священные ритуалы культа предков. Если обнаруживается, что временно освобожденные из тюрьмы злоупотребляют в эти дни дарованной им частичной свободой, вымогая деньги у лавочников, воруя или совершая другие правонарушения, их снова сажают за решетку.

Наказание пятого класса называется вань-лю, или ссылка (на десять или пятнадцать лет). Преступники, подлежащие такому наказанию, – это мелкие грабители, укрыватели преступников и тому подобное. Таких правонарушителей обычно ссылают в центральные провинции империи, где труд осужденных организуется так же, как и в штрафных колониях севера. Подлежащих этому наказанию родом из центральных провинций ссылают в восточные, западные или южные провинции империи. К ним также применяют бесчеловечное наказание – татуировку щек. Я видел многих заклеянных таким образом людей в кантонских тюрьмах.

Шестой класс называется мап-тоу, или ссылка на три года. Такое наказание – удел сутенеров, игроков, торговцев контрабандной солью и т. п. Осужденного ссылают в одну из провинций, непосредственно граничащих с той, откуда он родом, или с той, где было совершено преступление.

В колодках

Отсылают их в штрафные колонии группами, заставляют проходить по шестнадцать миль в день; когда возможно, везут по воде, в противном случае осужденным приходится идти пешком. На марше осужденные разбиты на группы, в каждой из которых от двух до пяти человек. Цепи или веревки, которыми они связаны, обернуты у них вокруг шеи, ноги закованы в кандалы, а руки связаны разными способами. Примерно так же было принято связывать узников у древних египтян. Древнеегипетские скульптуры иногда изображают длинные процессии узников, ведомых куда-то. В некоторых случаях они связаны по двое, трое, четверо или пятеро. Мы находим много упоминаний о заковывании узников в кандалы в Священном Писании, о таком обычае отчетливо гово-

рится в следующих стихах: 2 Пар., 33: 11; Пс, 2: 3; Пс, 149: 8.

В некоторых случаях преступников препровождают к месту назначения в повозках. Покидая Жэхэ во Внутренней Монголии, я видел, как в город въезжала большая крытая повозка, полная каторжников. Когда осужденные идут пешком, многие, в особенности пожилые и ослабленные люди, умирают в пути, как я полагаю, от плохого питания и переутомления. В частности, не в состоянии перенести такое путешествие женщины, особенно с маленькими или бинтованными ногами.

Перед тем как завершить эту главу, мне остается упомянуть о способе расправы, к которому иногда прибегают старейшины в районе. Он заключается в том, что связанного по рукам и ногам преступника бросают в ближайшую реку или пруд. Такая казнь законна, только когда под распоряжением о приведении в исполнение смертного приговора по отношению к данному узнику стоят подписи если не всех, то по крайней мере определенного числа старейшин деревни. Преступления, влекущие подобную скорую расплату, могут быть разными. Так, в одно воскресное утро 1859 года по пути в церковь я наблюдал, как большая возбужденная толпа стремилась к берегу Чжуцзяна (Жемчужной, или Кантонской реки). Толпа влекла к реке двоих. Связанных по рукам и ногам, их швырнули в поток. Эти несчастные, как я узнал позже, похитили или заманили нескольких своих земляков на борт иностранного судна, на котором были увезены в качестве ра-

бов в колонию одного из европейских государств. Кроме того, во второй половине дня 1 августа 1868 года двух человек, которых также обвинили в похищении земляков и осудили за это, по распоряжению старейшин сбросили в залив, огибающий с севера иностранное поселение на острове Шамянь, связав руки с ногами. Я думаю, не может быть сомнений в том, что утопление этих людей было осуществлено в непосредственной близости от иностранного поселения и в присутствии двух или трех членов иностранной диаспоры, для того чтобы показать иностранцам неминуемую судьбу всех китайцев, нанятых ими для похищения кули. (Кули отправляют или в вест-индские владения Великобритании, или в страны Северной и Южной Америки для рабского труда.) Я могу добавить, что эти люди были утоплены не так далеко от собственной резиденции эмиграционного представителя Британской Вест-Индии.

Во время Кантонского восстания 1854–1855 годов многих мятежников казнили так по приговору старейшин своих деревень. На самом деле в одном случае в 1854 году не менее пятнадцати человек были утоплены в кантонском Хэнане. Однажды в восемь часов утра этих людей швырнули в ту часть Жемчужной реки, что протекает мимо участка, где тогда находились дома англичан и других иностранцев. Однако в некоторых случаях старейшины позволяли мятежникам (во многих случаях членам их же клана) выбрать формы казни. Так, в Сицзяо, уезда в районе Наньхай и в различных

деревнях прилегающего к нему уезда Шуньдэ, многие бунтари кончили жизнь или при помощи опиума, или принимая яд, именуемый китайцами тай-суй-яо, или при помощи яда, который называется у-мань-цзян, или же казни удушением. Эти несчастные преступники предпочли смертную казнь от рук старейшин родных деревень, в присутствии своих семей тому, чтобы попасться мандаринам, которые сначала пытали бы их, а потом обезглавили. Один случай привлек мое особое внимание. Женщина по имени Ми Ши из деревни Лянху поблизости от рыночного города Синань, когда местные старейшины признали ее мужа виновным в подстрекательстве к мятежу и казнили, так бранила их за то, что ее лишили средств к существованию, требуя хлеба себе и детям, что в итоге они велели связать ее по рукам и ногам и бросить в воды протекавшей неподалеку реки.

Во время посещения шелковых районов Гуандуна в 1862 году, прибыв в рыночный город Гуаньчжэнь, я узнал, что всего несколькими днями раньше джентри и старейшины приговорили напавших на два больших грузовых судна, тяжело нагруженных шелком, к смерти через утопление. Оказывается, этих несчастных (двадцать одного человека) связали вместе, прежде чем сбросить в реку.

Хотя уголовный кодекс Китая крайне суров, особенно в случаях, затрагивающих безопасность и прочность трона или мира в империи, его отличают многие гуманные черты. Так, соответствует духу закона помилование единственно-

го сына, приговоренного к срочной или к бессрочной ссылке. Конечно, это помилование дается правонарушителю ради его родителей. Кроме того, если три брата, единственные сыновья своих родителей, объединятся для совершения преступления, за которое следует обезглавливание или ссылка, после вынесения приговора наказывают по закону двоих младших. Старший брат получает помилование, несмотря на то что виновен в той же степени. Если отца наказывают ссылкой, закон позволяет сыну сопровождать его. Женам осужденных также позволено из тех же соображений гуманности жить у мужей в штрафных колониях. Императорская снисходительность распространяется также на тех преступников, которые являются слабоумными, калеками или увечными и из-за этого оказываются неспособными работать. Далее: закон не позволяет отправлять осужденных в изгнание в течение первого месяца года, который считается месяцем отдыха и снисхождения, а также во время шестого месяца – из тех соображений, что в это время летний зной достигает крайнего предела и передвижения сопряжены с большим риском и неудобствами.

В этой главе и в предшествующей я описал многое, что, вероятно, наполнило читателя болью и негодованием. Никто не может читать, оставаясь безразличным, о судах, погрязших в пороке и в безмерной жестокости; о чиновниках, чья продажность стала западней для многих невинных; о тюрьмах, где люди заперты в зловонных грязных и запу-

щенных клетушках, где часто не хватает предметов первой необходимости, чтобы поддерживать жизнь в истощенных телах заключенных; о бесчеловечных наказаниях, напоминающих о самых темных страницах европейской истории. Хотя это тривиальная мысль, я не могу завершить главу, не сказав о том, насколько мы должны быть благодарны, что наши обычаи возникли в стране, чьи судьи неподкупны, а законы вдохновлены духом Слова, которое учит правителей и народ равно «действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренно-мудренно ходить пред Богом своим».

Глава 4

Религия

Конфуцианство

Из текстов, которые китайцы считают каноническими, можно понять, что некогда они были благословлены знанием о Существе, что означает обретение жизни вечной, и что в Нем, почитаемом как Хуан-Тянь и называемом Шан-Ди, они почитали Бога. «Шу цзин» и «Ши цзин» приписывают этому Существу атрибуты всеведения, всемогущества и неизменности; и служение, некогда воздававшееся Тянь, во многих отношениях кажется похожим на веру ветхозаветных патриархов. В самые древние времена к этой первичной религии присоединилось идолопоклонническое почитание духов усопших предков и духов, которые, как предполагалось, управляли различными природными процессами. В ходе такого искаженного развития религии китайцы почти совершенно забыли того Бога, которого они признавали Создателем вселенной и Вседержителем. С этим культом, который все еще остается государственной или общепризнанной религией страны, связывают имя Конфуция. Во многом именно он – составитель и редактор так называемых китай-

ских канонов, а также славнейший и влиятельнейший учитель согласной с ними нравственности – способствовал постоянству древней религии в качестве отдельной системы и установлению ее господства над другими культами.

Конфуций жил во второй половине VI столетия до Рождества Христова – на Востоке этот век отмечен подъемом духовной и мыслительной деятельности. Среди его собственных соотечественников основатель даосизма Лао-цзы, а среди греков – Пифагор учили доктринам, которые в некоторых случаях удивительным образом напоминают одна другую. Тогда же в Индии успешно проповедовал свое новое учение Будда. Конфуций родился в 551 году до н. э. в Цзоу – сейчас это уезд в провинции Шаньдун. Китайцы никогда «не позволяют» мудрецу родиться без определенного рода сопутствующих событий – говорят, что и рождение Конфуция ознаменовалось сверхъестественными явлениями. Более скромная версия его генеалогии (один из рассказов, например, ведет его родословную от императора Хуанди, жившего более чем за 2000 лет до н. э.) свидетельствует о том, что он был отпрыском княжеского дома и вел род от брата Чжоу, последнего правителя династии Инь. Многие из его предков определенно были министрами и отличившимися воинами, и один из них был особенно замечателен своей скромностью и увлеченностью учеными занятиями. Его отец, Шулян Хэ, был весьма мужественным воином. Конфуций был сыном от второго брака, родившимся, когда отцу

было более семидесяти лет. В рассказе о детстве Конфуция говорится о том, как проявлялись его склонности в играх: он часто копировал расстановку жертвенных сосудов и совершал ритуальные поклоны. Когда ему было пятнадцать лет, он, по его собственным словам, посвятил себя учению. В девятнадцать лет он женился. Вскоре после этого Конфуций, по-видимому, получил первый государственный пост: стал хранителем зерна в своем родном княжестве Лу. На следующий год ему поручили управление общественными полями и землями. Его слава вскоре распространилась в царствах, на которые в то время был разделен Китай. Впоследствии более чем за пятьдесят лет своей государственной службы Конфуций получал приглашения на должности от различных дворов. Однако чувство собственного достоинства – черта его характера не менее отличительная, чем и его неподдельная скромность, – нередко побуждало его отклонять эти предложения. Вопреки свойственной князьям любви к удовольствиям и злокозненным интригам, будучи на государственной службе, он оказал огромные услуги стране. Но его влияние на службу у правительства было в любом случае второстепенным по сравнению с тем, которым он пользовался как признанный авторитет по всем вопросам, имевшим отношение к древней истории империи, и как красноречивый толкователь тех великих нравственных принципов, которые, как его убедили исторические штудии, должны были лежать в основе законодательной деятельности. Он рано, в двадцать

один год, начал публичное преподавание и преуспел, оказавшись в центре обширного круга учеников, чья преданность свидетельствует о необычайной силе его характера и нравственном совершенстве. Его слава была так велика, что у него, как передают, было три тысячи учеников. Из них он выбрал семьдесят два и разделил этих последних на четыре класса. Первую группу он стал обучать морали, от второй требовалось посвятить себя искусству рассуждения; третью учил разработке лучших форм управления государством, а четвертую – публичному преподаванию.

В своих постоянных стараниях возбудить в сознании нации почтение к тем принципам, которыми руководствовались великие императоры Яо и Шунь почти за две тысячи лет до этого, Конфуций посвятил себя преобразованию традиций и грубых свидетельств древних времен в совершенную форму. До своей смерти он успел завершить работу по составлению и редактированию так называемых пяти китайских канонов, или пяти «Цзинов», почитаемых китайцами, – они считают, что в них содержится истина о высочайших предметах, изложенная теми, перед кем они преклоняются как перед святыми мудрецами. Это следующие книги:

1. «И Цзин», или «Книга Перемен», – космологический и этический трактат, создание общих начатков которого приписывается Фу-си, предполагаемому основателю китайской цивилизации.

2. «Шу Цзин», или «Книга Исторических писаний», в которой повествуется о царствованиях Яо и Шуня и о династиях Ся и Шан, а также о многих чжоуских властителях. Повествование нередко принимает форму диалога и содержит много материалов дидактического характера.

3. «Ши Цзин», или «Книга Песен», – собрание стихотворений, которые высоко ценил Конфуций как средство формирования национального характера.

4. «Ли Цзи», или «Записи о Ритуале», – это изложение китайских национальных обрядов; полагают, что соблюдение описанных там церемоний и обычаев необходимо для поддержания общественного порядка и поощрения добродетели.

5. «Чунь Цю», или «Весна и Осень», – история времени Конфуция и нескольких царствований, непосредственно предшествовавших ему. Название книги объясняется тем, что события каждого года в ней расположены под заголовками сезонов, два из которых посредством синекдохи стали обозначением всех четырех.

Первые четыре текста, «Цзины», согласно традиции, были составлены и отредактированы Конфуцием. Однако в четвертую, как говорят, многое было привнесено позже. Только пятая книга, «Весна и Осень», – это подлинное произведение самого мудреца.

После канонов китайцы почитают четыре «Шу» – книги или писания. В трех из них – в «Лунь Юе», или «Упорядо-

ченных беседах» Конфуция с его учениками, в «Да Сюэ», или «Великом Учении», и в «Чжун Юне», или «Срединной Доктрине», – мы располагаем сделанными его учениками записями его доктрин и высказываний. Четвертое «Шу» состоит из трудов Мэн-цзы, прославленного автора конфуцианской школы, умершего в 317 году до н. э.

Когда смерть уводила Конфуция с нивы трудов, он, вероятно, чувствовал, что его усилия на благо страны увенчались весьма скромным успехом. Он умер в возрасте семидесяти четырех лет, оставив свою страну, которой посвятил жизнь, более чем когда-либо подверженной ненавистным ему бедствиям. «Цари, – сказал он на смертном одре, – не станут внимать моему учению. Так, значит, я больше не нужен на земле, и пора мне ее оставить». После смерти его имя стало глубоко почитать все классы общества, и чтят его до сих пор^[18]. Учения других философских школ канули в Лету, а доктрины Конфуция сегодня читает большая часть великой семьи человечества, которая восхищается ими и старается воплотить в жизнь. По всей империи работы Конфуция рассматриваются как образцы религиозной, нравственной и политической мудрости. Только зная их, можно добиться известности и в культурной, и в политической жизни. Сыновняя почтительность, которая после смерти родителей переходит в почитание предков, – это центральная концепция его системы, а в настоящее время – национальная религия китайцев.

Хотя Конфуция иногда ставят рядом с такими основателями религий, как Будда и Мухаммед, такой славой в большей степени он обязан своим трудам по составлению и редактированию канонов – «Цзинов» и своей исключительной известности как учителя нравственности, чем каким-либо притязаниям на вероучительство. Нет никаких оснований предполагать, будто он добавил какую-то новую доктрину к метафизическим спекуляциям или к религиозным представлениям, отраженным в этих книгах. В его высказываниях не содержится информации ни относительно его взглядов на сотворение человека, ни о том, что, по его мнению, ожидает его за гробом. Напротив, из трех «Шу», в которых его ученики сделали для китайского мудреца то же, что Босуэлл для доктора Джонсона, мы узнаем, что он высказывался не о религии, а об истории, поэзии, правилах поведения и, главным образом, обо всем, что имело отношение к развитию добродетели в личности, в обществе или в государстве. Конфуций признавал мудрое руководство провидения. Он учил, что в этом мире добрые получают воздаяние, а злые бывают наказаны. Однажды, оказавшись в опасности, – на него яростно набросились жители Куана, принявшие его за своего старого недруга – сборщика налогов, – он произнес замечательные слова: «После смерти царя Вэня (Вэнь-вана) разве я не храню дело истины? Если бы Небо пожелало, чтобы это дело погибло, я, смертный, не мог бы так приобщиться к нему. А раз Небо не пожелало, чтобы дело правды погибло, что мо-

гут сделать со мною куанцы?»

Очевидно, что Конфуций придавал большое значение торжественному служению Шан-ди, совершавшемуся лично главой государства с помощью министров. Мы обнаруживаем, что он рассказывал ученикам о мудрости древних в таких выражениях: «Совершая церемонии жертвоприношений Небу и Земле, они служили Богу, а совершая церемонии в храме предков, приносили жертвы предкам. Для того, кто поймет ритуал жертвоприношения Небу и Земле и значение нескольких жертвоприношений предкам, управлять царством будет так же легко, как заглянуть в свою ладонь». Иногда дело представляли так, что китайцы, поклоняясь Небу и Земле, почитали как двух отдельных божеств Вещественный небесный свод и Плотный земной шар. Тем не менее в китайских книгах достаточно свидетельств в пользу того, что этот грубый взгляд на их религию ошибочен. И процитированный мной фрагмент показывает, что в понимании Конфуция объект поклонения в культе Неба и Земли – Вседержитель. Действительно, в 1700 году, после того как идолопоклоннические элементы их религии оказывали воздействие почти четыре тысячи лет, император Канси обратился к папе Александру VII с официальным заявлением о монотеизме китайцев. В эдикте, изданном им вслед за тем, он сделал замечательное утверждение, что «религиозные установления китайцев – политические». В процитированном нами фрагменте из «Срединной Доктрины» Конфуций рас-

смачивает великие религиозные церемонии своей нации с политической точки зрения. Несомненно, явное отсутствие в настоящее время религиозного чувства среди китайцев в большей степени объясняется именно тем, что Конфуцием еще не было осознано место человека как падшего духовного существа, непосредственно связанного отношениями с личным Богом, итоги которых лежат в вечности. Нас не удивит несовершенство представлений Конфуция об этом жизненно важном вопросе, если мы учтем, что, как и на Сократа с Платоном, на него не снизошло Божественное Откровение. Ведь именно так человек узнал великую цель, с которой он был сотворен, и смог ожидать конца земной жизни не только с покорностью, но и с радостью и надеждой. Сын своего века, Конфуций действительно считал себя толкователем национальной религии, но его труды преимущественно принадлежали к социальной и политической области. Он мыслил в высшей степени практично и относился к религии как человек, считающий безрассудством тратить необходимые для неустанныго выполнения долга силы на тщетные попытки осветить тьму, скрывающую будущее. Для Конфуция праведник – это не целеустремленный аскет Будды и не созерцающий отшельник Лао-цзы. Это величественный глава упорядоченной семьи; преданный и патриотичный гражданин, стремящийся к справедливости в поступках и к правильности поведения, почитающий родителей и императора, – и первые, и последний фактически представляют со-

бой посредников между ним и Богом. Но «высший человек» Конфуция замечателен не только своей преданностью и почитательностью. Он должен быть обладателем искренности, знания, великодушия и энергии. Кроме того, при всем почитании к властям Конфуций считал, что права государя на верность подданных могут быть аннулированы из-за его порочности, и народ получит все основания свергнуть его.

Хотя этическая система Конфуция основана на самосовершенствовании, он подходил к человеку прежде всего с социальной и политической точки зрения. Он прожил свою жизнь, пропагандируя уважение и признание правителями и подчиненными обязанностей, связанных с определенными общественными отношениями. Не стремясь революционизировать существующие институты, он хотел открыть своим соотечественникам глаза на их нравственность. «Правление существует, – как заявил он однажды, – когда государь – это государь, министр – это министр, отец – это отец, а сын – это сын». Он считал особым долгом правителей добродетельность, поскольку их пример действует на народ, как ветер на траву, которая сгибается в том направлении, в каком он дует. Но он стремился указать путь каждому чиновнику и фактически каждому человеку в государстве, которые с соблюдением многообразных церемоний и ритуалов вспоминали бы об обязанностях, связанных с занимаемым ими положением, и укрепляли в них важнейшее, по его мнению, чувство должного поведения.

Самая заметная доктрина его системы посвящена сыновней почтительности. В семье он видел прототип государства; и поныне китайское управление страной следует понимать как отношения, существующие между отцом и сыном. Признавая святость отцовства, дитя почитает родителя; родитель – магистрата, а магистрат – императора^[19]. «Высший человек, – учил Конфуций, – обращает свое внимание к корню. Когда он установлен, из него вытекают все правильные способы действий. Сыновняя почтительность и покорность родителям – разве это не корень всех человеческих поступков?» В ученом и исчерпывающем введении к своему переводу китайской классики доктор Легг сообщает о случае, иллюстрирующем практический здравый смысл, отличавший философа. Около 500 года до н. э., когда Конфуций занимал пост министра юстиции при дворе Лу, отец просил наказать по закону провинившегося сына. Однако вновь назначенный министр юстиции, от которого, несомненно, не ожидали такого решения, воспользовавшись своими полномочиями, приказал заключить в тюрьму не только сына, но и отца. По преданию, глава семейства Цзи протестовал, говоря: «Вы шутите со мною, господин министр юстиции. Раньше вы говорили мне, что в государстве ли, в семье ли сыновняя почтительность – первая вещь, на которой следует настаивать. Что же ныне удерживает вас от казни этого непочтительного сына в назидание всему народу?» На это Конфуций со вздохом отвечал: «Когда высшим не удастся исполнять сво-

их обязанностей, а потом они казнят своих подчиненных, это неправильно. Отец не научил своего сына быть почтительным; удовлетворить его просьбу значило бы казнить невинного. Обычаи мира долго пребывали в прискорбном состоянии; мы не можем ожидать, что люди не будут преступать законов».

Мы найдем, что одним из плодов учения Конфуция стало замечательное внимание, и по сей день уделяемое доктрине сыновней почтительности. Я уверен, что никто не мог бы жить в Китае, не обратив внимания на явное уважение, оказываемое детьми своим родителям и опекунам. Их сыновняя почтительность проявляется не только в обычных обязанностях, но и в замечательных случаях самоотречения. Совершенно обычно для сыновей идти в тюрьму и в изгнание за преступления, совершенные их родителями. В 1862 году я встретил в уездном городе Цунхуа юношу, находящегося в заключении вместо своего деда, которого приговорили к лишению свободы за банкротство. Извлекая выгоду из этого чувства, правительство арестовывает родителей правонарушителей, если не в состоянии задержать их самих. Я могу упомянуть о деле китайского приказчика или надсмотрщика на борту иностранного транспорта снабжения в Цзинь-син-мэнь. Он немедленно сдался властям, услышав, что его родителей посадили в кантонскую тюрьму, так как его заподозрили, будто в 1854 году он был на стороне мятежников. Конечно, родителей освободили, но сына обезглавили через со-

рок восемь часов после сдачи.

Один из самых поразительных актов китайской сыновней преданности – это отрезание плоти бедра или руки: ее вместе с другими ингредиентами готовят в качестве укрепляющего средства для тяжелобольного родителя. Такие благочестивые поступки не так уж необычны. В местечке Бицзян (уезд Шуньдэ) я познакомился с молодым человеком, который из преданности матери (она, как полагали, страдала неизлечимой болезнью) вырезал большую часть плоти из своей руки; он явно гордился оставшимся шрамом. В шелководческом городе Жунци в том же районе в 1864 году жила старуха из клана Хэ, которая излечилась от болезни, грозившей сделаться смертельной; выздоровление приписали самоотверженности ее невестки, вырезавшей часть плоти из руки, чтобы приготовить необходимое снадобье. О поощрении таких поступков правительством свидетельствует фрагмент статьи *Pekin Gazette* от 5 июля 1870 года:

«Ма Синьи, генерал-губернатор двух цзян, подает трону прошение следующего содержания: молодая девица из Цзяннин отрезала два сустава своих пальцев и положила их в лекарство, которое ее мать принимала от болезни, объявленной врачами неизлечимой. Традиционный ортодоксальный китайский обычай, примеры соблюдения которого (согласно записке) встречались даже в недавние годы, состоит в отрезании плоти бедра. Эта молодая девица, которой

всего лишь пятнадцать лет, сначала действительно попыталась сделать так, но у нее не хватило или силы, или смелости. Генерал-губернатор позволяет себе беспредельно восславить этот акт дочерней почтительности, который, конечно, был вознагражден немедленным выздоровлением матери. Он просит, чтобы император даровал чаду какое-нибудь примерное вознаграждение, например воздвиг бы мемориальную арку по соседству в память этого поступка. «Таким образом, – говорит он, – сыновняя почтительность во всем мире получит поощрение». Без всякого преувеличения можно сказать, что прочному влиянию на сознание народа этой доктрины Конфуция, как основе порядка в государстве, в большой степени обязано удивительное национальное долголетие китайцев. Невозможно не задаваться вопросом, каким образом Китай ухитрился пережить древние народы, от исчезнувшего величия которых нам остались лишь груды развалин или разрозненные частицы «Вечного Вавилона», «Вечной Ниневии» и «Вечных Фив». Можно подумать, что, выполняя пятую заповедь, китайцы получили благо, даруемое Господом за ее соблюдение. Народу, позабывшему о самом Боге, но начертавшему Его заповедь в сердцах, возвеличившему и почитавшему эту заповедь народу, чей главный представитель проповедовал о ней с такой силой, Он продлил дни на земле.

Можно сказать, что на фундаменте принципа и традиции сыновней почтительности Конфуций воссоздал надстройку

культу предков, который запечатлелся в народном сознании глубже, чем любой другой элемент древних или современных религий китайцев. Во всей стране нет ни одного жилища, лишенного святилища или алтаря, перед которым утром и вечером воздают почести усопшим предкам. Кроме того, в определенные дни года можно видеть людей, совершающих паломничества к вершинам высоких холмов и к отдаленным и уединенным долинам, где они падают ниц перед могилами своих предков в трепете и благоговении. Все это скорее свидетельствует об уважении, которым усопшие пользовались на земле, чем о служении божеству, – ведь китайцы, по-видимому, не считают, что духи предков обладают какими-то особыми качествами, чем те, которыми они обладали, будучи существами из плоти и крови. Потомки верят, что покой усопших в большей степени зависит от молитв и принесенных жертв, и тем, кто соблюдает обычаи и ритуалы, обеспечено расположение богов. Иногда духам предков приписывают возможность осуществления промыслительного попечения о людях и наказания их, если они пренебрегают выполнением своего религиозного долга. Неоднократно и в любое время года я видел, как китайцы на могилах предков пытались вопрошать умерших родственников о будущем.

Государственное поклонение духам в храме Императорских Предков совершается с величайшей торжественностью и пышностью. Эти молитвы, как и те, что обращены к Небу, может возносить лишь сам император и его главные манда-

рины.

Культ предков естественно развился в канонизацию и почитание духов великих мудрецов, героев, благодетелей рода человеческого – например, древних покровителей земледелия и шелкопрядения, выдающихся государственных деятелей, филантропов, знаменитых врачей и мучеников за правое дело. Среди множества канонизированных достойных людей, которыми полнится китайский пантеон, замечательны Гуань-ди, бог войны, сам Конфуций, «святейший учитель древних времен», Вэньчан, бог учености, Тянь-хоу – Небесная царица и другие, о ком читатель найдет кое-какую информацию в главе, содержащей мифологические очерки.

Параллельно культу предков и обожествленных смертных почитание Шэнь, или духов, которые, по мнению китайцев, заведуют различными сферами или процессами в природе. Китайцы приписывают духов-покровителей солнцу, луне и звездам, химическим элементам, сезонам, плодородной земле и колышущимся хлебам, каждому высокому холму, ручьям и рекам, облакам, дождю, ветру и грому, четырем морям и смене лет. Для них такими существами, добрыми и злыми, населено все пространство. Конфуций говорит о них так: «Как обширно влияние Гуй-Шэнь! Если ты станешь их искать, то не увидишь; если прислушаешься – не услышишь; они содержат все вещи; без них вещи не могут существовать. Когда нам велено поститься, очищаться и наряжаться, чтобы приносить им жертвы, все вещи оказываются полны ими».

Среди них выделяются божества земли и зерна, солнца, луны и звезд и Лун-ван, Царь Драконов, или китайский Нептун. Вера китайцев в существование подобных созданий напоминает о служении ангелов и духов, в котором так же слепо были убеждены древние персы, а от них многое заимствовали древние евреи в своих представлениях об ангелах.

На протяжении четырех тысяч лет своей истории китайцы ни разу не запятнали религии сочинением историй о незаконной любви, которые так обращают на себя внимание в греческой и римской мифологиях; кроме того, они никогда не делали изображений Того, Кого признавали Вседержителем. Но сущностный монотеизм их религии пострадал от постоянного затемнения его первичного смысла; и, будто единственный ее чистый элемент не был уже в достаточной степени замутнен почитанием твари, на самом деле людей со-вращала в идолопоклонство уже та ревность, из-за которой поклонение Хуан-Тянь (Пресветлому Небу) было позволено лишь императору и его двору. В настоящее время не существует четкой границы между национальными богами китайцев и божествами даосизма и буддизма; народ же часто в своих суевериях руководствуется просто репутацией, которой пользуется тот или иной идол, или же мнимой действительностью определенных церемоний.

Другую причину неопределенности их монотеизма следует видеть в материалистических спекуляциях школы конфуцианцев, расцвет которой пришелся на династию Сун

(960-1271). Эти философы, самым выдающимся из которых был Чжу-фу-цзы (Учитель Чжу), умерший в 1200 году, стремились объяснить появление Вселенной, основываясь на грубых спекуляциях «И Цзина». Конфуций говорил, что в начале всех вещей лежал Тай-Цзи, или Великий Предел, не уточняя, что он конкретно имел в виду. В этот-то Великий Предел сунские конфуцианцы и превратили личного Бога «Шу Цзина» и «Ши Цзина». Нет необходимости подробно обсуждать здесь их философские воззрения. Достаточно уже того, что эти спекуляции привели интеллигенцию к материализму или атеизму.

Несмотря на обилие противоречащих друг другу взглядов и систем, китайцы единодушны в почитании Конфуция; и, поскольку их религия представляет собой скорее совокупность церемоний, нежели стройную доктрину, мы можем получить более четкое представление о ней из поклонения, воздаваемого обожествленному философу. Службы в его честь проводятся дважды в месяц. Ему торжественно поклоняются все мандарины, гражданские и военные, в середине весны и осени каждого года. В Пекине ритуалы поклонения осуществляются под руководством самого императора, а в столице провинции – под руководством генерал-губернатора. Два дня, предшествующие церемонии, мандаринам полагается поститься. Накануне торжества чиновник, облаченный в придворный костюм, в процессии с флагами и оркестрами к храму Конфуция ведет вола и несколько овец

и свиней. Там животных стогняют к жертвеннику, на котором возжигают благовония в честь праздника. Когда мясник, стоящий перед жертвенником на коленях с ножом в руке, получает приказ подняться и заколоть жертв, их уводят на соседнюю бойню. Затем их туши, очищенные от волос и шерсти^[20], приносят в храм и раскладывают на главном жертвеннике в честь великого языческого философа в качестве искупительной жертвы, если можно так выразиться. На тот же жертвенник кладут благодарственные жертвы, состоящие из цветов, плодов и вин трех разновидностей, вместе с девятью сортами белого шелка.

На следующий день император или генерал-губернатор, который выступает в роли верховного первосвященника, отправляется в храм. Сначала ему полагается омыть руки. После этого, когда гражданские и военные чиновники района, облаченные по такому случаю в придворное платье, построятся, обратив лица к алтарю мудреца, – гражданские на восточной, а военные на западной стороне главного квадратного двора храма, – церемониймейстер возглашает: «Ин шэнь» – «Примите духа». Когда он обращается к собравшимся во второй раз со словами «Гу-ин-шэнь-со», певцы и музыканты^[21] (их должно быть семьдесят четыре) поют и играют гимн, который называется «Чжао-пин-чжи-чжан». Этот гимн состоит из семи строф, в каждой из которых восемь строчек по четыре иероглифа. Когда завершается эта часть службы, герольд возглашает «Шан-сян» – «Да поднимется

аромат». Тогда по восточной лестнице генерал-губернатор поднимается к возвышению, на котором стоит жертвенник, и становится прямо перед ним. Почти непосредственно позади него стоят тридцать шесть мальчиков в опрятной униформе, причем каждый из них держит в руке перья фазана-аргуса. Там присутствуют и четверо других мальчиков, двое из которых несут флаги, а двое других – длинные прутья или палочки. Герольд вновь возглашает «Ин шэнь» – «Примите духа», после чего его превосходительство становится на колени и совершает коутоу. Когда он поднимается на ноги, стоящий к востоку от него служитель подносит ему зажженную ароматическую свечу. Ее генерал-губернатор поднимает обеими руками над головой тем же движением, что и римско-католический священник – гостию^[22]. Теперь горящую ароматическую свечу получает служитель, стоящий слева от него, и ставит в большую курильницу на жертвеннике. Генерал-губернатор снова преклоняет колени и совершает коутоу. Затем его провожают из святилища по западной лестнице и он становится во главе чиновников, выстроившихся по сторонам квадратного двора. Как только он занимает свое место, все мандарины вместе с его превосходительством становятся на колени по сигналу церемониймейстера и совершают коутоу. Пока они совершают поклонение, хор поет в честь Конфуция гимн под названием «Чжусы». В нем столько же строф и тот же размер, что и у гимна под названием «Чжао-пин-чжи-чжан». В ходе этой церемо-

нии при выполнении различных обязанностей, возложенных на него, генерал-губернатор в сопровождении двух курьеров подходит к жертвеннику, ломящемуся под тяжестью искупительных и благодарственных жертв, не менее девяти раз и каждый раз подносит табличке или идолу некоторое количество даров. Поднося дары, он обязательно поднимает их над головой. Когда речь идет о животных, конечно, поднять их целиком невозможно, и поднимают только куски мяса. В конце церемонии, пока генерал-губернатор стоит перед алтарем, герольд перед всеми присутствующими читает письмо или молитву, обращенную к Конфуцию, переписанную каллиграфом на листе желтой бумаги. Затем ее направляют духу усопшего мудреца, бросив в священную печь. И искупительные и благодарственные жертвы в таких случаях подносят при наличии табличек с именами предков Конфуция и его учеников.

Я говорил, что мандарины в знак почтения к Конфуцию надевают свой придворный костюм. Он включает придворную шапку; шапку или шапочку китайцы надевают всегда и при ритуалах поклонения богам, и при отправлении культа предков. Обычая покрывать голову в таких случаях придерживались древние евреи, а также римляне. Вергилий не однажды упоминает его в «Энеиде», например:

Помни, когда корабли проплывут через бурное море
И на алтарь принесешь ты богам священную жертву,

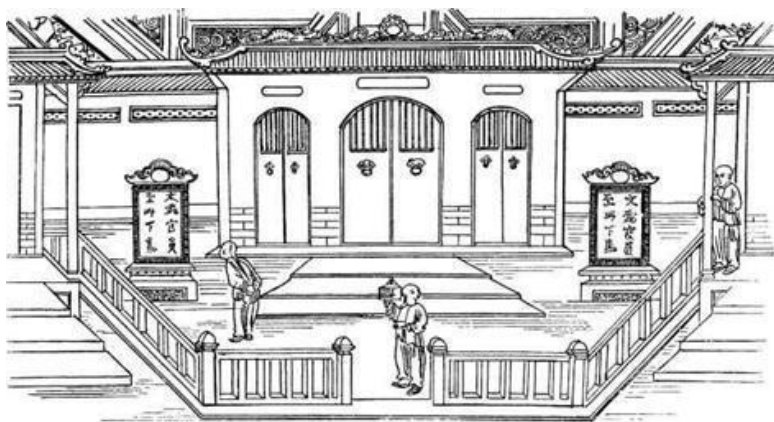
Должен не медля чело осенить покрывалом багряным,
Чтобы враждебные лица тогда не нарушили мира^{23}.

Как заметил читатель, мандарину, совершающему ритуал, полагается омыть руки, прежде чем явиться пред объектом почитания. Это обстоятельство напоминает мне об омовении, практиковавшемся в священстве левитов, которые под угрозой смерти должны были омыwać руки в медном умывальнике скинии^{24}, перед тем как приблизиться к жертвеннику Господню. Я не могу не добавить, как был поражен, выяснив, что китайцы, которые много столетий, по существу, были изолированы от остального мира, привыкли приносить искупительные жертвы. Я, конечно, осведомлен о том, что о таких жертвоприношениях часто упоминали языческие авторы и Древней Греции, и Древнего Рима; приведу слова Овидия, где, несомненно, отразились искренние чувства многих верующих:

Сердце за сердце, молю, нутро за нутро вы берите:
Этою жизнью плачу вам я за лучшую жизнь^{25}.

Однако мне не представлялась возможность присутствовать на таком жертвоприношении, пока я не приступил к исполнению своих обязанностей среди этого замечательного народа, остающегося из поколения в поколение удивительно преданным обычаям прошлого. И когда я действительно

оказался на торжественном государственном молебне, в ходе которого приносили искупительные жертвы, это живо напомнило мне о сценах, которыми изобилуют страницы Ветхого Завета. Я могу считать представление о таких церемониях жертвоприношения у китайцев лишь наследием (хотя я затрудняюсь сказать, какими путями оно передалось им, как и в случае с другими языческими народами) учения Ноя, который передал потомкам после Всемирного потопа знание о религиозных церемониях и их практику, унаследованные им от богобоязненных праотцев.

Внешний вид конфуцианского храма

Во всей империи в каждом провинциальном, областном и уездном городе существует храм, посвященный Конфуцию.

В архитектурном отношении эти храмы в точности повторяют друг друга. К каждому из них приближаются через большие ворота, состоящие из центральных и двух боковых. По обеим сторонам тройных ворот находится колонна, на которой сделана надпись, долженствующая напоминать чиновным китайцам о том, что в знак почтения они обязаны выйти из носилок, спешиться и войти пешком во внутренний двор священного здания. Войдя, посетитель обнаруживает перед собой искусственный пруд в форме полумесяца, через который перекинут аккуратный каменный мост с тремя сводами. Воде полагается быть чистой в знак чистоты мудреца и его учения. В конце внутреннего двора располагаются тройные красные ворота, через которые жрец проходит в первый прямоугольный двор. Напротив ворот, на противоположном конце этого двора, стоит жертвенник Конфуция, а над ним помещена большая красная доска, на которой имя мудреца выведено позолоченными письменами. В некоторых храмах место доски занимает идол. В моих путешествиях по Китаю я обнаруживал их неоднократно и полагаю, что это не новый обычай.

В 1856 году интеллигенция установила идол Конфуция в храме, находящемся в кантонском уезде Наньхай. Против этого многие активно протестовали, веря, что город постигнут большие бедствия, поскольку сам Конфуций идолов не терпел. Это предсказание иконоборцев исполнилось, поскольку в сентябре того же года между британскими консуль-

скими властями и наместником Минчэнем произошел конфликт, приведший к артиллерийскому обстрелу города и к войне, которая длилась три или четыре года. Во время обстрела Кантона британскими войсками один снаряд попал в пьедестал, на который была водружена фигура Конфуция, и сильно повредил его.

В непосредственной близости от этого жертвенника находятся другие, воздвигнутые в честь Мэн-цзы, Цзэн-цзы и других знаменитых авторов. Справа и слева в прямоугольном дворе находятся галереи со святилищами, и в них над жертвенниками расположены памятные таблички семидесяти двух учеников, а также таблички с именами тех, кто со времен Конфуция прославился в качестве толкователей его учения. Во втором прямоугольном дворе храма находится святилище в честь родителей и родителей родителей мудреца, которые получают свою долю почитания от тех людей, чье нравственное состояние так старался улучшить их одаренный потомок. К каждому конфуцианскому храму присоединены следующие святилища: хоу-тай-цы – зал, где расположены таблички с именами чиновников, замечательных своей верностью, и людей, прославившихся почтительностью к своим родителям и родителям их родителей; мин-вань-цы – зал, где расположены таблички с именами чиновников, оказавшихся великими благодетелями для тех областей, в которых они правили; сян-сянь-цы, или зал, в котором находятся таблички с именами местных мудрецов; и цзе-сяо-цы,

или зал, в котором находятся таблички с именами добродетельных женщин – уроженок этого района. В областном храме Конфуция в Кантоне находится зал, носящий название и-фу-цы и выстроенный Циином – известным уполномоченным китайского правительства в Кантоне. В нем находится табличка с именем некоего Хэ Юшу, весьма богатого человека, получившего в Пекине степень цзиньши. Однако табличка Хэ Юшу обрела свое нынешнее местоположение не из-за его богатства или учености, но потому, что после смерти своей жены он так и остался вдовцом, хотя умер в глубокой старости. Его жена умерла вскоре после свадьбы, когда была очень молода, как и ее муж. Я упомяну здесь случай, который может послужить примером внимания интеллигенции к тому, чтобы в зале китайских мудрецов поклонялись лишь тем, кто действительно отличался ученостью. В храмовом зале поместили табличку некоего Лу Ваньцзиня. Этот человек отличился не столько познаниями, сколько своим общественным положением: он был главой купеческой гильдии. Поэтому его табличка оскорбляла взоры местной интеллигенции. Через несколько лет ученые обратились к городским должностным лицам с просьбой убрать ее. Им отказали, и в конце концов дело было направлено в центральное правительство в Пекин, отправившее в Кантон своего представителя. Поскольку этот чиновник согласился с учеными в том, что табличка недостойна находиться в храме Конфуция, было велено ее убрать. Вокруг таблички обвязали шну-

рок и стащили ее с жертвенника, а затем выволокли за пределы храма.

Часто храмы, воздвигнутые в честь Конфуция, весьма внушительны. Примечательны храмы Конфуция в Фучжоу и в Янчжоу. В последнем мне показывали большую внутреннюю палату, содержащую множество каменных глыб, на которых, как сообщил мне служитель, были выгравированы работы Конфуция, напечатанные и изданные здесь. В Учане находится храм, замечательный тем, что он находится не внутри городских стен, как обычно, а снаружи. Жители города говорят, что внутри стен города, по мнению геомантов, не было достаточно благоприятного места для возведения храма в честь столь прославленного человека, как бессмертный мудрец Китая.

Однако намного интереснее всех прочих храмов Конфуция тот, что находится в Пекине. На синей сводчатой крыше множество резных украшений; пол покрыт ковром, изготовленным, по-моему, из верблюжьей шерсти. Во внутреннем дворе храма расположены ряды кедров, посаженных до династии Мин. Теперь им более пятисот лет. Там находятся также десять камней в форме барабанов, на каждом из которых выгравированы поэтические строфы. Эти каменные барабаны, как передают, существуют со времен императоров Яо и Шуня. Яо начал царствовать в 2357 году до Р. Х., а Шунь – в 2255 году до Р. Х. Эти камни упоминаются в классической книге, написанной немногим позже времени жизни

ни Конфуция. Из-за уважения, которым они пользуются, их всегда хранили в столицах, где жили императоры Китая. Одно время они находились в городе Синань. В этот период некоторые из них были утеряны. Однако один из пропавших камней был найден через многие годы в крестьянском дворе, в нем сделали углубление и устроили поилку для скота. Конечно, он испорчен. Когда я смотрел на камни с истертыми записями священных догматов, по преданию высеченными на них более четырех тысяч лет тому назад, это не могло не произвести впечатления. И мне вспомнились слова Священного Писания о «двух скрижалях откровения», «на которых написано было с обеих сторон»; они «были дело Божие, и письма, начертанные на скрижалях, были письма Божий» (Исх., 32: 15, 16). Обычай делать записи на камне был весьма распространенным в древнейшие времена. Например, именно на каменных скрижалях бог Тот начертал не только положения египетской теологии, но и летопись первых веков этой древнейшей страны. На Крите одно время находились очень древние каменные скрижали, на которых были высечены описания религиозных церемоний корибантов – жрецов Кибелы. В Афинах раньше была колонна, на которой был высечен так называемый закон Тезея, великого легендарного героя Аттики. По преданию, Осирис, Сесострис, Геркулес и другие герои древности также обращались к этому средству для увековечения своих деяний.

В Кантоне находится не менее трех храмов Конфуция, а

один – в уезде Наньхай, о котором я уже упоминал, другой в Паньюе и храм в области, куда входят оба этих уезда. И по архитектуре, и по размерам они одинаковы. На участке при храме в префектуре находится священная гора, на вершине которой стоит увитая зеленью беседка. В ней лежит широкая и гладкая черная мраморная плита, на которой высечено изображение «самого совершенного мудреца», а также портрет Янь-цзы – великого последователя Конфуция, – он обыкновенно занимался на этой священной горе. Беседка называется Цзю-сы, или Девять обязанностей. Она была построена на третий год правления императора Цинь-цзуна – в 1129 году.

Конфуцианские храмы иногда используют как колледжи и как залы, в которых проходят обычные государственные экзамены. В каждом храме два чиновника, их называют сюэ-гуанями, располагаются в комнатах справа и слева от главного прямоугольного двора. Все бакалавры искусств (сюцаи) того района, в котором расположен храм, находятся под руководством этих чиновников; они не могут быть арестованы без их санкции. Когда бакалавра искусств судят в суде магистрата, в присутствии обычно находятся сюэ-гуани. В каждой школе и в каждом колледже в империи есть таблички с именем Конфуция, перед которыми ежедневно совершаются моления.

Даосизм

Конфуцианство существенно проигрывает другим учениям в том отношении, что не готово удовлетворить духовные потребности или устремления, свойственные природе человека. В книгах Конфуция и в конфуцианских традициях китайцы обрели сильнейший стимул к национальному процветанию, но не получили пищи для той части сложной природы человека, которая побуждает даже самые варварские народы обращаться к той или иной религии. Поэтому бок о бок с конфуцианством процветал возникший несколько раньше даосизм. Когда эта система дала концепцию Бога и Вселенной, религиозное чувство китайцев с большей готовностью устремилось к ней. Но буддизм, пришедший из Индии позже, в I столетии христианской эры, нашел народ все еще неудовлетворенным и готовым принять его.

Хотя учение о дао философы признавали и до того, как Лао-цзы сделал его основой своей системы, он справедливо почитается основателем направления, чье наименование производно от дао. Он родился приблизительно в начале 600-х годов до н. э. и дожил до времен Конфуция, посетившего его при дворе Чжоу в годы своего активного общественного служения. Вероятно, его родители были очень бедными; согласно одному из рассказов, его отец был крестьянином, который, оставаясь холостым до семидесяти лет,

женился на сорокалетней крестьянке. Благодаря своим талантам и учености Лао-цзы занял должность при чжоуском дворе. Неизвестно, сколько лет он служил, однако ясно, что его обязанности были связаны с хранением архивов и других исторических сокровищ государства. В конечном счете, понимая, что это занятие служит помехой его увлечению философией, как и, несомненно, беспокойная и угрожающая обстановка этого времени, Лао-цзы стал искать уединения среди холмов неподалеку от своей родной деревни на восточной границе Хэнани, именно там он посвящал все свое время и силы философским изысканиям. В своем уединении он наслаждался досугом для спокойного размышления, которое даосы считают сущностно необходимым для нравственного совершенствования, и сочинил свой знаменитый труд «Дао-дэ-Цзин».

Этическое учение этой книги, возвеличивающее добродетель как высшее благо, основано на ее метафизических спекуляциях. Эта добродетель достигается при помощи спокойствия и созерцания, а также союза с дао. Слово дао означает прежде всего путь, а затем – принцип. Отсюда его значение АРХЭ, или Высшего Принципа Вселенной. Что следует понимать под этим принципом – вопрос темный, во-первых, потому, что трудно определить, можно ли истолковать дао как личного Творца, или же Лао-цзы считал его принципом, предшествовавшим личному божеству; и во-вторых, так как не совсем ясно, считал ли он дао отдельной от ми-

рождения творческой силой или же полагал, что Вселенная – это просто пантеистическая манифестация. Если, что вероятно, Лао-цзы был пантеистом, он определенно придерживался той высшей формы пантеизма, которая, смешивая до некоторой степени Вселенную с ее принципом, приписывает последнему «превосходство над массой, которую он пронизывает». Дао нематериально и вечно, а Вселенная – эманация этого трансцендентного истока – существует в молчаливом, но непрестанно действующем вездесущем дао, и все несет на себе отпечаток формообразующего разума. Венец творения – это святой мудрец, который, умерев, возвращается в лоно Вечного Разума, чтобы насладиться там бесконечным покоем, в то время как нечестивцы осуждены на то, чтобы влачить жалкое существование на земле в следующих жизнях, а умирать только затем, чтобы возродиться вновь в какой-то новой форме. По-видимому, фундаментальная идея системы Лао-цзы – это единство. Перенеся этот принцип в сферу нравственности, он определил добродетель как растворение самости во Вселенной. Он учил, что человек должен проходить по жизни так, как если бы все, чем он владеет, ему не принадлежало, и любить всех, не исключая врагов. Он настаивал на том, что ничто не может сравниться со счастьем, которым наслаждается тот, кто однажды достиг добродетельности, и что лишь такой человек может относиться с безразличием к здоровью или болезни, радости или печали, богатству или нищете.

В современном китайском даосизме трудно разглядеть метафизические спекуляции и этические доктрины этого замечательного философа. Первые скрыты грубым суеверием, место последних заступило праздное безразличие. Самого Лао-цзы, мыслителя, прошедшего жизнь в умеренности и простоте, едва можно узнать в фальшивом великолепии его обожествленного образа. Теперь он третий в троице, персонафицирующей дао, – в религиозных текстах он носит название «Шан-ди таинственного отсутствия» и почитается как «Триада чистых». Даосы утверждают, что он оставил небеса, чтобы воплотиться в чжоуском мудреце. Они рассказывают о множестве чудес, подкрепляющих это утверждение. Так, оказалось, что Лао-цзы провел в материнской утробе восемьдесят один год, а во время беременности его мать каждый день получала пищу с небес, опускавшуюся к ней в виде красного облака. Когда он родился, на голове у него были седые локоны, плавно ниспадающие вниз, а на его руках и ногах начертаны надписи. Едва родившись, он поднялся в воздух на девять шагов и возгласил, указывая левой рукой на небеса, а правой – на землю: «Небеса наверху – земля внизу, и только дао благородно».

Согласно интереснейшей статье о даосизме преподобного Джона Чалмерса, опубликованной в четвертом номере издания China Review, это учение прошло четыре стадии развития. Будучи в начале спекулятивной умозрительной системой, оно уходило все дальше и дальше за пределы ре-

альности. Представители мечтательной стадии даосизма – это Чжуан-цзы и Ле-цзы; оба они, как и следовало ожидать, крайне враждебно относились к практической школе конфуцианства. На этой стадии духу самоотречения, внушенному Лао-цзы, стали уделять меньше внимания. Даосы обратились к суетным человеческим мечтаниям и поверьям. В то время даосизм сочетался с небылицей, и духовные существа и сказочные истории стали занимать в его учении больше места, чем те доктрины, которые они первоначально были призваны иллюстрировать. Переход к авантюрной стадии был прост. О краях, где жила королева фей, или Западная царственная мать, даосы отлично знали из сочинений своих философов. К ним дошли вести и о местонахождении Восточного царственного отца (Дун-ван-гуна) – оставалось лишь осуществить эти мечты.

Модному безумию поддались даже конфуцианцы, сопровождавшие великого героя того времени, Ши Хуанди (деспота, попытавшегося уничтожить священные книги), на вершины гор и в долины, где надеялись при помощи торжественных ритуалов войти в общение с бессмертными.

Когда конфуцианцам это не удалось, «даосы разработали более обещающий план, – они предлагали доплыть до Волшебной страны по морю. Была снаряжена экспедиция, в состав которой должны были войти несколько тысяч девушек и столько же юношей; в ее главе был поставлен даосский маг Сюй Фу. Предполагалось, что такое большое количество

девственно чистых людей так очарует и обрадует бессмертных, что их обычная стеснительность будет преодолена и они охотно явятся, дабы предложить себя в союзники могущественному властелину Китая. Сюй Фу вернулся из экспедиции (конечно, если он вообще куда-то уплывал) и доложил, что он видел вдали Волшебную страну, но не смог доплыть к ее берегам из-за встречных ветров.

Однако от этого плана не отказались. Сюй Фу и другие на самом деле видели духов и разговаривали с ними. Кроме того, были известны люди, достигшие бессмертия благодаря тому, что питались определенными лекарственными растениями. Поэтому Цинь Ши Хуанди решился испытать все средства, чтобы добиться разговора с кем-нибудь из этих бессмертных и добыть себе чудесное снадобье любой ценой. Он путешествовал по стране, иногда инкогнито, а иногда – со всей подобающей его сану торжественностью, надеясь встретиться с духами. В Чифу и в других местах на побережье он обозревал океан, по всей видимости удивляясь, почему по волнам не плывет к нему на поклон Волшебная страна. Тысячи людей заставляли бросаться в море или в реки, чтобы привлечь духов. Но все было тщетным. В конце концов, через двенадцать лет жестокой тирании и бесплодных поисков духов и снадобья бессмертия, его убедили еще раз лично явиться в Чифу и поохотиться на акул, которые, как ему говорили, в действительности были некими злыми духами, которые, собственно, и не давали приблизиться к нему

добрым духам. С немалым трудом большую рыбу загнали на расстояние выстрела от лука императора; многие его стрелы попали в цель, и она издохла. Но, не успев еще вернуться домой, он заболел и умер. Еще через два года, за которые сын превзошел отца в жестокости и сумасбродстве (но не в поиске духов), окончилось существование этой Вечной Династии...

Во время следующей династии (Хань) взялись за более обнадеживающие мероприятия, чем поиск Волшебной страны в Шаньдунском заливе. Но семьдесятю годами позже пятый император династии Хань продолжил дело Ши Хуанди и точно так же позволял водить себя за нос в течение пятидесяти лет. Он оказался более самоуверенным или же более снисходительным, чем Ши Хуанди, так как даже вверился грозной пучине и провел в плаваннии более десяти дней. Море было беспокойным, и он вернулся более печальным и более мудрым человеком. В последние два года своего царствования, в старости, он горько оплакивал свою потраченную впустую жизнь».

Когда прекратилось увлечение авантюрами поисками, даосизм обратился к алхимии, стремясь обратить неблагородные металлы в золото и серебро, а также открыть эликсир бессмертия. Мы узнаем о духовном лекарстве, еде из драгоценных камней и источниках нектара, а также о вещах попроще – о киновари, аурипигменте, сере, охре, о селезенке (одном из пяти внутренних органов), о пяти элемен-

тах, о «солнечном вороне» и «лунном зайце». Метафизическая система Лао-цзы, привлекавшая людей своей этической доктриной, и союз спекулятивного и практического породили всяческие суеверия. Чтобы обойти своих соперников, буддистов, которые могли считать Шакьямуни воплощенным божеством, даосские жрецы обожествили Лао-цзы, и два этих учения соревновались, выдумывая всяческих богов для удовлетворения потребностей народа. Когда казалось, что общественное мнение свидетельствует о готовности к такому шагу, выдумывали нового бога, или обожествляли какого-нибудь героя, или персонифицировали какой-нибудь принцип, или, например, богатство, войну и долголетие.

Считается, что высочайшие слои небес – это место жительства даосской троицы, которую в канонических текстах называют «Шан-ди таинственного отсутствия» или «пустотного отсутствия». А центральный район небес считается приютом богов, чье происхождение я только что описал. Во главе божеств этого центрального региона стоят Юй-хуан и Бэй-ди, которые, в отличие от трех Шан-ди (верховных предков) таинственного отсутствия называются «Шан-ди таинственного наличия». Юй-хуану вверено управление миром, обитателей которого он наставляет и наказывает. Владыка севера Бэй-ди, в образе которого присутствуют как даосские, так и буддийские с конфуцианскими элементы, – очень популярное божество, и кое-какую информацию о нем вы найдете в главе о китайской мифологии.

Даосские жрецы весьма многочисленны. Кажется, кроме них, других убежденных приверженцев даосизма просто не существует. Их можно узнать по просторным ниспадающим одеждам и по особому способу завязывать длинные черные волосы. Они собирают и закрепляют их на макушке при помощи деревянного гребня, который своей формой поразительно напоминает черепашую спину. От них не требуется обязательного безбрачия, однако многие жрецы воздерживаются от вступления в брак и проводят дни в монастырском уединении. Самые известные даосские монастыри – это Сань-юань-гун и Ин-юань-гун-Гуань-инь-шань. Другие жрецы уходят в горы, особенно – в принадлежащие к горной цепи Лофушань, где ведут отшельническую жизнь, надеясь достигнуть положения духов по уходе из подлунного мира. В некоторых из этих монастырей я обнаружил жрецов, погруженных в изучение философских писаний Лао-цзы. Тем не менее, как правило, очень немногие из них способны понять эти тексты или эксплицировать философские постулаты, содержащиеся в них. Вместо этого они находят выход в обращении к астрологическим и алхимическим работам и заявляют, будто бы общаются с духами усопших. Им приписывают способность вызывать этих духов следующим образом: войдя в дом, где требуются его услуги, жрец спрашивает о дне, часе и годе рождения и смерти покойного, с которым он должен связаться. Затем он ставит на жертвенник миску сырого риса, две тонких свечи и одно сырое яйцо и кладет

голову на жертвенник, в то время как наниматель размахивает над его головой горящей бумагой. Когда священнослужитель прокричит или провозит час, считается, что дух явился на его призыв. Иногда эти заклинания произносят даосские жрицы. Кроме идолов Лао-цзы, Чжуан-цзы и других богов даосы почитают солнце, луну и звезды, полагая, что они управляют людскими судьбами. Всеми возможными способами они потворствуют народным суевериям и, прокрадываясь в дома людей, «особенно пленяют глупых женщин». Китайцы глубоко верят в существование привидений, и даосские жрецы пожинают богатый урожай с этой веры, поскольку их часто приглашают изгонять этих привидений из домов. Обыкновенно они ставят в таком доме жертвенник, на который помещают приношения – рис и домашнюю птицу. После того как несколько раз вознесли мольбы духу, призывая его покинуть дом, они разбивают на кусочки квадратную черепицу, на которой написаны заклинания. По-видимому, народ не сомневается в действенности этой церемонии. Поскольку китайцы верят, что если болезнь не поддается лечению, то значит, что жизненно важные органы больного терзает злой дух, они часто отказываются от помощи врача и прибегают к экзорцистской силе даосских жрецов. Едва ли можно пройти по улицам китайского города вечером, не увидев этих жрецов за работой. В жилом доме ставят жертвенник, на который возлагают приношения: свинину, домашнюю птицу и рис. Трое жрецов встают вокруг жертвенника

и возносят несколько молитв, обращенных к злобному духу, призывая его покинуть тело страдальца и удовлетворить свой неумемный аппетит, отведав свинины, домашней птицы и риса, приготовленных на жертвеннике. Молитвы произносятся нараспев и сопровождаются нестройными звуками визгливой свирели, громким барабанным боем и бряцанием тарелок. Если дух не внимает им, прибегают к более эффективному средству – запугиванию. Жрецы угрожают отправить письмо адским божествам с просьбой вернуть духа к мукам ада. Если и это не помогает, они прибегают к глотанию огня и хождению по угольям как к последним средствам.

Читатель может подумать, будто на такие нелепые поступки способен лишь человек невежественный. Но, к сожалению, их позволяют себе также образованные и богатые. Както раз, проходя по улицам Кантона, я увидел в большом особняке, двери которого были распахнуты настежь, китайского господина и его сына на коленях перед жертвенником. Жертвенник окружали распевавшие молитвы даосские жрецы. Когда господину сообщили, что в приемной ждут иностранцы, он на минуту отвлекся от религиозной церемонии, чтобы выяснить, кто мы. Это был мой знакомый, очень богатый и влиятельный китайский купец; и он рассказал мне, что заказал молебен, чтобы изгнать злого духа из тела своего больного ребенка. Я был весьма удивлен, обнаружив, что человек, проявлявший в обычных житейских делах большую проницательность и ум, позволяет так себя дурачить.

Свидетелем таких же вопиющих по сумасбродству сцен можно стать не только в жилых домах, но и в даосских храмах. Когда я посещал один такой храм, отец принес сына к жившим там священнослужителям и заявил, что ребенок одержим дьяволом. Посовещавшись с идолом, монахи сообщили, что в теле его сына не меньше пяти дьяволов, но они готовы изгнать их за определенную плату. Отец согласился. Тогда ребенка поставили перед жертвенником, а на землю у его ног положили пять яиц; даосы стали заклинать дьяволов уйти в эти яйца. Когда бесы, как предполагалось, оказались внутри яиц, главный жрец накрыл их глиняным сосудом; в ту же минуту громко протрубил рог. Когда сосуд убрали, оказалось, что яйца уже не на земле, а в сосуде. Это был ловкий трюк. Затем главный даос засучил рукава и ланцетом сделал надрез на мясистой части руки. Потекшей из раны крови дали смешаться с небольшим количеством воды в чаше. Затем храмовую печать, на которой было начертано имя идола, окунули в кровь и поставили оттиски на запястьях, шее, спине и на лбу у бедного языческого дитяти, страдавшего от приступа сильного озноба.

В некоторых языческих святилищах можно также видеть людей, которые, простершись перед идолами из дерева и камня, стремятся обрести знание об ожидающем их будущем. Предсказания, которые вымаливают таким образом, божество сообщает крайне примечательным способом. Преклонив колени перед идолом и выразив свое желание, верую-

щий подходит к жрецу, стоящему в одном из приделов храма перед столом, покрытым песком. Жрец держит кончиками пальцев длинный карандаш. Карандаш двигается по покрытому песком столу, рисуя разнообразные знаки, понятные только той даосской школе, к которой принадлежит жрец. Неподалеку от стола сидит другой священнослужитель, переводящий таинственные письма на китайский язык. Осенью 1861 года я увидел, как один весьма уважаемый китайский дворянин, мой знакомый, входит в один из даосских храмов. На вопрос о цели его визита я получил такой ответ: он собирался отправиться в путешествие в одну из западных провинций империи и намеревался спросить идола, не случится ли с ним во время пути какого-нибудь несчастья. Я последовал за ним в храм и увидел, как он опустился на колени перед идолом. Помолившись довольно долго и при этом не произнеся ни единого внятного слова, он поднялся на ноги и попросил жреца, стоящего у такого же стола, что и описанный выше, сообщить ему, каков был ответ идола. Ответ гласил, что в затеянном им путешествии он не испытает никаких бедствий и не потерпит убытков. При этом жрец, на мой взгляд, явно не мог узнать о содержании просьбы этого господина из каких-либо его слов или поступков во время пребывания в храме.

Кандидаты в даосские жрецы должны потратить пять лет на обучение. Ко времени окончания учебы их посвящают в жрецы посредством простой церемонии. Она состоит из

трехдневного поста, мытья тела в воде, ароматизированной листьями апельсинового дерева; затем следует посетить идола Тай-Шан-Лао-Цзюня или Лао-цзы с целью снискать благословение этого божества. Жрец получает официальное разрешение на выполнение обязанностей, соответствующих его сану, от мандаринов. В Кантоне их два, один живет в ямэне на улице Цай-янь-ли нового города и служит под началом префекта, а другой – в ямэне на улице под названием Чжун-хун-лань, тоже в новом городе, и служит под началом магистрата уезда Наньхай. За это разрешение вступающие в свой сан обязаны заплатить четыре доллара. Жрецами руководят аббаты, которые называются сы-сы; их очень много в каждой провинции. Аббаты, или настоятели, в свою очередь, подчинены главному настоятелю, живущему на широкую ногу в своей княжеской резиденции в горах Дракона и Тигра в провинции Цзянси. Власть этого прелата огромна, и ее признают все даосские жрецы в империи. Он, как тибетский лама, по-видимому, подчиняется только императору. По-моему, император принимает его раз в три года. Этот пост уже несколько столетий занимают только члены клана Чжан. Легковерные китайцы убеждены, будто по кончине главы аббатов его преемник избирается следующим образом. Всех мужчин клана вызывают в официальную резиденцию. Их имена гравировать на кусках свинца и кладут в большой глиняный сосуд, наполненный водой. Вокруг него выстроены жрецы, которые обращаются к трем лицам даос-

ской троицы с просьбой сделать так, чтобы кусок свинца с именем человека, на которого пал выбор богов, всплыл на поверхность воды.

Даосская штаб-квартира в провинции Гуандун располагается в горах Лофушань, где находятся многочисленные мужские и женские монастыри и скиты, построенные с большим вкусом. Эти приюты уединения от жизненных треволнений находятся среди разнообразных прелестных ландшафтов и возвышаются над самыми пленительными пейзажами. Грустно думать, что такие дивные виды так контрастируют с грубейшими суевериями, с той сетью лжи, которая служит для того, чтобы ловить неискушенные души. Монастыри, усеявшие эти холмы, должны быть прибежищем верующих, а не тех, кто, не ведая о триедином Господе, следует наставлениям основателя своей секты, смешанным со вздором позднейших преданий, и являет собой один из самых печальных в мире примеров слепых, ведомых слепым.

Вероятно, не будет неуместным сказать несколько слов о даосских женских монастырях. В отличие от буддийских монахинь (о которых я расскажу позже) даосские монахини не бреют голову, а завязывают волосы на макушке, как и жрецы. В Кантоне и его окрестностях находится много женских монастырей, причем в некоторых из них живет немного монахинь. В Цюлун-чжэне, неподалеку от уездного города Уси Сянь, я посетил прославленный даосский женский монастырь и был представлен нескольким его обитательни-

цам, причем некоторые оказались очень привлекательными. В отличие от буддийских монахинь они бинтуют ноги. Этот монастырь, по-видимому, некогда славился красотой своих обитательниц; рассказывают, что, когда император Цяньлун останавливался вблизи него, путешествуя по северным и центральным частям своего царства, он влюбился в одну из монахинь и забрал ее к себе в гарем. Богатый дворянин из клана Гу, последовавший примеру императора, преуспел, как говорят, сделав самый счастливый выбор: его сын стал кандидатом на степень ханьлиня в Пекине и занял на экзаменах первое место. Позже я слышал, что у этих *reli-gieuses* дурная репутация; и, хотя я совсем не расположен прислушиваться к порочащим историям о монахинях, к какой бы вере они ни принадлежали, в данном случае я склонен поверить этому.

В 1871 году в Кантоне был временно закрыт даосский женский монастырь при необычных обстоятельствах. Несколько рабочих из округа Паньтан-ли в западном предместье, где находилась обитель, получили отказ, обратившись к монахиням с просьбой сделать пожертвования в фонд Драконьего праздника. Придя в бешенство, ремесленники обвинили жительниц монастыря в глубоко безнравственном поведении и обратились к старейшинам уезда с просьбой разрешить закрыть обитель, заявив, что это просто притон. Их просьбу удовлетворили, и несколько человек, вооруженных палками и камнями, проломили двери мона-

стыря и выгнали бедных женщин из их келий. Однако через несколько дней, уплатив обидчикам несколько серебряных монет, монахини получили разрешение вернуться в свое разоренное жилище.

Даосские монахини довольно часто подвергают себя суровым лишениям. Когда я посещал Пекин, то видел даоску, сидевшую в кирпичной башне, – она решила остаться там в уединении, пока не соберет достаточно денег, чтобы восстановить храм во внутреннем дворе, где она находилась в добровольном заточении. В башне было проделано маленькое отверстие, через которое она получала еду и видела всех, кто проходил мимо. Когда приближались прохожие, она привлекала их внимание при помощи длинной веревки, привязанной к языку колокола, который висел посередине ворот. Насколько я знаю, она просила подаяния на протяжении трех недель.

Буддизм

Перейдем к рассмотрению религии Будды, которая проникла из Индии в Китай в I столетии христианской эры. Уже в 250 году до н. э. буддийские миссионеры начали подвизаться в Китае, и во 2 году до Р. Х. несколько священных для них книг были представлены китайскому императору послом тохарских татар. Но об укоренении буддизма в империи можно говорить только после его официального признания и внед-

рения Мин-ди императором династии Хань. Китайская история сообщает, что в 61 году от Рождества нашего Господа этот император увидел во сне образ чужеземного бога, входящего в его дворец. Потрясенный видением и величием образа, Мин-ди посоветовался со своим младшим братом, известным покровителем даосов, и тот убедил его, что сон был сверхъестественным знаком принять религию Будды, поэтому в Индию отправили послов, которые вернулись с идолом этого бога и с несколькими буддийскими жрецами.

Даосы заимствовали из буддизма доктрину троичности ипостасей и многообразие ритуалов и церемоний. Они также всегда объединялись с буддистами против конфуцианства, потворствуя народным суевериям. Некоторые утверждают, что в Индию было отправлено пешее посольство в результате приписываемого Конфуцию пророческого высказывания о том, что самый святой мудрец будет найден на западе. Не может быть сомнений в том, что многие азиатские народы предчувствовали приход Мессии; но так и не было достоверно установлено, было ли этого предощущение у китайцев. Уже замечали, что нет ничего невероятного в предположении, согласно которому идол, приснившийся императору Мин-ди, был известной статуей Будды, – история говорит, что она была захвачена китайскими войсками в ходе операций в Средней Азии и привезена вместе с другими трофеями к китайскому двору в 121 году до Р. Х.

По прибытии к императорскому двору индийские жрецы

были приняты очень благосклонно и получили поручение безотлагательно взяться за работу по распространению своей религии. Труды этих языческих миссионеров и тех, кто явился после них, были настолько успешны, что в недолгом времени буддийские храмы были воздвигнуты почти по всей империи.

Долгое время после того, как буддизм прочно укоренился в Китае, его распространение шло крайне неустойчиво. Некоторые императоры были склонны считать его иностранным новшеством. Подстрекаемые конфуцианцами, они несколько раз подвергали приверженцев буддизма суровым гонениям. К концу XIII столетия согласно переписи буддийских храмов и монастырей в Китае, предпринятой по императорскому приказу, насчитывалось первых 42 318, а последних – 213 148. По-видимому, это мощное суеверие знавало лучшие времена. В настоящее время буддийская религия явно не пользуется особой популярностью и кажется, что (особенно в некоторых частях империи) она ослабла под влиянием иконоборческих тенденций Тайпинского восстания.

Разные авторы высказывали всевозможные предположения в отношении основателя буддизма. Некоторые отождествляли Будду с Ноем, другие – с Моисеем. Немало исследователей утверждали, что это не кто иной, как тридцать пятый правитель Египта Сифоас. Индуисты считают его девятым воплощением Вишну. Согласно версии, которая ныне является общепринятой среди европейских ученых, Шакья-

муни Гаутама Будда был религиозным реформатором, жившим во второй половине VII – первой половине VI века до н. э. Полагают, что он умер в 543 году до н. э., а родился в Капилавасту, на границе с Непалом, и, по преданию, происходил из царского рода. Согласно буддийской традиции горький опыт полигамии побудил принца Гаутаму отказаться от предназначенного ему будущего и искать в уединении пустыни и в суровой аскезе душевный мир, которого он не смог обрести дома. За этим скрывалось глубокое осознание горестей, которым подвержен человеческий род. Когда он размышлял о них, жизнь лишилась для него смысла и ценности. Он доказывал, что для избавления от горестей человек фактически должен избавиться от самого своего существования. Свой рай он помещал в нирване: согласно некоторым толкованиям, это означает «полное угасание души в момент смерти», согласно другим – более или менее бессознательное состояние. Для достижения нирваны или покоя необходимо не только изжить греховные склонности, – следует достичь и угасания жизненных желаний. Эти умозаключения черпали силу из доктрины метемпсихоза, или переселения душ, которой тогда придерживались все классы индийского общества. Отвергнув брахманизм и презрев учение о Вседержителе, Будда все же сохранил в модифицированной форме^[26] эту черту старинной религии; и что бы мы конкретно ни понимали под нирваной, это понятие подразумевает прекращение непрерывности беспокойного и горест-

ного существования в жизнях, сменяющих друг друга. Он учил, что в этом греховном состоянии, называемом Тришной – жадой или Упаданой – схватыванием, жизнь должна воспроизводиться на протяжении бесчисленных рождений, причем большая или меньшая мучительность каждой жизни в точности определяется кармой, или заслугами умершего существа.

«Эта доктрина странствия души по разным сферам природы, – замечает преподобный Э. Дж. Айтель во второй из своих «Трех лекций по буддизму», – могущественное оружие в руках красноречивого проповедника. Для нас, потомков западных народов, нет ничего столь уж пугающего в представлении о переселении душ. Для многих в нем может найтись и нечто привлекательное. Ведь для нас жизнь – величайшее благо, и мы ненавидим смерть. Поэтому многие пошли бы на тысячу смертей, чтобы прожить тысячу жизней, не беспокоясь особенно о том, какими будут эти жизни, – ведь жизнь драгоценна для нас сама по себе. Но совсем по-другому дело обстоит с детьми народов, живущих в жарком климате, с ленивым праздным индусом и вялым китайцем. Для него жизнь сама по себе не обладает никаким особенным очарованием. Он считает благословением смерть, если после нее он сможет отдохнуть».

Однако фундаментальный моральный принцип буддизма гласит, что для грешников покоя не будет. Тяжесть вины опускает грешника вниз по шкале существования, где выс-

шая точка – горние небеса, а низшая – самый глубокий ад. Его осуждают на пытку в одной из адских сфер, а после того как он подвергся мучениям, выпускают, и только затем, чтобы он возродился в образе выючного животного, или грязной дворняги, или нищего. Покуда душа, пробужденная к высшей жизни посредством постижения буддийского учения, не вступила на «благородный путь» и после бесчисленных рождений не была отлучена от привязанности к обусловленным временем и восприятием вещам, она не сможет достичь тихой гавани.

Как только Будда счел, что он разрешил проблему спасения, то стал странствующим проповедником и преуспевал повсюду, обращая людей в свою веру с помощью красноречия. Одним из главных источников его власти над народом было представление о том, что он был рахатом^[27] в течение мириад лет, до того как стать Буддой (то есть достиг высшей стадии совершенства, дававшей ему право на вход в нирвану), но по своей воле вверг себя обратно в поток жизни и переносил его невзгоды в течение бесчисленных рождений, чтобы стать избавителем человеческого рода. Проповедуя абсолютную тщету всех мирских благ, он учил своих последователей вести жизнь в добровольной бедности и безбрачии, настаивал, чтобы они строго придерживались вегетарианской диеты, сурово осуждал забой скота и вообще убийство всех живых существ. На этом основании Будда энергично выступал против войн.

Как и умозрительная система, созданная Лао-цзы, буддизм быстро превратился в идолопоклонство, в сени которого расцвели всевозможные суеверия; и центральный объект этого идолопоклонства – основатель религии. Будда, почитаемый китайцами, изображается в виде триединого божества, три лица которого известны в народе как Будда прошлого, Будда Настоящего и Будда Будущего. Будда Прошлого (сам Шакьямуни) обозначает состояние нирваны, в котором душа, рассматриваемая по отделении от тела как пылающая летучая частица, воссоединяется с сущностью небес и пребывает в трансе, который буддисты считают высшим блаженством. Однако китайцев учат, что в это состояние не может войти ни одна душа, которая прежде не испытала состояние Будды Настоящего. Эта ипостась буддийской троицы отвечает за наставления молящимся и помощь в их спасении. Но лишь те, кто достиг высшего состояния сознания, могут понять и оценить благородную мудрость второго лица буддийской троицы. Как только адепт полностью исполняет свой долг, он оказывается в состоянии Будды Прошлого, в котором душа, как полагают, воссоединяется с сущностью небес. Будду Будущего называют так, поскольку он – признанный преемник Будды Настоящего, чье место, как только он становится Буддой Прошлого, всегда заполняется бывшим Буддой Будущего. Будда Будущего – это, так сказать, одновременно слуга Будды Настоящего и грядущий мессия буддизма. Считается, что он полнее вникнет в нужды и потребности

людей. Полагают, что он вожатый и защитник рода человеческого на пути к той степени мудрости и святого отречения от обусловленных временем и восприятием вещей, которая необходима для того, чтобы получить возможность перейти в нирвану.

Поскольку Будда Будущего таким образом оказывается связующим звеном между греховным человеком и Буддой Настоящего, к нему, как правило, обращаются чаще, чем к последнему. Однако тропа, ведущая к высшей святости и блаженству Будды Прошлого, нелегка, и только наделенные исключительной мудростью и способностью к самоотречению могут надеяться на успех. Большинство адептов стремятся посредством куда менее строгого почитания Амитабхи обрести рай в «чистой стране западных небес». Это нирвана обычных людей. Но в этой стране радостей они не обретают вечного счастья; они счастливо живут там в течение веков, тысячелетий и миллионов лет.

Некоторые адепты, более ревностные или уверенные в своих силах, удаляются в горы и пустыни, чтобы обрести святость, которая помогла бы им раствориться в Будде Прошлого. В холмах Ляньхуа-Шань неподалеку от Хумэньских фортов я нашел жреца, который с этой целью поселился в пещере. Оказалось, что он думал, что ему, по всей вероятности, придется пройти через различные существования, прежде чем он достигнет цели, к которой стремится. Конечно, мне стало грустно, что целью усердия этого обманутого сатаной

адепта не был Бог, который во время своей земной жизни, явленный во плоти, обратился ко всем кающимся грешным душам со словами: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мат., 11: 28). Другие адепты запираются в монастырских кельях и годами отказываются общаться со своими собратьями. За это время волосы и ногти у них отрастают до чудовищной длины. В 1865 году я видел жреца, который в своей келье в течение года ни разу не ложился. Он томился в ней скорее как дикий зверь, чем как человек, и ему подавали еду через люк. Многие адепты буддизма стремятся смирять плоть при помощи мучительных испытаний, которым подвергают свое тело. Я помню, как встретил группу жрецов, один из которых, засучив рукав куртки и открыв руку, лишенную кисти, просил подаяния; он уверил меня, что он медленно сжигал свою руку, пока не осталась культя, во-первых, в искупление своих грехов и, во-вторых, для того, чтобы свершить подвиг, который мог способствовать его переходу когда-нибудь в будущем в состояние Будды Прошлого. В Пекине, посещая буддийский монастырь, я видел жреца, который на несколько суток затворился в большом паланкине, сплошь утыканном острыми длинными гвоздями. Гвозди совершенно не давали ему двигаться. Он сообщил мне и другим людям, стоявшим вокруг его искупительного ложа, что от его страданий гвозди получали небесную добродетель и что он собирался продавать их за несколько монет в качестве талисманов. Он заверил нас,

что собирается оставаться в паланкине, пока не продаст каждый гвоздь. В Тяньцзине я видел жреца, который пропустил сквозь щеки острое веретено, к концу которого была прикреплена цепь. Какие-то маленькие мальчики поддерживали ее, чтобы облегчить вес. Конечно, предполагалось, что они совершают весьма добродетельный поступок. Иногда адепты совершают покаянные паломничества к отдаленным святыням, проходя пешком сотни миль. Замечательно, что буддисты подвергают себя таким самоистязаниям, хотя Будда как-то раз прочел самую впечатляющую проповедь, направленную против подобных безрассудств. Кажется, тем не менее, что они лишь следуют свойственному людям влечению наделять вымышленных богов жестокостью.

Языческие религии в большой степени состоят из так называемых протестных ритуалов. В членовредительстве, практикуемом буддистами, чувствуется то же стремление, что побуждало жрецов Ваала резать себя ножами.

«В согласии с выводом, который следует из всего этого, – говорит доктор Доран, рассуждая на данную тему, – мы обнаруживаем, что Тацит заявляет (*Historiarum*, 1, 4): «Non esse curae Deis securitatem nostram, esse ultionem»^[28]. Действительно, древние язычники нередко верили, что боги ревнуют к человеческому счастью».

Многие из этих адептов вступают в орден нищенствующих монахов и побираются от дома к дому, стремясь тем самым искупить грехи и избавиться от их последствий. Немало

членов ордена странствует по обширным территориям страны, чтобы собирать пожертвования на реставрацию обветшалых монастырей. Эта нищенствующая братия останавливается на ночлег в монастырях; в отсутствие этих пристанищ они ищут ночлега в чужих домах, никогда не забывая внушить хозяевам, что прием странствующего монаха – добрый поступок и в другой жизни им за это воздастся. Нищенствующие монахи обыкновенно путешествуют компаниями по трое; при этом двое бьют в маленькие гонги, оповещая о своем приближении, а третий несет на подставке небольшой идол Будды, чтобы побудить встречающих жертвовать на нужды восстановления монастырей. На шумных улицах Кантона я как-то раз видел китайского сапожника, который выталкивал из своей лавки трех таких незваных гостей, обратившихся к нему за подаванием. Монахи явно решили, что этот последователь святого Криспина – безбожник, которого в следующей жизни ожидают самые суровые наказания.

На севере Китая монахи путешествуют по стране не компаниями, а в одиночку. Они ведут себя крайне ханжески. В некоторых случаях монах останавливается для молитвы каждые пятьдесят шагов. Некоторые из них никогда не поднимают глаз от земли. В Чжили можно видеть, как они стоят вдоль больших дорог на небольшом расстоянии друг от друга; у каждого есть гонг, в который он звонит при приближении путника. Они побуждают давать им милостыню, обещая молиться за жертвователя. Когда я проходил мимо них, они

неизменно обещали, что, если я дам им милостыню, они станут молиться о дожде – тогда в Чжили как раз была засуха.

Подавляющее большинство монахов живет в монастырях, в каждом из которых находятся колоссальные изображения буддийской троицы, перед которыми молятся монахи утром и вечером. Как и языческие молитвы во времени нашего Господа, это лишь праздное «многословие»^[29]. Действительно, язык, на котором написаны тексты церковных служб, названный в честь места, где родился Будда, непонятен не только простым китайцам, но и самим жрецам. Пение молитв иногда сопровождается музыкой флейт или дудочек и китайского кларнета. Все буддийские храмы, а также монастыри имеют при себе учебные заведения, и обычно некоторые молодые послушники под руководством старших монахов занимаются там изучением священных текстов своей религии. По окончании курса обучения молодых людей представляют для посвящения в монахи. Во время этой церемонии они обязаны читать молитвы. Они также должны дать определенные обеты – обычно их девять. В монастырях провинции Цзянси монахи, как правило, дают двенадцать обетов, а в монастырях в Сучжоу и Ханчжоу есть монахи, давшие сто восемь обетов. Чтобы они всегда в полной мере помнили о данных ими обетах, как правило, к руке прикасаются раскаленным докрасна острым железным прутом столько раз, сколько было принесено обетов. У некоторых монахов эти знаки запечатлевают на лбу. Обычай ставить отметины на лбу боль-

ше распространен в провинции Цзянси, чем далее к югу.

При посвящении монахи приносят следующие девять обетов: не убивать, не красть, не прелюбодействовать; не злословить, не браниться, не лгать; не предаваться зависти, ненависти и безрассудству. Когда монах принимает двенадцать обетов, в дополнение к вышеперечисленным он обещает не давать воли гневу, не поддаваться святотатственным мыслям, не слушать нечестивых разговоров. Хотя многие из них с детства воспитываются в монастырях, людям пожилого возраста, которые желают спастись от мирских забот, тоже нередко позволяют принимать монашеский сан. Поскольку все буддийские монахи дают обет безбрачия, им приходится развестись, если они женаты. Если же монашеская жизнь покажется им утомительной, они вольны сложить монашеский сан и отказаться от всех связанных с ним обязательств.

Монахи редко доживают до глубокой старости. По-моему, это в большей степени объясняется тем, что все они курят опиум. Кроме того, праздная жизнь, вероятно, тоже приводит к сокращению их дней, поскольку ничто не благоприятствует долголетию в такой степени, как приятные занятия и энергичные тренировки на свежем воздухе. Однако у каждого правила есть исключения, и иногда в буддийских монастырях мне встречались очень старые люди. Самый почтенный из всех встреченных мной бонз проживал в монастыре неподалеку от Гу-бэй-коу. Ему было восемьдесят пять лет, и восемьдесят из них он провел там, придя в него пятилетним

в качестве послушника.

Каждым монастырем руководит настоятель, который занимает эту должность в течение трех лет. Старшие монахи собираются на совет за день до выборов и называют две кандидатуры. На следующий день старшие монахи голосованием выбирают одного из них. Затем назначают день для посвящения избранного в настоятели. Его празднуют не только монахи, но и уважаемые люди уезда. В 1861 году я посетил посвящение в настоятели в известном храме в Хэнане, и, поскольку церемония была назначена на половину второго ночи, в храм было необходимо прийти до того, как закроются ворота накануне вечером. Явившись в храм, я осведомился, разрешат ли мне провести там ночь. Монахи – все мои хорошие знакомые – сердечно приняли меня и сразу проводили к помещению, где находился настоятель. Тот велел отвести для меня особую комнату. Через некоторое время я вернулся в приемную нового настоятеля, где он ужинал с несколькими избранными друзьями. Меня пригласили к трапезе. Угощение состояло из жареной свинины, вареной курицы, рыбы, риса и овощей. Поскольку монахи, по учению Будды, должны питаться лишь растительной пищей, я пришел к выводу, что настоятель виновен в нарушении монастырского устава и в прямом оскорблении религии, установлениям которой он был обязан следовать. Когда ужин окончился, настоятель вместе со своим двоюродным братом, бывшим в числе гостей, улегся на кушетку для курения опиума, находившуюся

юся в том же помещении, и выкурил четыре или пять трубок этого отвратительного снадобья. Каждый раз трубку набивал и подносил настоятелю его двоюродный брат. Затем настоятель и большинство гостей, поскольку было уже десять часов, разошлись по своим комнатам. После недолгого разговора с двоюродным братом настоятеля, сообщившего мне, что ему принадлежат пассажирские лодки, курсирующие между Гонконгом и Макао, я также ушел к себе. О мне не могло быть и речи, поскольку послушники, в качестве сторожей патрулировавшие ночью монастырские дворы, не давали мне сомкнуть глаз — они переходили из двора во двор и заунывно однообразно читали молитвы, прося Будду даровать сладкий отдых святым отцам. В два часа ночи меня позвали, чтобы я мог присутствовать на церемонии посвящения. Войдя в приемную настоятеля, я обнаружил, что в ней теснились монахи в полном облачении. Когда настоятель и монахи обменялись дружескими приветствиями и выражениями взаимной привязанности, составила процессия, которая должна была сопровождать его к главному святилищу монастыря, где содержались огромные идола трех Будд. Во главе процессии шли несколько музыкантов в пурпурных одеяниях с золотой отделкой и несли кларнеты, флейты, гонги и тарелки. Поскольку утро было очень пасмурным, монастырские коридоры, по которым должна была пройти процессия, были освещены несколькими китайскими фонарями с тонкими узорами. Непосредственно за музыкантами шли

два монаха, один из которых нес маленький поднос, полный душистых цветов, а другой – сборник буддийских литургических текстов. За ними следом шел настоятель в лиловом облачении. Далее следовали два монаха, один из которых нес жезл настоятеля, а второй – его посох. Затем по двое шли монахи, числом более сотни. Когда настоятель подошел к идолам, он нараспев прочел посвятельную молитву из литургического сборника, положенного на жертвенник тем монахом, что нес его. По окончании молитвы настоятель совершил коутоу перед тремя Буддами под треск фейерверков и нестройные звуки барабанов и тарелок. Затем его проводили к многочисленным святилищам, находившимся в пределах данного монастыря, и перед каждым из них была совершена сходная церемония – различия были только в читавшихся молитвах. После того как процессия посетила все святилища, она вернулась в том же порядке в тронный зал, где настоятель распростерся у ног идола настоятеля, который несколько столетий назад основал этот монастырь. Поднявшись на ноги, он прошел к трону, установленному на высоком помосте. Несколько раз преклонив колени, он взошел на помост. В этот момент из толпы, стоявшей вокруг в торжественном молчании, вышел монах и совершил перед троном коутоу. Приняв этот знак внимания, настоятель занял свое место, а прислужники закинули полы его одеяния за низкую спинку кресла. После того как он сделал некоторые заявления относительно имущества и обязался усердно исполнять

новые обязанности, ему передали хлыст из конского волоса, которым он изящным движением обмахнулся. Это действие символизировало желание удалить от себя всякую скверну. Затем настоятеля снабдили жезлом и посохом, стоявшими по обе стороны трона на специальных подставках. Потом он поднялся с трона и встал перед ним, а все присутствовавшие монахи совершили перед ним коутоу. Возвратившись в приемную, он получил от монахов поздравления. Последним представился молодой монах, которому настоятель прочел нравоучение, и юноша в знак благодарности и почтения пал ниц к его ногам.

Когда монахи удалились в свои кельи, настоятель с прислужниками, несшими фонари, поспешил также засвидетельствовать каждому свое почтение – и эта церемония кончилась, лишь когда солнце продвинулось довольно далеко на своем ежедневном пути.

В десять часов храм был переполнен монахами из разных монастырей Кантона и его окрестностей. Они были приняты и представлены вновь избранному церемониймейстером. Когда они попытались совершить коутоу, настоятель их прервал, стремясь запечатлеть в сознании каждого свое желание обойтись без излишних церемоний. Однако нескольким мандаринам, явившимся в придворных платьях, было позволено совершить коутоу. Мне не могло не прийти в голову, что этой идолопоклоннической религии присуще жреческое высокомерие. В полдень в монастырской трапезной был

дан обед, на котором присутствовало свыше двухсот монахов. Настоятель торжественно восседал за столом, расположенным на возвышении. Вокруг него стояли двенадцать монахов и прислуживали настоятелю. Оркестры провожали его к пиршественному залу, процессия вызывала всеобщий интерес, и монастырские дворы были переполнены.

Обязанности настоятеля состоят в основном в получении и трате монастырских доходов, которые идут от пожертвований земель и домов; в присмотре за должным отправлением храмовых служб; в заботе о нравственности подчиненных ему монахов и в изложении буддийского учения в присутствии собравшейся братии. В наши дни последняя обязанность если не полностью забыта, то по большей части находится в небрежении, поскольку настоятели различных монастырей, кажется, считают, что полностью разделились со своей функцией публичных проповедников, прочитав вслух в присутствии монахов Книгу Устава, – эту церемонию принято проводить в первый и пятнадцатый день каждого месяца.

Монахами становятся люди из всех слоев общества и подавляющее большинство – из низших сословий. Действительно, очень мало кому из представителей обеспеченных классов вообще приходит в голову отказаться от домашнего уюта для мрачности и уединения буддийского монастыря. Бедные родители нередко стремятся отдать болезненных детей в монастырь, чтобы там их воспитали для священства и

они могли бы без усилий получать кров и пищу. Тем не менее существует закон, запрещающий становиться монахами всем мужчинам семьи. Если в семье только два сына, стать монахом разрешается лишь младшему.

Хотя в Китае распространено образование, на молодых кандидатов в буддийские священнослужители не тратят больших трудов. Это объясняет невысокое умственное развитие монашества в целом. Большинству прискорбным образом не хватает ревностности при выполнении религиозных обрядов. Несомненно, это одна из главных причин того, что буддизм лишился власти над умами, которой он обладал в Средние века, когда энтузиазм императоров и народная любовь соединились, сделав его основной религией всей страны. К этой причине очевидного упадка буддизма в Китае можно добавить еще более насущную, а именно то, что священнослужители в целом – вовсе не образцовое сословие. Среди людей, исповедующих любую религию, есть, конечно, и хорошие, и дурные, однако в христианских странах священнослужитель, нарушающий свой долг, – исключение из общего правила. В языческом Китае, и сейчас я говорю не только о буддизме, большинство монахов печально известны своими нарушениями монастырского устава и крайним пренебрежением к исповедуемым ими нормам и морали, связывающей их. Почти в каждой келье есть кушетка для курения опиума, на которой можно видеть ее обладателя в монашеском одеянии, распростершегося во весь рост и наслаждаю-

щегося этим ядовитым снадобьем. Бывший настоятель храма в кантонском предместье Хэнань (Хэнам) по имени Ци Кан горько жаловался мне на испорченность современных монахов и приписывал ее системе, позволяющей становиться священнослужителями в зрелые годы и, как часто бывает, для того, чтобы спастись от грозящего им правосудия, — иногда буддийские храмы оказываются убежищем для правонарушителей. Настоятель добавил, что самыми лучшими бывают монахи, воспитанные в монастырях с детства; хотя и они, сказал он со вздохом, в некоторых случаях, к несчастью, следуют примеру людей, ставших священнослужителями в зрелом возрасте. В монастыре, которым он формально руководил, я однажды видел человека, вступившего в орден, рассчитывая спастись от правосудия. Он принял сторону повстанцев, наводнивших Гуандун в 1854-м и 1855 годах, и подлежал высшей мере наказания. Поскольку у него была кое-какая собственность, его приняли в монастырь без затруднений, причем все средства отошли монастырю. В таких обстоятельствах монахи всегда готовы поручиться за будущее добропорядочное поведение своего нового собрата. В монастыре неподалеку от областного города Чжаоцин я обнаружил монаха, который ранее был не только мятежником, но и собственником нескольких домов, где находилось не менее двухсот женщин. В одном из монастырей в горах Белых Облаков мне довелось видеть монаха, который принес обеты, чтобы спастись от наказания за убийство человека в

пьяной ссоре. В Кантоне в 1864 году некоего буддийского монаха с его наложницей прогнали по улицам города, избивая плетями. В 1869 году в том же городе на шумело дело монаха с гор Белых Облаков, которого связали по рукам и ногам в доме терпимости, отобрав одежду и деньги. В 1861 году совершил жестокое убийство молодой монах, подвизавшийся в маленьком кантонском храме Хуэйфу-сы, которого воспитывали с раннего детства в соседнем монастыре, готовя к принятию сана. В храм явился сборщик податей за налогом с принадлежащих монастырю рисовых полей. Поскольку он прошел длинный путь и очень устал в дороге, ему пришлось провести ночь в храме. Молодой монах был завзятым игроком; обнаружив, что сборщик податей имел при себе большую сумму денег, он решил, во что бы то ни было завладеть ею. И вот глухой ночью монах пробрался в помещение, где лежал сборщик податей, и вонзил ему нож в сердце. Обшарив карманы жертвы, он разрезал мертвое тело на куски, чтобы легче было перенести его в укромное место, и поместил останки в ящик. Той и следующей ночью монах и его слуга, который за долю краденого согласился стать *particeps criminis*^[30], отнесли ящик к берегам Жемчужной реки и сбросили в воду. В конечном счете слуга выдал своего хозяина, которого вскоре арестовали. Я часто посещал этого несчастного монаха. Вместе с несколькими другими узниками он был заключен в большом тюремном помещении; там не было нар, и ему приходилось спать на сырой земле. Вско-

ре у него внезапно начался небольшой тифозный жар, что спасло его от позорной смерти.

Конечно, очень редко случается так, что буддийские монахи совершают подобные преступления. Однако факт есть факт: многие из них находятся на той опасной границе беззаботной и безнравственной жизни, с которой человек легко падает в пучину преступлений.

Одна из обязанностей настоятеля – контроль над нравственностью монахов; в каждом монастыре существует трибунал, перед которым иногда предстают монахи за нарушения устава: за пьянство, грубую ругань, блуд, воровство и т. п. Наказание – порка, которую добровольно и истово обрушивает на обнаженную спину нарушителя один из послушников. Священнослужителя, подвергшегося такому наказанию, в дальнейшем понижают в чине, заставляя просить подаяние от храма к храму. В городе Кантоне монахи, представшие перед судом настоятеля и выпоротые за любое из этих нарушений устава, должны проводить тридцать дней каждого календарного месяца в году следующим образом: пять дней в монастыре Хэнань; пять в монастыре Цветущего леса, пять – в монастыре Великого Будды, пять – в храме Долголетия и еще пять – в монастыре Спящего Будды. Этим разжалованным монахам отводят наихудшие комнаты в храме; им выдают мало риса, к тому же худшего сорта. Рукa, выдающая им все необходимое для жизни, так скупа, что нередко муки голода побуждают провинившихся пересекать

улицы с сумками на спинах и ходить из дома в дом, прося подаяние. Я помню, как встретил юного монаха, которого в монастыре Хэнань побили палками по пяткам и понизили в чине за то, что он украл некоторые предметы одеяния своего собрата. Я знал его несколько лет. Когда увидел его впервые, ему было не больше десяти. Как бы то ни было, когда он стал совершеннолетним, обнаружилось, что он предается курению опиума и азартным играм, а чтобы достать на это деньги, вынужден воровать. Его наставник, неисправимый курильщик опиума, воспитал своего ученика в пороке и как-то раз попросил меня сделать молодому человеку выговор, притворяясь, что все еще принимает в нем участие, и был одновременно удивлен и раздосадован, когда я сообщил ему, что, по моему мнению, безнравственность, которой он так хотел воспрепятствовать, впервые зародилась в юноше именно тогда, когда он находился на попечении своего наставника.

Я мог бы сослаться на многие другие примеры развращенности буддийского духовенства, привлечшие мое внимание во время долгого пребывания в Китае, но и приведенных достаточно, чтобы показать, что мое мнение о невысокой нравственности буддийских монахов не преувеличено. Как кажется, они обычно не доживают до преклонных лет, а те из них, кто достиг пятидесяти, производят впечатление людей совсем немощных и дряхлых.

Тела умерших буддийских монахов принято сжигать, и

церемония кремации неизменно проводится через двенадцать часов после смерти. Одним мартовским днем 1856 года я оказался свидетелем кремации в монастыре Хэнань. Когда я вошел во внутренние ворота, мое внимание было привлечено к помещению, в дверях которого толпилось порядочно монахов во власяницах, с белыми повязками на голове. Приблизившись к ним, я узнал, что монахи готовились сопровождать бранные останки усопшего собрата к погребальному костру.

Тело умершего в рясе, с молитвенно сложенными руками, было помещено в бамбуковое кресло в сидячей позе, к погребальному костру его несло белое духовенство. На церемонии присутствовали все монахи; построившись попарно, они шествовали за останками усопшего брата. По мере продвижения длинной процессии стены монастыря оглашались пением молитв и бряцанием тарелок. Когда носильщики подошли к погребальному костру, они поставили на него кресло с телом усопшего, и затем старший монах поджег хворост. Когда оно было охвачено пламенем, плакальщики распростерлись на земле, выказывая почтение к праху того, с кем ранее вместе возносили молитвы и хвалы. Когда костер догорел, служители собрали обуглившиеся кости и поместили их в погребальную урну, которую затем поставили в маленьком святилище на территории монастыря. Погребальные урны остаются в этом святилище до девятого дня девятого месяца, затем прах высыпают в мешки из красной материи, ко-

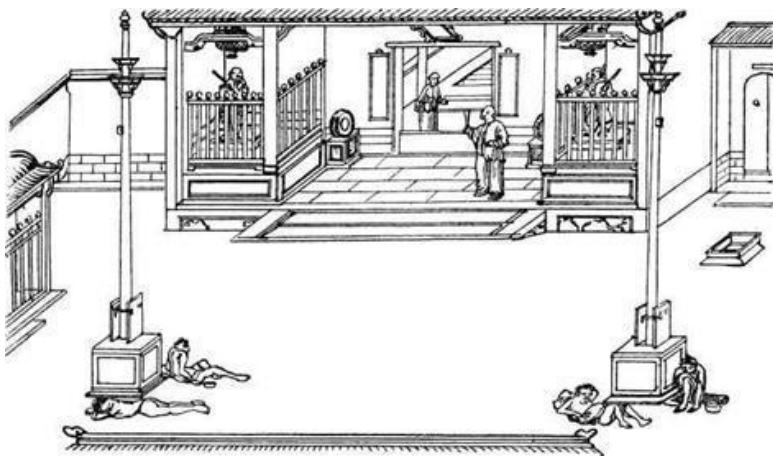
которые зашивают и сбрасывают в большой склеп – нечто вроде монастырского мавзолея. Эти выстроенные из гранита сооружения китайцы называют гу-тан-та; они весьма обширны. Мавзолей при монастыре Хэнань – замечательный памятник архитектуры. Он разделен на два отсека: один для праха монахов, другой – для монахинь. Красные мешки с их содержимым вверяют этим хранилищам, проталкивая через небольшие отверстия, величина которых едва позволяет сделать это.

В монастыре под названием Хуалинь-сы, или Цветущий лес, останки монахов сжигают в специально отведенном для этого храме. Он находится на некотором расстоянии за северо-восточными воротами Кантона, и тела мертвых монахов приносят туда в больших закрытых со всех сторон паланкинах. Прах монахов из этого монастыря относят в мавзолей, расположенный в красивой местности на берегах небольшой речушки под названием Цинси, текущей у подножия гор Белых Облаков. Однако останки монахов не всегда кремируют – иногда их хоронят. В июне 1871 года останки Хан Суня, одного из самых почтенных монахов монастыря Хэнань, отнесли для захоронения на кладбище в Тай-цзинь-чжун. Корреспондент газеты, сообщивший о церемонии, описывал ее так:

«Перед перевозкой тела около 200 бонз собрались, чтобы принять участие в последних ритуалах. Многие монахи построились вокруг временного жертвенника, воздвигнутого в

зале, где торжественно возлежал умерший, и читали службу за упокой души усопшего собрата. По завершении этой церемонии пожилой монах в фиолетовом одеянии выступил вперед и поднес вывешенному над временным жертвенником изображению усопшего знаки отличия, подобающие высокому сану, который, как оказалось, некогда имел умерший. Затем распорядитель церемонии велел убрать тело, и ему сразу повиновались. Тут монахи построились в длинные ряды по обеим сторонам дороги, ведущей к монастырю, и, когда мимо них пронесли гроб, последовали за ним по двое в ряд к месту его последнего упокоения. У внешних ворот монастыря были поставлены два монаха, чья обязанность состояла в раздаче каждому уважаемому человеку из присутствовавших по мелкой серебряной монете. Каждый такой подарок был завернут в белый бумажный конвертик с китайской надписью – «счастливые деньги». Множество мужчин из города и окрестностей, дружившие с покойным, приняли участие в этой унылой процессии. Все они, как и все монахи, по этому случаю опоясались белыми кушаками».

Своей архитектурой и внутренним убранством все большие монастыри точь-в-точь похожи один на другой. Когда посетитель входит в ворота, его внимание привлекают две большие фигуры. Они называются Чжун Цзи и Ма Сы; считается, что ворота вверены их попечению. Под вторыми воротами по двое расположены четыре фигуры того же размера, по имени Моли Хун, Моли Шоу, Моли Хай и Моли Цин.

Буддийский храм

Их описывают как покровителей севера, юга, востока и запада Китая и считают ревностными исполнителями воли Будды. За вторыми воротами находится главный зал храма, в котором расположены три идола, известные как Будды Прошлого, Настоящего и Будущего. Позади этого зала находятся два других, в одном из которых зранят дагобу^[31] (под ней помещены мощи Будды), а в другом – идол богини милосердия. Есть также святилища Гуань-ди, Вишну и других менее известных богов. В одном из них стоит идол первого настоятеля монастыря. Перед ним помещена доска, на которой записаны имена всех усопших настоятелей. По сторонам боль-

ших внутренних дворов, в которых воздвигают главные залы храма, находятся ряды монашеских келий, зал для посетителей, трапезная и иногда типография, в которой печатаются монастырские службы, новые работы по догматам Будды и бесплатные брошюры для раздачи. Зал для посетителей состоит из двух палат, между которыми находится внутренний двор. Входя в этот зал, посетитель проходит в так называемую нижнюю палату, где остается до тех пор, покуда монах, в чьи обязанности входит прием гостей, не пригласит его в более почетное помещение. Трапезные очень велики, и монахи, считающиеся гостями, устраиваются за столом лицом к настоятелю – официальному хозяину. Столы расставлены вдоль всех стен зала, и за каждым сидит лишь один ряд монахов. Их лица, конечно, обращены к середине зала, в то время как настоятель сидит на почетном месте на возвышении, расположенном в конце зала между рядами. В стране, где люди так привержены формальностям и церемониям, соблюдение этого обычая рассматривается как верх учтивости. Монахов созывают к завтраку и к обеду при помощи гонга; в это время они обязаны являться в трапезную, надев рясу. После того как они собрались и уселись на места, приходит церемониймейстер. По его знаку все они встают и, сложив руки, повторяют молитву. Затем порцию благословленной таким образом еды помещают на подставку у дверей трапезной как приношение птицам небесным. Этот обряд высоко ценит большая стая воробьев, с вежливым постоянством слетающаяся

сюда в часы завтрака и обеда. В трапезной подают только вегетарианскую еду. Несмотря на то что такая пища предусматривается монашеским уставом, братии она не по вкусу, и поэтому те из них, кто обеспечен достаточно большим доходом, вшестером – ввосемьмером устраивают особые обеды, где могут от души насладиться жареной свининой, вареной птицей и соленой рыбой, а иногда и запить все это крепким спиртным напитком.

Во время обеда в трапезной монахам полагается хранить полное молчание, хотя нет чтеца, который, подобно тому, как это бывает во многих христианских монастырях, занимал бы их внимание. Однако стены трапезной покрыты досками, на которых очень четкими иероглифами приведены цитаты из нравоучительных сочинений различных авторов, предостерегающие монахов от слишком торопливой еды и подчеркивающие важность правил поведения в трапезной. На других досках записаны правила монастырского устава и монашеские обеты.

В некоторых храмах идов особенно много. В Янчжоу я видел такой, в котором, как говорят, их не менее десяти тысяч. Идолы – они совсем крохотные – находятся в одном большом зале; они расставлены причудливо, но аккуратно, что создает весьма своеобразное зрелище. В центре зала стоит деревянная беседка, украшенная искуснейшей резьбой, под сенью которой находится большой идол Будды. Внутри и снаружи беседка буквально усеяна маленькими идолами, ко-

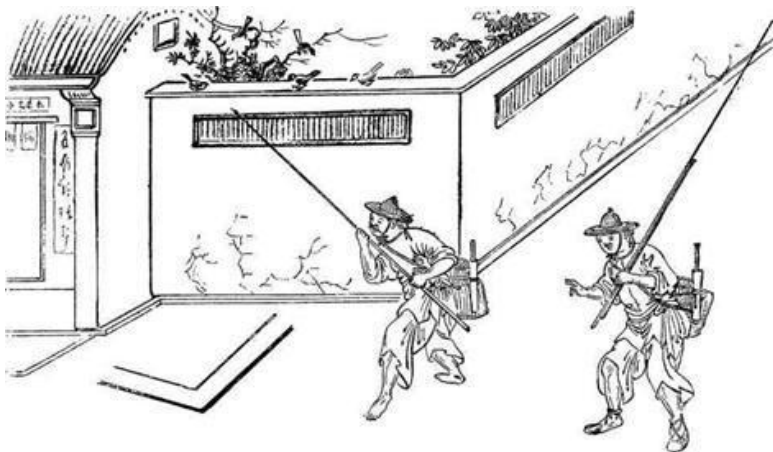
торые, по-моему, представляют собой разные изображения все того же божества. На каждой из четырех стен зала находятся маленькие скобы, поддерживающие идолов Будды; и их еще больше на балках и столбах сводчатой крыши. Два идола – это изображения спящего Будды в полный рост. В Пекине и Кантоне есть в точности такие же залы. Зал десяти тысяч идолов в Кантоне, как и монастырь, часть которого он составляет, в самом плачевном состоянии, и большинство идолов, украшавших когда-то его стены, пропало.

Как правило, идолов ^[32] делают из дерева, но часто используют и глину. В области Чжаоцин, где много мраморных каменоломен, их часто изготавливают из этого материала. В Бэньню-чжэне, рыночном городе на берегах Великого канала, в разрушенном монастыре я видел трех больших железных идолов, изображавших Будд Прошлого, Настоящего и Будущего. Кроме того, в некоторых храмах я видел каменных, керамических и фарфоровых идолов. Три больших идола в кантонском монастыре Дафо, как говорят, сделаны из меди, как и многие маленькие изображения Будды. Будду изображают в самых разных позах, некоторые из статуй улыбающиеся, а у других скорбное выражение лица.

Что касается верующих мирян, буддийские храмы чаще посещают женщины, чем мужчины, стремясь обрести богатство, потомство, долголетие или литературную известность. Чтобы убедить божество даровать просимое, верующий отправляется в пагоду в большом храмовом зале; там в присут-

ствии многочисленных изображений Будды он излагает свое желание и приносит обет поддерживать жизнь какого-нибудь живого существа – такой обет Будда принимает самым благосклонным образом. Затем животное, очень часто курицу, показывают перед пагодой и торжественно посвящают бо-жеству, после чего его вверяют особой заботе и благослове-ниям монахов, причем обильное пропитание ему обеспечи-вают заранее. В монастыре Хэнань в Кантоне есть большой свиарник, где содержится десять-двенадцать весьма упи-танных свиней, корм для которых добыли именно таким об-разом. Всех священных свиней, которых мне доводилось ви-деть, намного превосходила своими размерами свинья в мо-настыре Баодун неподалеку от Учана. Она была совершенно черной. В 1855 году ее подарил храму некий богатый китай-ский купец.

Кроме заполненного скотом хлева, там есть и птичий двор, где теснятся куры, утки и гуси, имеется загон с несколькими овцами и козами. В некоторых храмах мож-но обнаружить по несколько голов рогатого скота, помещен-ных туда беспокойными просителями. В одном монастыре недалеко от Ху-ши-у, провинция Чжили, я видел несколь-ко священных лошадей и мулов; и из всех видов семейства Equidae, виденных мной в Китае, они были самыми ухо-женными. За всеми животными, подобным образом посвя-щенными Будде, как правило, заботливо ухаживают монахи; а когда они умирают, останки бережно предают земле.

Птицеловы

На землях, принадлежащих храмам, находятся пруды, куда в качестве приношения по обету бросают всевозможную рыбу, спасенную почитателями Будды из корыт, в которых ее выставляют на продажу в своих ларьках рыботорговцы. На берегах таких прудов обыкновенно стоит каменная колонна, на которой крупными иероглифами начертано: «Сохраняем жизнь». В храме кантонского предместья Хэнань я однажды видел человека, принесшего Будде десять или двенадцать больших карпов, которые резвились в поставленном перед алтарем ушат с водой. В конце концов их выпустили в пруд.

В храме при монастыре Цветущего леса, или храме Пяти Гениев, как его нередко называют, позади приемной расположен пруд, вода в котором кишит черепахами – их выпускают туда верующие миряне, купившие этих животных, чтобы спасти от участи попасть на стол к гурману. Этот поступок считается достойным самой высокой похвалы. Полагают, что он обеспечивает получение мирских благ от милосердного Будды.

Еще один способ снискать благосклонность божества – выпустить на свободу нескольких воробьев или голубей. В храме, о котором я только что упомянул, однажды я видел женщину, которая перед находящейся там прекрасной пагодой приносила обет сохранить жизнь нескольким десяткам воробьев. Когда она дала свой обет, служка вынес клетку с птицами в соседний коридор, там женщина выпустила их на свободу, отворив дверцу. Поскольку обеты относительно воробьев дают очень часто, много этих птиц выставляют на продажу в лавках торговцев домашней птицей. Птицеловы применяют очень оригинальный метод ловли воробьев. Охотник мажет птичьим клеем конец длинного прута. Обнаружив нескольких воробьев, толкущихся на земле или среди высокой жесткой травы, он тут же ловко просовывает конец прута между ними так, чтобы утащить одну-две птицы, приклеившиеся к нему. Затем сажает пойманных птиц в клетку, которую несет на спине.

В нескольких буддийских храмах находятся клетки, напо-

минающие курятники, где содержатся голуби, купленные и помещенные туда самими монахами. На дверях клеток написаны слова: «Сохраняем жизнь», – и когда посетитель храма бросает в клетку монету (цена голубя), сопровождающий монах выпускает пернатого пленника на свободу. Иногда обеты, приносимые в святилищах Будды, не выполняются, пока верующий не получает блага, о котором он молил. Когда он получает желаемое, редко он не возвращается в храм и не выполняет свой обет – люди опасаются возмездия за вероломство.

Один из обетов, который дают верующие обоих полов, – это воздержание от животной пищи на определенный срок. Мне известно много случаев открытого нарушения этого обета. Чтобы искупить грехи, многие расходуют большие суммы, мостя большие дороги. Так, один из пролетов гранитной лестницы, по которой поднимаются на горы Белых Облаков, был построен за счет некой вдовы в качестве искупления грехов ее мужа.

Многие буддийские монастыри выстроены на склонах холмов и гор и возвышаются над обширными и величественными панорамами. Самый красивый из тех, что я видел, находится на юге Китая на берегах западного рукава реки Чжуцзян в горах Динхушань, неподалеку от входа на перевал Чжаоцин. Со всех сторон этот монастырь окружают разнообразнейшие и красивейшие пейзажи. Здесь расстилаются широкие равнины, украшенные волнующимися хлебами,

там холмы, покрытые пышно зеленеющими деревьями, мягко вздымают свои склоны, по которым сбегает ручьи, теряющиеся среди величественных деревьев, окружающих монастырь. Вдалеке к облакам поднимаются вершины гор, образующих Чжаоцинский перевал, а между их скалистыми склонами несет свои стремительные воды западный рукав реки Чжуцзян, у подножия гор затем растекающийся широкой озерной гладью. В одной из пагод этого монастыря находится жертвенник, который считают священным. В пагоду не позволено входить, пока сначала не омылся в святых водах озера. В этом храме хранят и кувшины со святой водой для продажи. Когда я был там, прибыли три монахини, чтобы приобрести запас священной субстанции. Монастырь сильно пострадал во время восстания 1855 года, но сейчас уже восстановлен.

Неподалеку от Цзиньпань, или Золотых холмов, примерно в двадцати милях к западу от Кантона, находится другой монастырь, который по красоте расположения считается вторым после монастыря в Динхушань. Он стоит на берегах Жемчужной реки. Летом, когда река разливается из-за сильных дождей, он бывает полностью окружен водой. На западе, вдоль излучины реки, тянутся холмы Цзиньпань, с вершины которых открывается чарующий вид на окрестности. Неподалеку от этого места берега украшают рощи, где среди деревьев укрываются чистенькие деревушки. Монастырь был основан более восьмисот лет тому назад. Из-за почтенного

возраста и недостатка средств на ремонт сейчас он очень обветшал. Однако его древность и красота местности послужили причиной того, что китайцы считают его одним из семи чудес провинции Гуандун.

Красивейший из монастырей, виденных мной в центральных провинциях, – это Тяньдун-сы в провинции Чжэцзян. Он находится на расстоянии тридцати миль от города Нинбо, у входа в живописную долину. К нему ведет аллея высоких кедров; окаймляющие монастырь холмы покрыты деревьями от подножия до вершины.

Постройки монастыря Ганьлу, или Сладкой росы, расположенного в Чжэньцзяне, разочаровали меня. Он выгодно расположен на высоком холме и возвышается над самой привлекательной и обширной панорамой. Говорят, что его так назвал некий Чжан Фэй, бывший или другом, или братом Лю Юань-ди, или Лю Бэя, – одного из китайских императоров. Говорят, что он посетил этот монастырь перед тем, как взойти на престол, и написал фразу, которая теперь начертана на мемориальной доске: «Тянь-Ся-Ди-И-Цзян-Шань» – «Самая большая река и самый важный холм, которыми может гордиться империя». Что касается реки, это утверждение определено верно, поскольку поток, величественно катящийся свои волны мимо подножия холма, это Янцзы.

Самый красивый из монастырей, виденных мной на севере Китая, – это Дацзюэ-сы. Он расположен на расстоянии двадцати трех миль к северо-западу от Пекина. В мо-

настырском парке есть декоративный пруд, где плавают множество золотых рыбок, а также замечательно чистый источник, в который посетители бросают медные монетки, чтобы дать монахам возможность купить у торговца птиц и выпустить их на волю. Кроме того, там находится изящная пагода, которую используют как хранилище праха усопших монахов. Иногда храмовые парки и внутренние дворы украшены самым причудливым образом. Монастырю Хуэйшань-сы в Цзюлун-чжэне, городе на берегах Великого канала, в этом отношении принадлежит пальма первенства. Среди монастырей, замечательных садами камней, можно упомянуть обитель Долголетия в западном предместье Кантона.

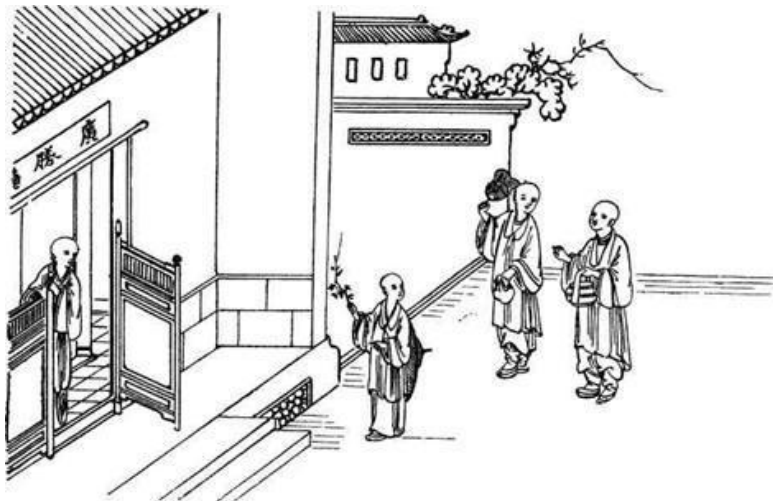
В Китае нет высеченных в скале пещерных храмов. Вполне возможно, что Индия – единственная страна, известная такими своеобразными сооружениями. Я обратил внимание на крохотные святилища Будды и буддийские идола, вырезанные на склонах старых скал из красного песчаника. Самыми своеобразными из этих барельефов были увиденные мной в окрестностях Ханчжоу.

Буддийские монахи могут рассказать много интересных преданий. Один монах из обители Цзиньшань обратил мое внимание на дощечку, на которой были начертаны стихотворные строки. Как говорят, несколько столетий назад их сочинил мандарин, проводивший здесь одну ночь на пути из Кантона в Пекин. В стихах рассказывалось о легенде, согласно которой мандарину под гостеприимной кровлей монасты-

ря приснилось, что ему кланяется монах и угощает рисовыми лепешками. На следующее утро, когда он готовился снова пуститься в путь, мимо него прошел монах, который нес поднос с рисовыми лепешками. Гость сразу вспомнил свой сон и спросил монаха, кому он их несет. Последний ответил, что собирался положить лепешки на жертвенник в честь монаха, жившего за двести лет до того и канонизированного после смерти. Мандарин, созвав монахов, поведал им о своем сне, попросил истолковать его и тут же получил объяснение. Монахи были стойкими приверженцами идеи переселения душ и поэтому решили, что мандарин был не кто иной, как знаменитый монах, вернувшийся на землю, чтобы править народом.

Замечательную легенду мне рассказывали о монастыре Яшмового цветка в городе Янчжоу в провинции Цзянсу. Около тысячи трехсот лет тому назад, как гласит предание, в саду некоего дома в Янчжоу расцвел необычный цветок, и император Вэнь-хуан, услышав о диве, отправился в этот город взглянуть на него. Путь занял немало времени. Когда его величество путешествовал по воде, его барку тащили мужчины и женщины в элегантных одеждах. Когда он ехал в экипаже, его везли люди, одетые не менее нарядно. Для удобства дом обставили как временный дворец. Привлеченный исключительной красотой цветка, император прожил некоторое время в Янчжоу, каждый день любуясь на него. Однако в конце концов, чувствуя, что его здоровье слабеет, он отправил-

ся в Лоян, свою столицу – город в провинции Хэнань. В пути император умер. Дворец был обращен в монастырь и назван Цюнхуа-гуань, или монастырь Яшмового цветка. Когда я приехал туда, обитель лежала в руинах, но меня радушно встретили несколько буддийских монахов, которые сообщили мне, что цветок уже давно в Западном Рае, чтобы цвести там во всем блеске своей бессмертной красоты.

Буддийские монахини

В Китае множество женских буддийских монастырей. В маленьких женских монастырях бывает от десяти до двадцати сестер, в обителях побольше может быть и свыше восьмидесяти монахинь. Они живут на средства, получаемые от пожертвований: монастырям дарят и дома, и земли. Канди-

даток в монахини принимают в монастыри в детстве – в десятилетнем возрасте, и их послушничество продолжается, пока им не исполнится шестнадцать лет. Считается, что к этому времени сознание женщины уже созрело и им полагается «постричься». Эта церемония состоит в том, что послушница в присутствии идола Гуаньинь, богини милосердия, заявляет, что она всегда будет оставаться девственной, что она не станет есть ни рыбы, ни мяса, ни птицы, что она не будет пить вина, станет следовать нормам буддизма и руководствоваться ими в своей повседневной жизни. Когда это произнесено в присутствии идола Гуаньинь и при свидетелях, голову юной послушницы, которую начали слегка брить с того дня, как она пришла в монастырь, служанка обривает полностью, и девушка облачается в одежды, поразительно похожие на те, что носят буддийские монахи, до такой степени, что иностранцу стоит немалого труда различить их. Хотя соискательницы на монашеское звание обычно приходят в монастырь в возрасте десяти лет, многие ищут убежища в этой уединенной жизни в намного более зрелом возрасте. Подавляющее число женщин – выходцы из низших слоев. Тем не менее в монастыре представлены все классы общества. Иногда туда вынуждены уходить женщины из богатых семей, чтобы избежать нежелательных брачных союзов. Каждым женским монастырем руководит настоятельница (сы-фу). Эта должность пожизненная. Обязанности монахинь в основном состоят в молитвах и службах, обращен-

ных Гуаньинь в защиту духов умерших женщин. Для этой цели они обыкновенно отправляются группами по девять человек к дому умершей и, устроившись перед подготовленным по такому случаю жертвенником, позади которого находится маленький идол Гуаньинь, весь день распевают молитвы. За отсутствием таких занятий они проводят время в монастыре в полной праздности, слоняясь без дела будто бы в совершенном бессилии. Во всяком случае, такое заключение я сделал, посетив несколько этих заведений. С большей определенностью это можно сказать о старших монахинях. А те, что помоложе и победнее, вышивают по шелку, чтобы обеспечить старших большим количеством предметов обихода, чем можно купить на выделяемые им небольшие суммы пожертвований. Во время празднования китайского Нового года в 1860 году я видел группу монахинь на пикнике, который они устроили в чудесном парке при одном из главных кантонских храмов. С большим энтузиазмом не могла бы развлекаться даже стайка школьников, гуляющих по зеленым полям доброй Англии.

Женским буддийским монастырям предъявляют те же серьезные упреки, что и даосским обителям, о чем я писал выше. Это может подтвердить выдержка из газеты гонконгской Daily Press от пятницы 13 сентября 1872 года.

«Кажется, — пишет корреспондент, — что буддийские и даосские женские монастыри в Китае не более непорочны, чем подобные учреждения в Европе. Во всяком случае, мо-

настыри в Учане обвиняли в тлетворном влиянии на общественную нравственность. Добродетельный (?) мандарин, услышав о происходящем, придрался к монахиням и чуть не положил конец существованию их ордена.

Сначала эта новость произвела большое волнение в монастырях, и многие их обительницы бежали, особенно даосские монахини, которым пришлось только распустить волосы, переодеться, надеть сережки, – и их внешность была полностью изменена. Однако буддийской монахине с выбритой головой не так легко ускользнуть от сыщиков из ямэней, да и денег на взятки у них, вероятно, было маловато. Примерно двадцать таких монахинь вместе с несколькими печально известными даосками были взяты под арест. Почти все они были молоды, им было от восьми до двадцати шести лет. Затем этот мандарин издал декларацию, в которой до общего сведения доводилось, что дурная слава женских монастырей сделала необходимой эту решительную меру; он призывал родственников монахинь, чьи имена приводились тут же, забрать девушек домой; было сказано, что в противном случае их передадут любым приемлемым лицам, пожелавшим взять их в жены».

Ламаизм

Примерно через триста пятьдесят лет после того, как буддизм был официально признан в Китае, он проник в Тибет,

а оттуда с течением времени распространился в Монголию и Маньчжурию. Ламы или жрецы признают своим духовным главой Великого тибетского ламу, который для них то же, что для служителей латинской церкви – папа римский. Этот ламаистский папа – политический и духовный правитель Тибета, он подчиняется лишь императору Китая. Нынешний правитель Тибета неизменно и решительно противился проникновению всех европейских путешественников в его края. И во время моего пребывания в Пекине весной 1865 года он прислал китайскому императору депешу, прося у его императорского величества ни в коем случае не разрешать отбытие европейцев из Китая в направлении Тибета. Он объяснил свою просьбу тем, что в прошлый раз, когда к ним приезжали иностранцы, случился неурожай, скот ояловел, а женщины отклонились от стези добродетели.

Лам избирают из всех слоев общества. В Монголии каждая семья, в которой есть двое сыновей или более, обязана отдать одного из них на ламаистское служение. Как и их китайские собратья, все ламы приносят обет безбрачия и бреют голову. Одеваются они в длинные желтые рясы. Талию охватывает кушак, к которому привязан футляр для веера и иногда футляр, в который кладут ложку, нож, пару палочек для еды и медный кубок. Совершая открытые службы в своих храмах, ламы надевают мантии и шапки того же цвета, что и рясы. При этом шапка чем-то напоминает шлем, каким у нас увенчивают изображения Британии. Когда ламы вхо-

дят в храмы для совершения открытого молебна, у дверей их встречают главные жрецы. Во время службы они сидят по-турецки, поджав ноги под себя, на длинных низких диванах, расставленных по обеим стенам зала, по которому идут к главному жертвеннику. В своих молитвах ламы просят у идолов благословить императора, священнослужителей и государство. Молитвы произносятся речитативом. Иногда их поют так слаженно, что европеец может вспомнить о соборных службах, ежедневно проходящих в христианских храмах. В некоторых случаях молитва проходит под аккомпанемент рогов с раковинами и хлопков в ладоши. Используют и крайне необычный музыкальный инструмент: он представляет собой полую человеческую бедренную кость, из которой изготовлена дудка. В то время как ламы занимаются публичными богослужениями, главные жрецы, в таких случаях облачающиеся в темно-красные одеяния, проходят вдоль рядов молящихся монахов и кадят. Когда я был в Лама-мяо (или Долон-норе), рыночном городе в Монголии, в одном из храмов я стал свидетелем любопытного происшествия. Через двадцать минут после того, как присутствовавшие там ламы начали службу, каждому из сидящих (молятся именно в этой позе) поднесли по чашке плиточного чая. В чай было положено масло, и он имел консистенцию супа. Перед тем как они отведали этого напитка, один из главных жрецов, стоя посреди храма, громко сообщил им, что чай был милостиво пожалован им согласно последней воле и заве-

щанию недавно скончавшегося доброго монгольского князя, и в благодарность они должны молиться об упокоении его души. Выпив чай, священнослужители со всей серьезностью возобновили свои молитвы, и молились на протяжении двадцати минут. В конце службы каждому ламе подарили по большой лепешке, которые также были завещаны им покойным князем.

Ламы дают обет безбрачия и живут в монастырях. Посетив в Пекине обитель Дафо, я обнаружил, что в ней не менее тысячи человек. В городе Лама-мяо не меньше десяти тысяч монахов, и также много их в Жэхэ. В качестве епитимьи они нередко оставляют монастырь и совершают трудные паломничества к отдаленным святыням. Такие путешествия отнимают много времени, поскольку паломники не только идут очень медленно; после каждых трех шагов они падают ниц и совершают коутоу. В 1865 году наш друг повстречал ламу, который отправился в паломничество к монастырю Утай-Шань в провинции Шэньси; лама сообщил ему, что его странствие должно занять двенадцать месяцев. Однако многие из них не живут в монастырях, а ведут кочевую жизнь на обширных равнинах Монголии и на стойбищах бывают не только священнослужителями, но и пастухами. Они часто напоминали мне пастухов, которые в древности стерегли свои отары и стада в долинах Иудеи. Так Моисей пас овец у Иофора, тестя своего, священника Мадиямского. Двенадцать патриархов также были пастухами, и Давид, чтобы сра-

зиться с грозным гигантом из Гефа, оставил овец своего отца. Несколько раз я наблюдал женщин из монгольских семей, которые пасли стадо. В Священном Писании тоже есть несколько мест ^{33}, из которых можно понять, что в Древней Палестине подобный труд нередко выпадал на долю дочерей эмиров или вождей. Как бы то ни было, хотя столь многое там напоминало прочитанное мной о временах патриархов, я тщетно искал «башни стада», как названы в Писании постройки, с которых могли обнаружить приближение врага. Однажды я и впрямь завидел вдалеке нечто вроде такой башни, но, проехав около двух миль в том направлении, обнаружил, что это ламаистский храм.

Как правило, ламаистские храмы – величественные сооружения. Среди них особо примечательны выстроенные в городе Жэхэ императором Цяньлуном. Медная крыша одного из них начищена до блеска и ослепительно сияет при свете солнца, будто золотая. Когда я посетил храм в Лама-мяо и стоял в главном святилище, разглядывая восемь-десять больших атласных зонтов и флагов из того же материала с изображениями Будды, ко мне обратился один из жрецов. В ходе интересной беседы он сообщил мне, что в городе живет лама, способный совершенно точно предсказать каждое событие, которому суждено произойти на протяжении следующих пятисот лет. Этот ламаистский пророк мог также вспомнить любое событие, случившееся за предшествующие пятьсот лет. Мне очень захотелось поговорить с ним, но у него

было столько договоренностей, что о встрече не могло быть и речи. В храме Дафо в Пекине есть идол (по преданию, его привезли из Сиама) семидесяти футов в высоту. Как правило, идолы в ламаистских святилищах больше, чем в обычных буддийских храмах по всей империи. На жертвеннике этого колоссального идола стоят курильницы, подсвечники и подставки для цветов. Они делаются из цинка, меди или мрамора. Кроме того, иногда на жертвенник ставят своеобразный сосуд, полный драгоценных камней: его делают из верхней части человеческого черепа, он украшен золотом, серебром или медью. Для этого используют череп человека, который был замечателен своими способностями, либо юноши, умершего на восемнадцатом или девятнадцатом году жизни, — возраст, к которому монголы относятся с особым почтением. У врат многих храмов расположены молитвенные колеса. На каждом колесе написана молитва, и верующий, проходящий мимо или не имеющий возможности оставаться в храме до завершения службы, один раз читает слова молитвы на колесе, затем поворачивает его и уходит. Считается, что колесо доносит молитву до неба, и она повторяется всякий раз, как колесо совершает оборот. Другая характерная черта монастырских внутренних дворов — это молитвенные колонны, или каменные колонны, на которых выгравированы обращенные к Будде молитвы. Они расположены во внутренних дворах монастырей таким образом, чтобы побудить снующих туда-сюда монахов остановиться для молитвы. Ча-

сто они украшены искуснейшей гравировкой.

Было замечено, что буддизм, и особенно ламаизм, схож с римским католичеством: многие христианские обряды и церемонии, искусственно внедренные в языческое богослужение тибетскими жрецами, вероятно, были заимствованы ими у несторианских и римско-католических миссионеров, подвизавшихся в Средней Азии. Действительно, похоже, будто вся система ламаизма преобразована из римско-католической. Говорят, что в этой языческой религии есть не только свои папы, кардиналы и епископы, но и крещение младенцев, конфирмация, литании, крестные ходы, служба с двумя хорами, молебны за здравие и за упокой, почитание святых, экзорцизм и посты. Кроме этого, можно упомянуть об использовании креста, митр, праздничных риз, сутан, венков и четок, святой воды, подставок для цветов на алтаре и т. д. Я не поручусь за все перечисленное, однако утверждают, что эти атрибуты действительно присутствуют в буддийской церкви Тибета. Из Тибета многие из этих обрядов проникли в Китай, но в культе буддийских жрецов империи их куда меньше, чем у тибетских, монгольских и маньчжурских лам.

Ислам

Но вдохновленные человеком религии, утвердившиеся в Китае, – это не только конфуцианство, даосизм и буддизм. Через шестьсот лет после того, как в Китае под покровитель-

ством императора Мин-ди распространилась религия Будды, некий араб по имени Саад ибн Абу-Ваккас (предполагаемый дядя по матери Мухаммеда) познакомил «Центральную Цветущую страну» с исламской верой. Этот апостол мусульманства с группой избранных последователей прибыл в Китай в VII веке. Там он приступил к распространению причудливой системы лжи, которой сообщили жизненную силу безжалостная вражда ее основателя с идолопоклонством и его истовая проповедь учения о непревзойденном высшем господстве и совершенном единстве Бога. Последователи ислама, которыми бывают не только бедняки, но и многие богатые и уважаемые люди, главным образом живут в северных, южных и западных провинциях империи. В северных и западных провинциях они весьма многочисленны; есть целые деревни, в которых живут исключительно мусульмане. Во время Северного похода в 1860 году солдаты-мусульмане индийских полков, посланных в Китай, нашли друзей среди китайских единоверцев, с которыми их тесно связала враждебность к идолопоклонникам. Китайским мусульманам присуща полная покорность предписаниям пророка, согласно которым их священный долг состоит в борьбе против врагов веры. Они постоянно находятся в состоянии войны с правительством страны. В 1863 году живущие в Северном Китае мусульмане пошли на открытый бунт, сея повсюду разруху и опустошение. Чтобы противостоять грозному противнику, кантонского генерал-губернатора Лю

Чанью, приобретшего репутацию весьма талантливого полководца в бытность свою губернатором Гуанси, вызвали в Пекин принять командование над армией, которая до того времени не могла одержать успех в сражениях с восставшими мусульманами. В том же году специальный уполномоченный по имени Салинь прибыл в Кантон за денежными средствами для содержания армии, подавлявшей такое же мусульманское восстание в западной провинции Юньнань.

Несмотря на то что китайские мусульмане столетия были разлучены со своими единоверцами в других краях, они с большим упорством продолжают придерживаться учения Мухаммеда. Они неизменно представляют Бога Высшим Предвечным Существом, бывшим прежде всех миров, нерожденным и несотворенным, и утверждают, что нет ничего подобного Ему. Они признают существование ангелов и описывают их как существ абсолютной чистоты, по-разному служащих своему Создателю; особо почитают четверых из ангельского воинства, служащего Богу днем и ночью, а именно Гавриила, несущего откровения, Михаила – ангела-хранителя древнего Божьего народа Израиля, Азраила, посланца смерти, и Исрафаила, которому поручено созывать всех людей, живых и мертвых, перед лицо Божье, дабы они рассказали о делах, совершенных ими во плоти. Мусульмане считают, что на протяжении жизни каждого человека сопровождают два ангела, которые запоминают его всевозможные поступки и подробно докладывают о них Всевышнему. Ко-

ран учит их считать рай Господень местом, где будут обеспечены все условия для потворства «плотским похотям, восстающим на душу». Говоря с мусульманами о грядущем упокоении, легко обнаружить, что их представления о нем – самые чувственные. Они, конечно, считают, что Мухаммед – глава всех посланных Богом пророков; а пророков таких они насчитывают не меньше двухсот двадцати четырех тысяч.

Как кажется, китайские мусульмане так же строго выполняют предписания религии, как и те, кого я видел в Египте и в других странах. Они молятся пять раз в день, но это считают обязательным не все мусульмане – многие молятся только трижды в день. Во время молитвы они обращают лицо к святому городу Мекке, обычно преклоняя колени. Собираясь читать Коран, они моют руки, прежде чем осмелятся тронуть священную книгу. Каждую пятницу – священный день – толпы мусульман устремляются в мечети. Молясь в храме, они облачаются в длинные белые одежды и надевают чалму того же цвета. Перед тем как войти в мечеть, они разуваются, но не заносят свои башмаки в храм, как это делают арабы, держа их в левой руке подошвой к подошве. Женщины и молодежь не допускаются в молитвенное собрание, и мужчины во время службы сохраняют предельную серьезность. По окончании молитв они возвращаются к своим обычным занятиям.

Однажды, оказавшись в пятницу в Чжан-цзя-коу – в большом городе, расположенном у подножия Великой Китайской

стены, я отправился осмотреть тамошнюю мечеть – вместительное и не лишенное изящества здание, оттуда открывается обширная панорама города. Во дворе мечети мне встретился очень хорошо одетый красивый юноша четырнадцати-пятнадцати лет. Когда я спросил, почему он ждет снаружи и не заходит внутрь, чтобы присоединиться к молящимся, юноша ответил, что еще не достиг соответствующего возраста. Внутри мечеть была буквально переполнена верующими – китайцами, которые были одеты лучше, чем кто бы то ни было из виденных мной. Коран читал священнослужитель, по обычаю опиравшийся на посох, как Иаков «поклонился на верх жезла своего» (Евр., 11: 21).

Установленные посты китайские мусульмане соблюдают с явной строгостью. Во время Рамадана (это девятый месяц) они, как кажется, большую часть времени проводят в стенах мечетей, и истощенная внешность многих из них – явное доказательство того, что они постятся по-настоящему. В обычное время они также неукоснительно выполняют долг, предписывающий им раздавать милостыню и воздерживаться от употребления любых опьяняющих напитков и свинины. Один китайский автор, упоминая об этом воздержании от вин и некоторых видов мяса, а также о мусульманской благотворительности и доброжелательности по отношению к бессловесным животным, обвиняет последователей Мухаммеда в том, что они заимствовали эти черты своей религии из буддизма. Но мусульмане это с негодованием отвер-

гают. Милостыню они, по-видимому, очень щедро раздают по пятницам, тем не менее, как правило, подают только беднякам, разделяющим их веру. Будучи в Чжан-цзя-коу, я видел, как несколько дворян, исповедовавших ислам, оделяли милостыней бедных и нищих последователей пророка в одном из молельных домов или цехов их единоверцев. Имена бедняков, получавших пенсию, были записаны на большой доске на стенах цеха; когда секретарь вызывал очередного, он отзывался и получал свою обычную долю.

Педантично соблюдается обряд обрезания; не забывают они и о том, что для каждого хорошего мусульманина считается обязанностью, – о совершении паломничества в Мекку, чтобы прикоснуться к черному камню Каабы, снискать прощение грехов и доступ в рай. Конечно, паломничество в Мекку легче совершить мусульманам западных провинций империи, чем живущим в северных и южных провинциях.

У мусульман множество мечетей по всей империи. Эти сооружения очень похожи на другие китайские храмы. В Кантоне не меньше четырех мечетей, две из которых выстроил Абу-Ваккас. В старинной гробнице в мечети, расположенной за большими северными воротами, хранятся останки этого ревностного исламского миссионера; прожив пятнадцать лет на новой родине, он умер, твердо уверенный в том, что попадет в рай, придуманный Мухаммедом. Мечеть, расположенная в старом городе Кантона, славится минаретом, с которого муэдзины призывают к молитве мусульманское

население. Сейчас проход в башню завален землей, скопившейся вокруг фундамента. Когда город был занят союзными армиями Англии и Франции, какие-то британские офицеры проделали в стене отверстие и, обнаружив винтовую лестницу, успешно достигли вершины башни. Поскольку ступени были стертыми, они заключили, что муэдзины, по всей видимости, не пренебрегали регулярным исполнением своих обязанностей.

В одной-двух мечетях этого города находятся комнаты, в которых останавливаются мусульмане из других городов, прибывшие на оживленные рынки Кантона. В мечети неподалеку от ворот Тайпин, которая лучше всего приспособлена для приема гостей, я встречался с мусульманскими купцами из провинций Сычуань, Юньнань и Гуанси. Эти мусульмане показались мне умнее, чем кантонские, а также намного ревностнее в том, что касалось предписаний Мухаммеда. Некоторые мечети выглядят очень внушительно. Возможно, особенно достойна внимания мечеть с двумя арками в городе Чжэньцзяне, которая очень напоминает крипту в христианской церкви. Эта постройка вместе со школой окружена высокой стеной и поэтому выглядит как какая-то крепость. Мечеть в Ханчжоу – величественное и впечатляющее здание, причем дверь в нее напоминает каирские ворота. В каждой мечети есть табличка, на которой большими золотыми иероглифами написано: «Десять тысяч лет императору!» В каждом буддийском или даосском монастыре такая же табличка.

ка располагается на жертвеннике. Судя по всему, император уверен, что народ должен понять: ему, Сыну Неба, подобают почтение и послушание, как и богам. При каждой из главных мечетей находится школа, где детей учат читать Коран в оригинале.

Глава 5

Народные боги и богини

Любое описание китайских религиозных систем, не затрагивающее богов и богинь, которым с удовольствием поклоняется народ, будет в высшей степени неполным. Притом, что китайцев не особенно беспокоят религиозные доктрины, их очень интересуют обожествленные смертные и воображаемые существа, от которых, по их мнению, зависит распределение жизненных благ. Их религия по сути своей – культ. Верующий, преклоняющий колени в святилище Конфуция, будет молиться и даосскому Бэй-ди; в особых случаях можно видеть, как даосские и буддийские жрецы молятся в одном и том же государственном храме. «Каков хозяин, таков и слуга» – эту пословицу можно применять к народу и его богам, и эта глава о богах и богинях китайцев поможет читателю понять и народ.

В Китае два сословия – военные и ученые – делят между собой государственные почести и награды, и повсюду находятся люди, которые поклоняются Гуань-ди, богу войны, и Вэньчану, богу учености. Гуань-ди, или Гуань Юй, знаменитый в III веке н. э. генерал, был канонизирован только спустя восемьсот лет после смерти. Теперь его храм есть в каждом провинциальном, областном и уездном городе империи; и утром и вечером почти в каждом доме поклоняют-

ся его изображению, стоящему на алтаре предков. Его считают защитником мира в империи и в многочисленных семьях страны. Непосредственным поводом к его обожествлению, по преданию, было высыхание больших и многочисленных соляных колодцев в провинции Шаньси. Это несчастье породило большое смятение и неприятности. Министры императора Чжэнь-цзуна, подобно волшебникам, которых фараон призвал, чтобы они истолковали его сны, оказались бессильны, и в смятении Чжэнь-цзун обратился к даосскому первосвященнику. Тот заявил, что колодцы высохли из-за злого духа, и посоветовал обратиться к Гуань-ди, к тому времени ставшему царем в мире духов. Император немедленно составил депешу Гуань-ди, где сообщал о предмете разговора с первосвященником, и высочайшее послание было отправлено почившему воину в языках священного пламени. Не прошло и часа, как Гуань-ди явился на небеса на своем красном скакуне. Бог заявил, что, пока не возведут храм в его честь, к прошению императора не прислушаются, поэтому с большой поспешностью был возведен храм. Как только был положен последний камень, запасы соли в колодцах возобновились. Говорят, что в 1855 году Гуань-ди явился главнокомандующему императорских войск и помог ему победить повстанцев неподалеку от Нанкина. За это вмешательство император Сяньфэн уравнил его с Конфуцием, который ^o тех пор считался главным божеством государственного пантеона. На крыльце государственного храма Гуань-ди в Кантоне (одного

из самых красивых храмов города) находится идол красной лошади этого божества. Рядом с ней стоит статуя доблестного оруженосца, который как бы ждет приказаний от своего господина. Находятся те, кто почитает даже коня с оруженосцем; в Кумлихое – большом городе в шелковых районах Гуандуна – я видел женщин, которые молились перед этими изображениями и привязывали сумочки или кошельки к узде скакуна.

Вэньчана почитают главным образом студенты и школьники. Считается, что он записывает их имена в памятную книгу и напротив каждого имени делает отметку о нраве человека. Перед его идолами обычно изображается ангел с памятной книгой в руке. Он был известен своей выдающейся ученостью и любовью к добродетели. По преданию, его родители, как и родители многих других китайских мудрецов, были очень стары, когда он появился на свет. Одним из его дедов был император, который изобрел лук и стрелы. Еще ребенком Вэньчан изучил самые серьезные тексты без помощи учителя; а когда он умер, боги, посоветовавшись, назначили его божеством – покровителем соискателей ученой степени. Во всех главных городах империи есть государственные храмы ^{34} в честь этого бога. В Кантоне не меньше десяти таких храмов. Вэньчану приносят в жертву связки лука, и иногда его жертвенники сплошь покрыты чересчур благоухающими луковицами. Ему поклоняются не только учащиеся; среди его приверженцев я видел людей обоих

полов и любого общественного положения. Однажды я отважился спросить человека, который вместе со своей женой горячо молился этому богу, о каких благах он просил его. Он ответил, что они с женой жаждут, чтобы их дети сделались сведущими в классической литературе и таким образом смогли бы претендовать на высокие государственные посты. Самый главный его храм находится в Чжэ-дун-юане – это административный центр родного уезда Вэньчана. На одной из балок, поддерживающих крышу, находится медный орел, а с его клюва к жертвеннику свисает длинный шнур. К шнуру прикреплен карандаш, которым, как полагают, божество пишет загадочные закорючки на покрытом песком столе или, как говорят другие, на листах бумаги, разложенных на столе. Эти рукописные пророчества, изготовленные ловкими священнослужителями, как правило, представляют собой сообщения о надвигающихся бедствиях; их направляют властям, с тем чтобы они могли принять меры предосторожности. В 1853 году, когда Гуандун был захвачен повстанцами, такое сообщение было направлено губернатору провинции. В нем жрецы предостерегали народ от мятежа как одного из величайших преступлений. Минчэнь, который был в то время генерал-губернатором, процитировал это пророчество в воззвании, расклеенном на многолюдных улицах Кантона и пригородов.

Бэй-ди

Неудивительно, что один из самых известных духов природы в стране, где так много зависит от дождей, – это Лунван, Царь Драконов, на чьем попечении находятся «источники бездны». Прежде ему молились только в засушливые периоды, но в результате милостей, дарованных им кантонцам, теперь его включили в перечень тех, кому воздают по-

чести во время весеннего равноденствия и зимнего солнцестояния^[35]. Во время засухи, как правило, моления о дожде продолжаются три дня. Когда бог не слышит правителя уезда, моление совершает правитель области. Выпускают обращение, призывающее народ не есть ни рыбы, ни мяса, ни птицы, пока не будет получен благоприятный ответ. Обращение дополняется эдиктом, запрещающим торговлю рыбой, мясом и домашней птицей. Поскольку засуха не имеет непосредственного отношения к их промыслу, рыбаки, мясники и торговцы птицей выказывают уважение к эдикту, подкупая мелких чиновников и полицию. Если Лун-ван не слушает и префекта, к нему обращается с молитвой генерал-губернатор. В этом случае церемония обставлена с особой торжественностью. Облачившись во власяницу, обвязав шею цепями, а щиколотки – кандалами в знак глубокого смирения и раскаяния, генерал-губернатор следует в храм в сопровождении длинной процессии скорбящих горожан. Впереди процессии несут четыре желтых шелковых флажка, на которых начертаны китайские иероглифы, обозначающие соответственно ветер, дождь, гром и молнию; затем их помещают в курильницу на жертвеннике, окруженном множеством зажженных свечей. Многократно преклонив колени, генерал-губернатор предает священному огню письменную молитву, адресованную Лун-вану. Церемония сопровождается залпами фейерверков, ударами гонгов и бряцанием тарелок. В этом грохоте генерал-губернатор удаляется, а го-

рожане провожают его до ворот дворца. Если и после этих призывов не выпадают благодатные дожди, люди делают вывод, что бог спит. Чтобы пробудить Лун-вана от дремоты, его изображение снимают с трона и выставляют на некоторое время под палящие лучи солнца. Кроме того, нередко император приказывает даосскому первосвященнику, пребывающему в горах Дракона и Тигра в провинции Цзянси, молиться о дожде. Если молитва не дает результатов, первосвященник, как правило, остается без жалованья, которое выплачивается из императорской казны.

Шествие с идолом бога дождя

Замечателен объем ложно направленной энергии, которую китайцы официально тратят на этого Царя драконов. Случай в Кантоне во время засухи, бывшей более тридцати лет назад, может послужить превосходной иллюстрацией прискорбных глупостей и сумасбродств, которыми сопровождается идолопоклонство. Генерал-губернатор провинции, который, как положено, молился и постился, но тщетно, в конце концов выпустил воззвание, где обращался к местным мудрецам с просьбой изобрести какие-нибудь средства, для того чтобы смягчить божество, обещая большое денежное вознаграждение тому, чей план окажется удачным. Как ни странно, никто из геомантов и предсказателей не откликнулся. Тем не менее свои услуги предложил один из даосских жрецов. Жреца поддержали его собратья, и они начали вызывать Лун-вана перед жертвенником, воздвигнутым под открытым небом. Жрецы молились четыре дня подряд; но увы – божество оставалось непреклонным. Увидев, что его усилия безрезультатны, ночью жрец скрылся и, как говорят, в конце концов умер от последствий лихорадки, вызванной пребыванием на солнце в течение четырех дней. Между тем засуха продолжалась, и цена на зерно повысилась до небывалого уровня. В этот критический момент явился геомант; он получил санкцию наместника на следующие смехотворные меры для умиротворения Царя Драконов. Закрыв южные ворота города, – прием, к которому обычно прибегают в подобных чрезвычайных обстоятельствах, – он поместил под

ними несколько до краев наполненных водой бочонков с лягушками. Затем предсказатель велел нескольким мальчишкам заставлять лягушек квакать. Как говорят, через несколько дней после этого яркого проявления человеческого суеверия пошел дождь.

Однажды 7 мая 1871 года я видел, как наместник Сюэ Тайянь шествовал к храму этого бога в Кантоне, сопровождаемый чиновниками и первейшими джентри города. Одетые в домашнее платье, все они несли в руках по курительной свече. Поставив свечу на жертвенник, каждый совершал коуту. Когда кончились обряды, в которых участвовали наместник и его свита, несколько буддийских и даосских священнослужителей – первые справа, а последние слева от храма – принялись истово молиться.

Храм, который посещает в подобных случаях император, расположен в Хэйлун-тане. Этот храм в честь Царя Драконов куда более впечатляющий, чем все остальные, которые мне удалось посетить; в нем находятся императорские покои. Я застал там многочисленных старейшин, владельцев усадеб и крестьян, явившихся из близлежащих деревень и вышагивавших в процессии к храму. Они стремились уговорить бога даровать немного обильных дождей. У каждого на голове был венок из листьев плакучей ивы, а некоторые несли в руках ветки этого дерева.

Во время засухи иногда обращаются к Юй Хуанди, или к Жемчужному императору^[36], более высокопоставленному,

чем Лун-ван. Так, однажды поблизости от Янчжоу, на берегах озера Поян, мне встретилось своеобразное шествие. Чтобы показать богу потрескавшуюся от жары землю и прогнать духов, вызвавших засуху, его идола вынесли в открытых носилках на берег озера. В толпе, которая следовала за идолом, было два полунагих человека, вооруженных мечами. Иногда они рассекали своим оружием воздух, как бы в отместку злым духам от имени бога; иногда – подсакивали на три-четыре фута от земли. На озере в лодке сидели старейшины города в лучших нарядах, с ветками плакучей ивы. Юй хуанди – это обожествленный сын одного из царей государства Гуан-Янь-Мяо-Лэ. Годовщину его рождения отмечают как большой праздник часть даосских священнослужителей. Иногда обычные люди тоже празднуют день рождения Юй хуанди.

Другое популярное божество государственного культа – это Чэн хуан, или Защитник укрепленных городов. Некогда его ранг был ниже, чем у генерал-губернатора, – парадоксальное явление, любопытным образом иллюстрирующее восприятие китайцами своих богов. В Кантоне это неравенство в положении проявлялось в том, что ворота храма Чэн хуана закрывали каждый раз, когда мимо шествовал его превосходительство генерал-губернатор. Этот забавный обычай отменил император Цяньлун, повысивший положение Чэн хуана в ряду других божеств; и теперь в обязанности всех генерал-губернаторов входит ежегодное покло-

нение ему во второй день года. Однако главный праздник, посвященный Чэн хуану, – это день его рождения, а именно двадцать четвертый день седьмого месяца, когда префект от имени правительства дарит ему новое шелковое одеяние. Кроме того, он умывает лицо идола и облачает его в новые одежды. Иногда члены богатых семей, чтобы зарекомендовать себя перед богом с лучшей стороны, вызываются сами предоставить эти одежды. В таком случае даритель посылает платье в храм в позолоченных носилках за несколько дней до дня рождения божества. Носилки сопровождает многочисленная свита. Когда празднуют годовщину дня рождения Чэн хуана, моление происходит ранним утром, и в Кантоне многочисленные молящиеся так озабочены тем, чтобы присутствовать на церемонии, что живущие за городскими стенами перебираются в храм еще накануне вечером. Это урожайное время для карманников, практикующихся в своем искусстве на спящих верующих. Когда приезжает префект, как правило, вскоре после полуночи, спящих будит звон гонгов. Тут начинается всеобщая суматоха и беспорядок. Префект привозит с собой нефритовую печать бога, которая всегда хранится у него; ее достают только по случаю этого дня рождения. Другая принадлежащая богу печать, которая сделана из меди, всегда остается в храме. Люди, у которых есть больные родственники, теперь спешат явиться к богу, чтобы снискать его благоволение и получить отпечаток нефритовой печати на одежде больного, принесенной ими с собой.

За этот отпечаток платят больше, чем за отпечаток медной печати. Одежду с этими оттисками относят больным; те облачаются в нее, дабы избавиться от своих недугов. Можно видеть, как другие верующие толпятся вокруг жертвенника, чтобы купить листы желтой бумаги, где начертано несколько загадочных закорючек. На таких амулетах тоже ставится оттиск этой печати. Люди уносят их домой; считается, что амулет хранит жилище от всякого зла. Другие подают богу ходатайства, где просят послать прислуживающих ему духов к ним домой, чтобы изгнать злых духов из тел их больных родственников. В некоторых храмах Чэн хуана можно увидеть орудия пытки, при помощи которых он, как полагают, наказывает злых духов. На протяжении всего дня рождения бога префект и его стража сопровождают паланкин с уменьшенной фигуркой идола, который проносят по главным улицам города. Впереди этой длинной процессии идут знаменосцы и музыканты. Проход через многочисленные узкие улочки отнимает столько времени, что всякая другая деятельность почти совершенно прекращается на целый день.

В каждом храме этого божества находятся изображения наказаний грешников в десяти царствах буддийского ада. Судебные заседания на этих картинах списаны со слушаний уголовных дел в китайских судах. В каждом из царств есть царь, сидящий на судейском месте; вокруг него находятся судебные исполнители и прислужники. Поскольку кары, которым подвергаются на этих изображениях нечестивцы в де-

сяти адских царствах, во всяком случае, несколько проясняют особенности восточной фантазии, я осмелюсь кратко описать их.

Во главе первого царства – Циньгуан Ван, его суду подлежат духи самоубийц, жрецов и монахов, получивших деньги за молебны, но так и не совершивших их, а также преступников, многократно совершавших различные правонарушения. При этом духи последних должны взбираться на огромную башню, с которой они смотрятся в большое зеркало, подвешенное как бы посередине неба. В нем они видят образы отвратительных животных, рептилий и насекомых, в которых им суждено воплотиться, вернувшись на землю. Человекоубийц наказывают так: стоя в воде, они не в состоянии утолить свою жажду. Священнослужителей и монахов заключают в темную палату, которая называется буцзинсо. Здесь при свете тусклой лампы, свисающей с потолка, они должны читать вслух молитвы, которыми они ранее пренебрегли, напечатанные очень мелким шрифтом. Покончившие с собой становятся жертвами ненасытного голода и неутолимой жажды; считается, что дважды в месяц они переживают те же страдания, что и во время совершенного ими самоубийства. Более того, до этих несчастных не доходят обращенные к их манам обряды, совершаемые их детьми. После двухлетнего заключения дух самоубийцы возвращается на место гибели для раскаяния. Если вместо того, чтобы раскаиваться, он станет досаждать людям, живущим поблизости,

сти, его призовут обратно, чтобы подвергнуть всем ужасам долгого заточения. Дух, который во время этого заключения раскаивается, возвращается на землю снова в человеческом облике. Духи людей, тративших деньги на покупку непристойных изданий, с тем чтобы уничтожить их, и духи тех, которые столь ценили блага грамотности, что или сами проходили по улицам, собирая с тротуаров и стен жилищ клочки исписанной бумаги, чтобы никто не растоптал ни одной частицы запечатленного на письме языка, или нанимали других с этой целью, являются в первое царство за вознаграждением. День рождения Циньгуана отмечают в первый день второго месяца. Китайцы верят, что все поклоняющиеся ему в это время будут прощены, и поэтому, как правило, в день его рождения перед этим идолом простирается ниц множество верующих.

Второе царство якобы расположено под южным морем. Считается, что его царь – Чуцзян Ван. Сюда посылают для наказания таких преступников, как священнослужители, которые обманом уводили детей из дома, чтобы воспитать из них монахов; мужья, расставшиеся с женами под ложными предлогами; люди, преступно распорядившиеся имуществом, доверенным их попечению. Здесь же оказываются те, кто ранил или искалечил ближнего посредством неосторожного использования огнестрельного или другого оружия; невежественные врачи, упорствовавшие в назначенном ими лечении; домохозяева, отказывавшиеся освободить рабов,

которые были в состоянии купить свободу, а также мандарины, угнетавшие народ. Жрецов изображают погруженными в замерзший пруд. Опекунов над собственностью, оказавшихся мошенниками, помещают в темные тучи, наполненные песком, от которого они задыхаются. Мандаринов, угнетавших народ, сажают в клетки, где нельзя выпрямиться во весь рост. После нескольких столетий мук в аду злые духи возвращаются в мир в облике пресмыкающихся или других отвратительных тварей. Здесь получают вознаграждение добродетельные люди, покупавшие лекарства для бедняков, дававшие рис нищим и бродягам, наставлявшие молодых и невежественных, избегавшие наклеивать объявления на стенах, чтобы они не упали и написанные или напечатанные на них иероглифы не были попорчены человеческой ногой. Затем этих добродетельных духов направляют в десятое царство, откуда они возвращаются на землю в человеческом облике, чтобы наслаждаться богатством и почестями.

Третьим царством, которое, как считается, расположено под восточным океаном, правит Сунди Ван. Этот царь наказывает министров, виновных в неблагодарности по отношению к императору, жен, неблагодарных мужьям, непослушных сыновей, непокорных рабов, мятежных солдат, беглых преступников, купцов, нечестных со своими деловыми партнерами, людей, которые подвели своих поручителей, геомантов, давших ложное заключение о выбранных для строительства домов или для могил участках, пахарей, которые слу-

чайно выкапывали гробы и пренебрегали обязанностью перезахоронить их на другой земле, людей, отказавшихся от почитания могил своих предков, тех, кто публиковал оскорбительные для соседей пасквилы, писцов, неправильно изложивших мысли своих неграмотных клиентов, фальшивомонетчиков, лжесвидетелей и т. п.

Наказания бывают разных степеней: какие-то сильнее, а другие слабее. Тела некоторых поедают тигры, и при этом никак не могут доесть до конца, что напоминает миф о печени Прометея. Некоторых непрестанно пронзают острыми стрелами; иных вечно потрошат, а другие привязаны к раскаленным докрасна латунным воронкам. Эти несчастные возвращаются на землю в телах чудовищ. Что касается добродетельных людей, являющихся в третье царство, это те, кто на свой счет строили мосты через ручьи или мостили большие дороги. Они получают вознаграждение, и затем их посылают в десятое царство, чтобы они снова могли вернуться на землю и занять там важные государственные посты.

Четвертое царство тоже, по преданию, расположено под восточным морем. Им управляет Угуань Ван. Туда попадают те, кто не платил налогов или квартирной платы, врачи, которые назначали своим пациентам бесполезные лекарства, торговцы шелком, продававшие плохой товар, люди, не уступавшие места пожилым или слепым на улицах или в общественных местах, те, кто преднамеренно уничтожал урожай или убирал межевые столбы своих соседей, священнослужи-

тели, нарушившие монашеский устав. Там должны мучиться также сладострастники, пьяницы, сутенеры, сплетники, прелюбодеи, игроки и драчуны. Некоторых бросают в большие пруды, полные крови, немало людей толкут в ступе, а другие подвешены на балках, поддерживающих крышу этого пыточного зала, при помощи крючьев, продернутых сквозь человеческую плоть. В четвертое царство приходят за наградой добродетельные люди, которые за свой счет обеспечивали гробы для достойного погребения бедных. Души грешников в конце концов возвращаются на этот свет в тела животных, пресмыкающихся и насекомых, а добродетельные души возвращаются к людям, дабы наслаждаться богатством, счастьем и почестями.

Пятым царством управляет Яньлю Ван, который, как рассказывают, неумолим по отношению к любым грешникам. Тех, кому в первом царстве было велено смотреть в огромное зеркало, где отражались отвратительные животные – их будущие обличья, здесь заставляют подниматься на пагоду, с высокой верхушки которой они созерцают и свои родные места, и все земные радости, которые доставляло им общение с любимыми родственниками и близкими друзьями. Это зрелище безвозвратного прошлого усиливает их мучения, после чего они сходят в зал суда, чтобы подвергнуться разнообразным пыткам. Пройдя через череду этих страданий, они вновь всходят на пагоду взглянуть еще раз на сцены из прошлого, что делает нестерпимым их нынешнее состояние.

Помимо них, в этот край попадают те, кто не верил в Будду, — наветчики, клеветники, хулители добрых и хороших людей, а также поджигатели. Некоторых из них распиливают пополам, других обращают в животных или птиц. Людей, прославившихся на земле благотворительностью, Яньло Ван направляет в десятое царство, где им воздают почести. Поскольку день рождения этого царя празднуется в восьмой день первого месяца, многочисленные молящиеся простигаются ниц перед его идолом и торжественно клянутся исправиться. Полагают, что принесенная в этот день клятва — верное средство для того, чтобы получить полное прощение всех прегрешений от Яньло Вана.

Считается, что шестое царство расположено под той частью моря, что омывает северное побережье Китая. Им управляет Бяньчэн Ван, который распределяет наказания среди тех, кто всегда жалуется на время года, карает воров, святотатственно соскребающих позолоту с идолов, хулителей сочинений Конфуция, тех, кто оставляет мусор неподалеку от храмов, тех, кто совершает поклонение богам, не омыв сперва своего тела, читателей непристойных книг. Он же судит тех, кто рисует на фарфоре или вышивает на шелке богов и ангелов, или же солнце, луну и звезды, а также уничтожающих хорошие книги, неэкономно тратящих рис.

Святотатцев, соскребавших позолоту с идолов, подвешивают за кисти и потрошат, уничтожающих хорошие книги подвешивают за ноги и сдирают с них кожу, всегда недо-

вольных погодой распиливают пополам, а других грешников ставят на колени, на острые железки. Здесь получают вознаграждение те добродетельные люди, которые жертвовали часть своего состояния в фонды, учрежденные для возведения храмов или для пожертвований в их пользу.

Седьмым царством, которое, как говорят, расположено под северо-западным океаном, правит Тайшань Ван. Он судит фальшивомонетчиков, стариков, сосавших женские груди (в Китае такое случается), врачей, изготовлявших лекарства из человеческих костей, которые в больших количествах бывают разбросаны на китайских кладбищах. Его суду подлежат также грабители могил, женщины, стремившиеся вызвать у себя выкидыш, учителя, не заботившиеся об учениках, хозяева, дурно обращавшиеся со своими рабами, притеснители бедных и соседей, а также те, кто заискивал перед сильными мира сего. Этот царь велит сбрасывать в вулканы грабителей могил. Практикующих врачей, стремящихся разбогатеть, похищая кости с кладбищ, варят в кипящем масле, а на остальных надевают кангу. Как бы то ни было, считается, что люди, виновные в любом из этих прегрешений, могут искупить их в этой жизни, покупая птиц, выставленных на продажу в лавках торговцев дичью, и выпуская их на свободу, или же обеспечивая гробы для достойного захоронения нищих, которых, за отсутствием домов для бедных, регулярно находят умирающими или уже мертвыми на улицах китайских городов. Этот царь вознаграждает добрых людей,

которые подвергались кровопусканию из рук или ног, чтобы спасти больного родителя, если врач заявлял, что это будет единственным спасением.

Восьмым царством правит Пиндэн Ван, перед которым предстают люди, пренебрегавшие обязанностью помогать своим родителям, или поддерживать их во время болезни, или устраивать их похороны. Он судит также людей, оказавшихся неблагодарными по отношению к своим благодетелям или позволявших себе участвовать в непристойных разговорах. Здесь наказывают женщин, которые вывешивали одежду сушиться на крыше, что китайцы полагают крайне неприятным для духов усопших, поскольку это якобы мешает их полету по воздуху. Непокорных детей превращают в животных или бросают под лошадиные копыта. Виновных в неблагодарности распиливают пополам, ведущих непристойные разговоры привязывают к столбам и отрубают у них языки, а хозяек, заботившихся более о сушке своего белья, чем о духах усопших, погружают в кровавое озеро. Здесь получают вознаграждение люди, которые жертвовали в пользу нищенствующих буддийских монахов.

В девятое царство, которым управляет Души Ван, попадают грешники, виновные в поджоге; художники, продававшие свой талант, рисуя непристойные картины; священнослужители, растратившие средства, отпущенные на благо их монастырей; монахи, продававшие посетителям своих монастырей религиозные брошюры, предназначенные к бесплатной

раздаче; люди, убивавшие птиц, рыб, кур, свиней и тому подобное; сеявшие разлад между мужьями и женами или между родителями и детьми, а также те, кто давал женщинам афродизиаки. Преступных священников и монахов сбрасывают на острые шипы, убивавших кур, свиней и рыб поедают их бывшие жертвы, сеятелей разлада между мужьями и женами пронзают трезубцами, ссоривших родителей с детьми пожирают дикие животные, тех, кто давал лекарства, предназначенные для низменных целей, терзают клыками кабаны. Здесь получают вознаграждение великодушные люди, снабжавшие бедных горячим чаем в холодные зимние месяцы, холодным в летний зной и обеспечивавшие лекарствами больных во время поветрий, а также лодочники, бесплатно перевозившие бедных.

В десятое царство в конечном счете препровождают всех, кому в других царствах были определены наказания или награды; сюда они попадают, чтобы вновь вернуться на землю, — добродетельные в качестве уважаемых и знатных людей, а нечестивые в облике зверей, птиц, насекомых или пресмыкающихся.

С тем чтобы запечатлеть в сознании людей ужасные наказания, ожидающие нечестивцев в этих десяти царствах, во многих городах в четвертый месяц года устраивают символические шествия. В 1865 году я видел такую большую процессию в Тяньцзине. Она состояла из мужчин, мальчиков и девочек, наряженных в тюремные одежды; их вели по ули-

цам другие люди, изображавшие чертенят, приставленных к адским мукам. Эти палачи были облачены в самые нелепые костюмы, а их лица были скрыты под масками ужасающего вида.

Следует упомянуть также о другом божестве государственного культа – о Хуншэн Ване, или Чжужуне, боге южного океана. На большом ежегодном празднике в его честь храм Боло-мяо неподалеку от устья реки Чжуцзян (несколькими милями по течению ниже Хуанпу) переполнен молящимися. Все пространство перед ним покрыто ларьками, которые снабжают всевозможными супами и кушаньями толпы паломников из разных районов провинции. Празднество продолжается три дня и три ночи. Посвященный ему храм, некогда находившийся в местности под названием Яньган-хаи уезда Наньхай, был разрушен по приказу императора Цяньлуна. Связанная с его разрушением любопытная история настолько характерна для Китая, что я осмелюсь рассказать ее здесь. Случилось так, что в одном из помещений храма учитель из рода Хэ держал школу. Однажды в примыкающей к школе комнате он поставил корзину, в которой было немного риса. Пробравшийся в комнату петух взгромоздился на край корзины, которая перевернулась и накрыла его. Весьма обеспокоенный внезапным таинственным исчезновением птицы хозяин воззвал к богу, прося сообщить о ее местонахождении. Как рассказывают, ответ оракула сводился к тому, что петух в храме; и в конце концов его действи-

тельно нашли под корзиной. Хозяин сразу решил, что человек, которому принадлежала корзина, пытался украсть птицу, и публично обвинил учителя в воровстве. Само собой, ложное обвинение очень разгневало учителя. Через несколько лет случилось так, что он успешно сдал экзамены в Пекине, и это достижение дало ему возможность побеседовать с императором Цяньлуном, взошедшим на трон в 1736 году. В ходе разговора государя с подданным последний пожаловался на выдвинутое против него серьезное обвинение и попросил его величество наказать тех, по чьей вине он был подвергнут унижению. Просьба была удовлетворена, и император немедленно велел снести храм, в котором Хэ постигла беда.

Когда храм был разрушен, жители шести соседних деревень, сочтя, что лишение храма – бесчестие для идола, решили по очереди содержать его в своих храмах предков. И тогда каждый год шестнадцатого числа восьмого месяца крестьяне, чей год попечительства истекает, относят идола в Яньганхай, где его встречают и с ликованием уносят крестьяне той деревни, в храме предков которой он проведет следующий год. В течение года крестьяне, ответственные за идола, ежедневно сменяются. Обязанности назначенного для этого человека – приносить божеству в жертву кур, свинину, вино, чай и все необходимое.

Расходы на жертвоприношения покрываются деньгами, которые получают от посетителей театральных представле-

ний в день смены богом резиденции и два последующих дня.

Самое популярное из божеств, которым не воздают почестей на государственном уровне, – это Бэй-ди, или Пак-тай (кантонское произношение), великий бог севера, о котором рассказывают многие китайские предания. Пак-тай, существовавший до возникновения мира, стал распорядителем его судеб. Самое замечательное воплощение бога было таким: Пак-тай, в сердце которого вошел дух солнца, посетил древний народ страны Цин-лэ-го (Чистой радости). Царица этих людей предстала перед ним и была осенена духом солнца. Через четырнадцать месяцев она родила аватару, или воплощение Пак-тая. Он вышел из материнского чрева через разрез, сделанный под левой стороной грудной клетки. Когда он родился, яркое разноцветное облако накрыло страну; воздух был напоен самыми душистыми запахами, а в земле стихийно родились редкие драгоценные камни. Вскоре после рождения дитя представило доказательства большой силы ума и замечательной чистоты души. В семилетнем возрасте мальчик был уже сведущ в разных областях литературы. В пятнадцать лет он оставил дом, невзирая на мольбы родителей, и стал бродить по горам. Там ему явился небесный учитель по имени Юй-Цин-Шэн-Цзу (святой патриарх Нефритовой чистоты), который преподавал ему священные доктрины. После пятисотлетнего послушничества он вознесся на небеса на девятицветной колеснице в сопровождении свиты, состоявшей из ангелов и красавиц. Тогда он и принял

имя Пак-тай.

Затем, как говорится в китайских анналах, мир, вследствие крайней развращенности его обитателей, был разрушен потопом в царствование Яо (2357 год до Р. Х.). Эта дата почти совпадает со временем, когда, согласно нашей хронологии, произошел Ноев потоп, и многие приходили к заключению, что он идентичен потопу, упоминающемуся в Ветхом Завете. Когда понизился уровень вод, вздымавшихся, покуда они не покрыли вершины высочайших гор, Пак-тай вновь явился на земле, дабы искоренить из сердец спасенных богами людей и из сердец их потомков зло, ставшее причиной такого страшного приговора человеческому роду, а также передать им утерянные знания в области земледелия, искусств и наук. Во время правления династии Шан, которая правила в Китае с 1766 по 1122 год до Р. Х., люди вновь стали порочными; тогда Пак-тай вернулся, чтобы перевоспитать их. Прежде всего он сверг царствующий дом Шан и утвердил династию Чжоу. Затем он начал войну против злого духа, чьим легионам, по преданию, помогали огромные и могущественные черепаха со змеей.

Китайцы считают Пак-тая одним из самых милосердных богов. Обычно посвященные ему храмы переполнены молящимися. Нередко люди, предпринимая какую-нибудь торговую операцию, обращаются к нему за благословением. Если их предприятие оказывается успешным, они помещают на стенах храма позолоченную табличку с четырьмя китайски-

ми иероглифами, которые выражают их благодарность боже-
ству. В 1862 году я посетил один из главных храмов Пак-тая
и был поражен, увидев человека, принадлежавшего к умней-
шим из тех китайских купцов, с которыми вели дела ино-
странны: он обращался к идолу с целью получить пророче-
ство. Он сказал мне, что собирается начать серьезную де-
ловую операцию совместно с одним английским купцом, и
поэтому молит Пак-тая даровать его делам свою промысли-
тельную заботу.

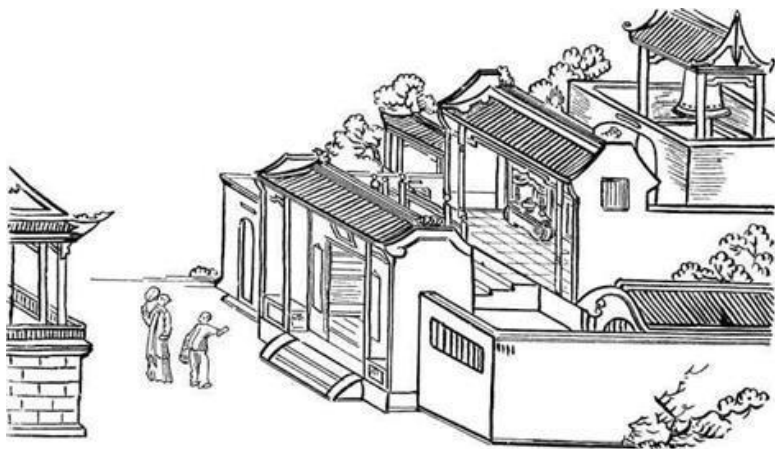
В конце года деловые партнеры нередко составляют де-
кларацию, написанную ярко-красными иероглифами на жел-
той бумаге, в которой говорится, что во всех сделках они бы-
ли верны друг другу. Такую декларацию они приносят в один
из храмов этого бога и, прочитав ее вслух перед его идолом,
сжигают, чтобы передать ее богу, а также для ее регистрации.
Хозяева и слуги тоже скрепляют там свои соглашения. Кро-
ме того, храмы Пак-тая посещают, чтобы принести клятву
или сделать торжественное заявление. В основном это каса-
ется людей, обвиненных в краже и желающих заявить о своей
невиновности. В 1862 году я видел в кантонском храме Пак-
тая почтенного старца, которого привел гуда молодой чело-
век, желая выслушать от него некое клятвенное заверение.
Когда они помолились и возжгли благовония, юноша спро-
сил своего спутника: «Смеешь ли ты в присутствии идола
заявить, что ты невиновен в краже моей одежды?» Старик
торжественно заявил, что он ничуть не виновен в этом, и об-

винителя его ответ, казалось, вполне удовлетворил.

Следует упомянуть также глубоко чтимых китайцами Пять Гениев. Они правят так называемыми пятью первоэлементами, а именно Огнем, Землей, Водой, Металлом и Деревом. Пяти Гениям воздают почести в четвертый месяц каждого года, устраивая пышные пиры. В это время в их храмы приходят многочисленные верующие, чтобы поблагодарить этих богов за исцеление. Они приходят в красных платьях, подобных одеждам китайских осужденных или тюремных узников, с цепями вокруг шеи, оковами на щиколотках и наручниках на запястьях в знак того, что смиряются и считают себя недостойными. Даосские священнослужители утверждают, что во власти этих божеств излечивать больных, поскольку человеческое тело состоит из элементов, которыми они управляют. Здоровье или болезнь зависят от правильного или неправильного соотношения пяти элементов в теле.

На большом жертвеннике у ног Пяти Гениев в их храме под названием У сянь Гуань на Большой рыночной улице в Кантоне находятся пять камней. Считается, что это окаменевшие останки пяти баранов, на которых боги въехали в город. Во время въезда каждый из Гениев держал в руке пшеничный колос. По преданию, первый из них был одет в белое, второй – в желтое, третий – в черное, четвертый – в зеленое, а пятый – в красное. Пройдя через один из главных рынков, Гении сказали: пусть голод никогда не посетит рынки этой местности, и улетели. На месте, где стояли бараны,

нашли пять камней и сразу же решили, что это и есть те самые бараны. В результате этого легендарного визита Гениев Кантон иногда называют городом Баранов, городом Гениев, или Ангелов, а также городом Зерна.

Храм Пяти Гениев в Кантоне

На большой колокольне храма находится, на мой взгляд, самый большой в Южном Китае колокол^[37]. Однако он никогда не звонил, поскольку и маньчжуры и китайцы (особенно первые) верят, что, как только он зазвонит, город постигнет беда. Почти ни у каких китайских колоколов нет языков. В 1865 году, когда адмирал сэра Майкл Сеймур бомбардировал Кантон, от выстрела одного из орудий судна во величе-

ства «Encounter» колокол зазвонил. И конечно, этому звону китайцы приписали последующее взятие города союзными армиями Великобритании и Франции.

Заметное место среди почитаемых китайцами богинь занимает Тянь-Хоу, Небесная царица. Эта канонизированная святая была уроженкой провинции Фуцзянь и принадлежала к семье Линь. Ее будущее величие предвещали сверхъестественные события. Еще в младенчестве она казалась развитой не по годам. Когда ей исполнилось одиннадцать, она пожелала стать даосской монахиней, однако родители не были согласны с ее решением, и она осталась жить с ними. Четверо ее братьев были купцами. Однажды, когда они отсутствовали по торговым делам, она впала в глубокое забытие и пробудилась только от громких причитаний родителей, решивших, что она умерла. Придя в себя, Тянь-Хоу сообщила родителям, что видела, как братья плыли по морю и попали в страшную бурю. Вскоре после этого младший сын вернулся домой и сообщил, что старший погиб в море. Он рассказал, что во время бури в небесах появилась какая-то женщина, взяла корабль на буксир и увела его в безопасное место. В это время в комнату вошла сестра и сразу же поздравила его со спасением. Она сказала, что хотела спасти и старшего брата, но как раз когда подала ему руку помощи, ее пробудил от видения плач скорбящих родителей.

Когда Тянь-хоу умерла в возрасте двадцати лет, родственники заявили, что раз в месяц ее дух возвращается домой. Из

этого они заключили, что она стала богиней, и воздвигли в ее честь храм. Слава о ней скоро распространилась повсюду, и в анналах содержатся многочисленные примеры спасения ею попавших в шторм экипажей кораблей. Еще в XVIII веке благодаря ее вмешательству был спасен императорский посол; ей приписывают также спасение людей во время правления династии Сун (примерно за семьсот лет до того). И поэтому в настоящее время ее храмы есть во всех провинциях, а император Даогуан даровал ей еще более почетный титул Тянь-ди-хоу. Этой богине поклоняются многочисленные верующие. Особенно ее почитают рыбаки и моряки. День ее рождения празднуют двадцать третьего числа третьего месяца. В рамках государственного культа ей поклоняются, когда отмечают новогодние праздники, а также во время равноденствий.

Гуаньинь, богине милосердия, поклоняются с большой торжественностью в девятнадцатый день второго месяца (это день ее рождения), а также в дни годовщины ее смерти и канонизации. История жизненного пути этой канонизированной буддийской монахини полна чудес; и едва ли можно, придя в ее храм, не найти там женщин и детей. Во время посвященных ей праздников в храмы стекается множество женщин; они зажигают ароматические свечи, стоящие в священном светильнике над алтарем. Они относят горящие свечи к себе домой, потому что считается, что поднимающийся от них дымок обладает очищающим действием. Другие

молящиеся, у которых есть больные родственники, обращают чай к дыму, который поднимается над горящими на алтаре благовониями. Вернувшись домой, они поят им больных. Часто Гуаньинь молятся и во время праздника Цинмин, или Почитания могил. Полагают, что ее забота распространяется и на души умерших. В это время перед ее жертвенниками сжигают бумажную одежду и даже сделанные из того же материала дома, слуг и носилки. Согласно поверью, богиня передает эти жертвы душам усопших, которым они и предназначены. Эту церемонию обычно совершают в полночь. Кроме того, в это время женщины приходят в ее храмы помолиться за больных мужей или детей. В таких случаях моление совершают буддийские монахи. Перед идолом ставят два стола, отстоящие друг от друга приблизительно на шесть футов, а на них кладут фрукты и цветы, предназначенные для жертвоприношения. Женщины сидят или стоят на коленях неподалеку от столов, а монахи огибают их под медленную музыку, которая становится все быстрее, и кончается тем, что монахи двигаются бегом. Эта нелепая служба заканчивается тем, что монахи гурьбой бросаются к женщинам и поздравляют их.

По всей империи множество храмов, воздвигнутых в честь богини милосердия. В самом значительном из ее кантонских храмов некогда находилось несколько очень ценных украшений, поднесенных богине императором Даогуаном за блага, которыми она, как полагали, одарила южную часть им-

перии. Драгоценное украшение из нефрита было даром богине за победу над британскими варварами, которую якобы именно она даровала китайским войскам в 1841 году.

Другая богиня, популярная среди замужних китайянок, — это Цзиньхуа, которая покровительствует женщинам и детям. Она была уроженкой Кантона и жила во время царствования императора Чэнхуа (Сянь-цзуна), который взошел на трон в 1465 году. Еще в самом юном возрасте она была постоянной посетительницей всех храмов, расположенных неподалеку от ее дома. По преданию, она обладала способностью общаться с душами умерших. Устав наконец от этого мира, она утопилась. Через некоторое время ее тело всплыло, и воздух наполнился сладостным ароматом. Когда тело было положено в гроб, все увидели, как со дна реки поднялась сандаловая статуя Цзиньхуа и застыла на месте. Для нее воздвигли храм, но какой-то иконоборец умышленно сжег идола, и теперь он заменен глиняной статуей. Ее главный храм находится в Хэнане, пригороде Кантона. По большей части ей поклоняются замужние женщины, желающие родить ребенка. Она считается китайской Венерой Прародительницей. Список обязанностей, распределенных между ее прислужницами, это настоящее пособие по искусству растить детей. Одна из них считается защитницей детей, больных оспой, вторая отвечает за омовение малышей, третья надзирает за кормлением новорожденных и грудных детей, четвертая покровительствует мальчикам, пятая следит

за тщательностью подготовки еды для малышей, шестая присматривает за родами, во власти седьмой – даровать зачатой женщине дитя женского или мужского пола в ответ на ее молитвы, восьмая может благословить женщину ребенком мужского пола, девятая делает детей жизнерадостными и веселыми, десятая надзирает за обрезанием пуповины, одиннадцатая обеспечивает зачатие, на попечении двенадцатой – обучение детей улыбаться, тринадцатая отвечает за малышей, которые еще не научились ходить, четырнадцатая учит их ходить, пятнадцатая занимается тем, что учит их сосать, шестнадцатая присматривает за еще неродившимися детьми, семнадцатая следит, чтобы на телах детей, которые вот-вот должны родиться, не было ран или язв, восемнадцатая покровительствует девочкам, девятнадцатая наделяет детей силами. Двадцатую прислужницу Цзиньхуа зовут Хо-ши-хуа-фужэнь.

Триада чистых

Идолов прислужниц (у которых они есть) изображают с детьми в руках. Им нередко поклоняются бесплодные жен-

щины. Они обвивают веревками шеи детей на руках идолов. В храмах Цзиньхуа выставляют на продажу пачки чая, которые покупают матери для своих больных детей. Сначала мать подносит чай богине, а затем смешивает его с пеплом ароматических свечей, горящих на жертвеннике.

Большое торжество устраивают по поводу дня рождения Цзиньхуа. Эта богиня, кажется, более популярна на севере Китая, чем на юге.

Китайское идолопоклонство достигает верха нелепости или даже греховности в обожествлении обезьяны, носящей звучный титул «Великого Мудреца, равного Небу». Родившись из камня, это животное провозгласило себя царем обезьян. В конце концов, обезьяна выучилась языку и повадкам людей и обрела сверхъестественные способности. Она заняла место среди богов вопреки их нежеланию допустить ее в свой круг и добилась от Юй хуанди (Нефритового императора) присуждения ей божественного титула. Идол этого животного с протянутыми как бы при благословении руками находится в храме Пяти Гениев. Каждый год его снабжают шапкой и шелковыми одеждами. Среди молящихся ему часто встречаются женщины в положении и игроки. Как ни удивительно, иногда китайские матери посвящают детей этому богу.

Среди других важных божеств китайцев можно упомянуть Шэ Цзи, кому, как богу земли и зерна, дважды в год поклоняются на официальном уровне, и Фэн-Хо-Шэнь, или

богов ветра и огня, которые также являются объектами государственного культа. Можно добавить, что в каждом укрепленном городе есть храмы под названием Чжунле-цы. Они воздвигнуты в честь Верных Министров; туда помещают таблички в честь людей, отличившихся на государственной службе.

Глава 6

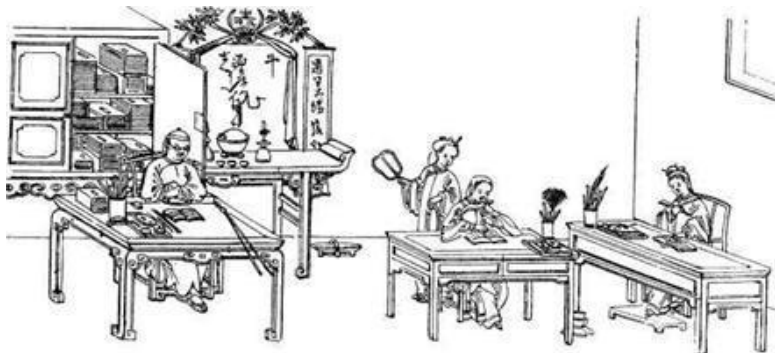
Просвещение и печать

Ученость – это путь ко всем почетным и значительным должностям в Китае. Возможно, нет другой такой страны, где образование определенного рода было бы настолько популярно среди мужского населения. Система конкурсных экзаменов и тот факт, что знания в области литературы – необходимое условие для получения высочайших государственных постов, для национального просвещения оказываются сильнейшим стимулом. Таким образом, совсем не трудно убедить китайских родителей отправить детей в школу; и поскольку школы многочисленны, а школьные учителя в общем непритязательны, самые бедные люди в состоянии обеспечить своим детям образование, которое может позволить им в перспективе занять высокий государственный пост. Но хотя государство многое делает для поощрения образования, по-моему, нет слоя общества, которому оно давалось бы за государственный счет, за исключением сыновей высокопоставленных государственных служащих и знатных маньчжуров, посещающих государственное учебное заведение, устроенное для них в Пекине. Они обучаются там китайскому, монгольскому и маньчжурскому языкам; по завершении курса их отправляют в разные части империи служить посланниками, пока не станут вакантными более важные долж-

ности. Избранных учащихся готовят к последующей службе в астрономическом департаменте, основная обязанность которого – информировать императора о датах грядущих солнечных и лунных затмений.

Вопреки существующему мнению, образование в Китае доступно не только сильному полу. Напротив, по крайней мере на юге Китая, весьма многочисленны школы, где молодые дамы получают образование и столоуются; ими руководят учителя или воспитательницы. Кроме того, нередки случаи, когда молодые дамы получают образование дома под надзором учителя. Вероятно, кто-то может решить, будто в Китае женское образование – новшество. Но это далеко не так: в китайских библиотеках, как правило, можно найти книги, содержащие жизнеописания женщин, которые во время правления предшествующих династий славились своей великой ученостью. Однако не может быть сомнений в том, что среди женщин образование распространено гораздо меньше, чем среди мужчин. Женщины, принадлежащие к более бедным слоям общества, довольно-таки невежественны. Судя по полученному мной интересному письму на эту тему, в северных провинциях Китая обучение женщин почти совершенно заброшено. Мистер Коллинз пишет мне о пренебрежении женским образованием в северных провинциях: «Во время моего пребывания в монастыре Би-юнь-сы весной нынешнего, 1855 года меня посетили более трехсот двадцати женщин разного общественного положения. Среди них бы-

ла принцесса, принадлежащая к императорской фамилии и вышедшая замуж за мандарина самого высокого ранга, с коралловым шариком на головном уборе. Ее сопровождали четыре дочери – миловидные, интересные девушки в возрасте от шестнадцати до двадцати трех лет, – две невестки, младший сын и несколько фрейлин. Я осведомился у леди, умеет ли она читать, и получил отрицательный ответ, а спросив, умеют ли читать ее более молодые спутницы, получил обычный ответ: «Здесь, на севере, девушек не учат». Мать – видная пятидесятилетняя женщина, держащаяся с достоинством, согласно китайским представлениям – настоящая дама; ее отличает ощущение собственного превосходства, которое так свойственно знатным маньчжурским дамам. Среди всех моих посетительниц умели читать лишь две женщины, и они не были знатными. В прошлом году доля грамотных среди посетивших меня двухсот девяноста женщин была несколько выше. Из них умели читать три маньчжурские дамы и две менее знатные китаянки. Маленькая дочь уездного магистрата навестила меня и сообщила, что она каждый день читает с учителем, который в то же время занимается и с двумя мальчиками из других семей».

Домашний наставник занимается с девочками

Как и в Англии, в Китае существует две разновидности школ: без пансиона и интернаты. Первые обычно устраивают в главных залах редко посещаемых храмов и в свободных цеховых помещениях. Каждому мальчику отведены стул и парта. Парты расставлены так, чтобы не дать ученикам возможности разговаривать во время занятий. Чтобы учитель знал, что его питомцы внимательны, при заучивании уроков наизусть им велят читать вслух, поэтому шум, доносящийся из китайских школ, может создать у иностранца впечатление, будто это сумасшедший дом, а не учебное заведение. Существуют и школы высшего разряда, которые посещают студенты восемнадцати лет и старше. Там каждому ученику предоставляют отдельную комнату. Есть также общий зал, где директор школы читает лекции по китайским классиче-

ским книгам. Считается, что посещающие эти школы юноши готовятся к экзамену на степень бакалавра искусств. И пока они не получают этой степени, не имеют права поступить в университет. Другие студенты стремятся к деревенскому уединению, выбирая романтические красоты в качестве фона для своих занятий. На юге Китая студенты часто отправляются в горы Сицзяо, где находят удобные пристанища в скитах, пагодах и храмах, построенных с большим вкусом и окруженных деревьями с пышной листвой^[38].

Родители отправляют детей в школу уже в шесть лет и очень заботятся о выборе достойного учителя. Радение христианского родителя о том, чтобы познакомить детей с истинами божественного откровения, едва ли может быть сильнее, чем искреннее желание китайца обеспечить всестороннее знание об учениях древних мудрецов своим потомством.

Когда учитель выбран, как правило, общий друг договаривается о выгодных для родителей условиях его вознаграждения; составляется письменный договор. Все родители угощают учителя обедом по случаю того, что их сыновья становятся школьниками, а в богатых домах, когда выбирают учителя или домашнего наставника для сына, дают театральные представления. Первый раз мальчик приходит в школу в счастливый день^[39], выбранный предсказателем, и приносит денежный подарок для учителя. Его также снабжают так называемой визитной карточкой школьника. Войдя в школу, он прежде всего обращается лицом к святилищу Конфуция,

которое бывает в каждой школе, и совершает поклонение великому философу. Затем он приветствует своего учителя, подносит ему подарок и свою визитную карточку. Последний, объяснив ученику новые обязанности, проводит его к парте. Каникулы бывают во время празднования Нового года и осенью. Но нередко школьникам приходится возвращаться домой для участия в некоторых религиозных торжествах, например в почитании могил и табличек предков, а также в праздновании дней рождения родителей, дедушек и бабушек. Мальчики энергичны и веселы и в этом отношении очень напоминают английских школьников. Учителя – это обычно люди, которые получили степень бакалавра искусств, но не смогли сдать экзамены на более высокую степень. Однако мне встречались и обладатели докторской степени, очевидно предпочитавшие государственной должности преподавание.

Китайский учитель по отношению к своим ученикам занимает место отца и твердо верит в истину высказывания «кто жалеет розгу, тот портит ребенка». В каждом учебном заведении подобного рода (а я был во многих школах) я видел палку. Как мальчиков, так и девочек беспощадно наказывают за любое нарушение правил поведения или школьного распорядка. Во время одного из таких посещений со мной был один мой друг, капитан британского флота. Как только мальчики увидели его форму, они в панике бросились вон из класса через заднюю дверь – решили, что за их душами

явился целый отряд моряков в синей форме; очевидно, не меньше перепугался и учитель.

Во всех школах на юге Китая обучение начинается с триметрического канона («Сань цзы цзина», или «Трое-словия»). От него переходят к тексту тысячи иероглифов («Цянь цзы вэня») и к сборнику стихов для младших учеников. Каждое предложение первой книги состоит из трех иероглифов. Они легки для понимания и заучивания наизусть. Хотя стиль этой книги крайне прост, считается, что ее содержание очень важно. Когда ученик в состоянии объяснить содержащиеся в них аллюзии исторического, литературного, ботанического и зоологического характера, полагают, что он сильно продвинулся вперед. В школах других провинций дети иногда начинают с заучивания наизусть фамилий. Текст тысячи иероглифов состоит из разных иероглифов, причем родственные знаки сгруппированы. Каждое предложение состоит из четырех иероглифов, а каждая пара предложений образует рифмованную строфу, что облегчает ученикам заучивание текста. В сборнике од для юношества каждое предложение состоит из пяти иероглифов. Замысел этой книги – пробудить в учениках внимательное отношение к занятиям, чтобы они по-настоящему постигли каноны. Такое знание в Китае – ключ к власти, богатству и славе. В сознание ученика внедряется глубокое восхищение древними мудрецами, посвятившими свою жизнь тому, чтобы вести людей к познанию и осуществлению мирового добра. Вот

почему китайские интеллигенты – *literati*, с юных лет приученные считать труды великих мудрецов неизмеримо выше любых достижений позднейших эпох, не создают и не создавали ничего самостоятельного.

Когда ученик прошел этот курс обучения, он начинает изучение четырех книг – «Шу». О них я уже упоминал в 4-й главе. Можно сказать, что образование китайца главным образом заключается в изучении этики, а фундаментальную задачу всех этих текстов, вероятно, можно сформулировать в немногих словах. Она состоит в том, чтобы воспитать в людях добродетельность, дабы они могли достойно и успешно исполнять свой политический и общественный долг. Содержащиеся в канонах, например в «Шу Цзине», метафизические спекуляции крайне непродуманны. Великое Учение и Учение о Середине, или Учение Золотой Середины, как перевел это название Колли, были составлены соответственно Цзэн-фу-цзы и Цзы-сы – преданными учениками Конфуция; последний к тому же был его внуком. Четвертая из «Шу» состоит из сочинений Мэн-цзы, смелого и творческого мыслителя, жившего приблизительно через сто лет после Конфуция. Правительство определило, что во время экзаменов на ученые степени темы для испытания экзаменующихся должны быть взяты из четырех «Шу». Студенты заучивают их наизусть и посещают посвященные им лекции. Лекторов в университетах продвигают в должности в соответствии с тем, насколько посещаемы их занятия, поэтому желание сделать

карьеру стимулирует их усердие. Я время от времени посещал училища и колледжи, когда лекторы разъясняли учения мудрецов. Молчание, царившее в это время, было будто в христианском храме. Даже слуги, по-видимому, на это время прекращали свою работу, чтобы не потревожить лектора. Только в качестве особой чести дозволяется подходить близко к залу, когда внутри читают лекцию.

Когда студент выучился четверем «Шу», он изучает «Канон сыновней почтительности» («Сяо цзин»). Этот труд приписывают Конфуцию; по преданию, завершив его, он сообщил об этом богам, и они выказали одобрение его труду, явив в небе большую радугу. Она постепенно стекла на землю и обратилась в огромную жемчужину.

Затем студент принимается за изучение пяти «Цзинов», содержание которых я кратко охарактеризовал ранее. За этим курсом следует изучение истории и общей литературы. Чтобы овладеть правилами литературной композиции, учащийся знакомится с сочинениями знаменитых писателей. На этом этапе ему часто приходится обсуждать достоинства прочитанного с наставником. Последний критикует ход мысли в этих сочинениях, а учащийся должен защищать. Считается, что, пройдя этот курс, студент готов сдавать экзамены на степень бакалавра искусств.

Экзамены на степень бакалавра искусств, или первую ученую степень, проводятся по всей империи два раза в каждые три года, а экзамены на вторую степень – степень маги-

стра искусств – бывают один раз в три года. Экзамены на степень бакалавра искусств проходят в областных городах каждой провинции. Их устраивают в больших залах наподобие театра в Оксфорде или здания совета в Кембридже. Экзаменаторы в каждой провинции – правители уездов, правители областей и судья-литератор. Перед тем как явиться на экзамен, кандидаты направляются каждый в свой уездный город и оставляют в канцелярии уездного правителя документ, подписанный одним джентри или более этого уезда. В этом документе говорится, что они имеют право участвовать в испытаниях на степень бакалавра искусств как свободно рожденные подданные государства и что они не подпадают ни под какие запреты (сдавать экзамены не разрешается детям актеров, перевозчиков, полицейских и т. п.). Кроме того, там сообщается о возрасте кандидата и месте его рождения. Все правительственные сборы должны уплатить отцы молодых людей до того, как последних признают кандидатами.

В день экзамена спозаранку кандидат отправляется в экзаменационный зал областного города. В руках у него корзинка своеобразной формы, в которой находятся кисточки, тушечница и тушь; у служащего он покупает бумагу, на которой будет писать свои сочинения. Ее продают студентам по крайне высокой цене, и, поскольку лишь в одной провинции иногда набирается до восьми тысяч кандидатов, эта мера, вероятно, приносит значительный доход в государственную казну. В определенный час раздается выстрел из пушки,

и привратник закрывает ворота, ведущие в зал. Никто не может ни войти в зал, ни выйти из него до окончания экзамена. Когда студенты занимают свои места по одну сторону длинных столов, расставленных параллельными рядами, распределяются темы сочинений. Эти темы, как я уже говорил, берутся из четырех «Шу». Когда кандидат напишет два требуемых сочинения, то принимается за стихотворение из двенадцати строчек, по пять иероглифов в каждой. Затем кандидат должен воспроизвести на память фрагмент священного указа. В конце дня снова раздается пушечный выстрел, и студентам разрешают уйти. Однако тех, кто пишет медленно, обеспечивают освещением, чтобы они смогли закончить свои работы.

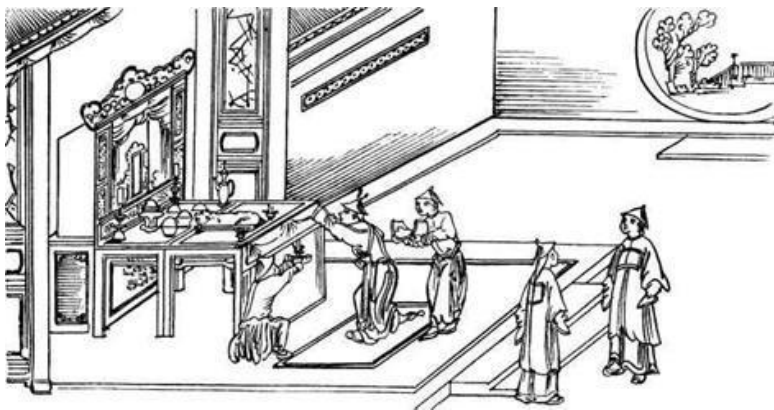
На следующий день экзаменаторы внимательно читают сочинения и составляют список кандидатов согласно результатам испытаний. Через два или три дня перечень кандидатов, выдержавших экзамен, вывешивают на стенах зала. Кандидаты, чьи имена не упомянуты в этом перечне, не посещают последующие испытания, которых бывает шесть или семь. Во время второго экзамена, который проводит правитель области во внутреннем зале своего ямэня, из четырех «Шу» выбирается только одна тема, вторую берут из Пяти канонов. Успешно прошедшие это испытание кандидаты участвуют в третьем экзамене, который проводит судья-литератор. В этом случае сочинение пишут по какой-нибудь фразе одной из четырех «Шу». Здесь снова обязатель-

но стихотворение из двенадцати строчек, а также подробное обсуждение натурфилософских проблем. Остальные четыре экзамена тоже проводит судья-литератор. На них, как и на первых испытаниях, кандидаты пишут сочинения и стихи. Из шести или семи тысяч кандидатов к последнему состязанию остается, вероятно, не более сотни. Из этого количества не более шестидесяти получают степень бакалавра искусств. Иногда полагают, что предложенный правительством стандарт знания литературы очень высок, поскольку так мало кандидатов выдерживают экзамены. Однако это заблуждение, так как, сколько бы кандидатов ни явилось сдавать экзамены, судье-литератору в любом случае позволено утвердить лишь шестьдесят человек. Утвержденные кандидаты являются в ямэнь судьи-литератора, чтобы получить знак отличия – золотой цветок, который носят на верхушке шапки или шляпы; он считается подарком императора. Кроме того, на плечи надевают богато вышитый капюшон или воротник, как выпускникам английских университетов. Когда эта церемония под названием цзинь-хуа окончена, удачливых кандидатов приглашают пообедать с судьей-литератором.

После оглашения списка имен шестидесяти избранных берега окрестных рек и заливов становятся очень оживленными. Можно видеть, как команды, состоящие из четырех-шести человек, гонят во всех направлениях легкие лодочки, чтобы принести взволнованным родителям вести об

успехах их сыновей. Кое-кто бродит по городским улицам, сообщая окружающим громким голосом, что у них продаются точные списки выдержавших экзамены кандидатов. После того как новый обладатель ученой степени доберется до дома, первые несколько дней ему приходится проводить на-нося визиты вежливости. Интересно, что он должен совершить поклонение в храме предков своей семьи. Кроме того, он обязан посетить своего учителя. Бакалавра в паланкине несут четверо, его сопровождают родственники и друзья, тоже в паланкинах. Процессию увеличивают золоченые балдахины, под которыми находятся подарки: свинина, пироги, фрукты и цветы. Каждый балдахин несут четверо. Впереди идут музыканты и знаменосцы. Когда такое шествие проходит по улицам города, молодой бакалавр – это герой дня.

Теперь бакалавры искусств зачислены в университеты. Университет есть, по всей видимости, в каждом укрепленном городе. Там они готовятся держать экзамен на степень магистра искусств. Экзамены на эту степень проводятся только в столицах провинций^{40}. Кандидатов нередко бывает больше семи или восьми тысяч – это все бакалавры искусств провинции.

Человек, получивший степень бакалавра, поклоняется табличкам с именами предков

Экзамен проводится в большом зале, разделенном на отсеки. В столице каждой провинции есть по одному такому залу, называемому гун-юань. Каждый студент заходит в свой отсек. В нем он остается и днем и ночью до конца экзамена. Каждый из рядов носит свое название. Отсеки пронумерованы, поэтому экзаменаторам несложно вызвать любого кандидата в случае необходимости. На площадке, окруженной рядами отсеков, расположена постройка, где помещаются экзаменаторы. Состав этой группы утверждает император; в каждую провинцию из Пекина шлют двух экзаменаторов. Это люди, известные своими познаниями в литературе. Провинциальные чиновники принимают их со всяческими почестями и уважением. На утро шестого дня восьмого месяца каж-

дого третьего года все мандарины сопровождают экзаменаторов в гун-юань. Генерал-губернатора в этот момент несут на плечах в открытом паланкине шестнадцать человек. Через два дня проводится экзамен, и студенты, купив бумагу, расходятся по своим отсекам, по мере того как их вызывает проверяющий – футай, или губернатор. Перед тем как впустить в отсеки, экзаменуемых обыскивают на предмет наличия справочной литературы. Первый экзамен продолжается два дня, на протяжении которых от студентов требуется написать три сочинения, руководствуясь цитатами из четырех «Шу», а также стихотворение из двенадцати пятистопных строчек. Во время второго испытания, которое также продолжается два дня, они пишут пять сочинений на темы из Пяти канонов. Во время третьего испытания они пишут пять сочинений на любые темы, которые сочтут нужным предложить экзаменаторы. Кандидаты сдают свои работы специально назначенным для этого служащим. Те передают их служащим, которые контролируют переписывание работ красными чернилами. Другие чиновники внимательно сравнивают получившиеся копии с оригиналами и наклеивают листок бумаги на имя кандидата, написанное на чистой странице. Затем сочинения делят между собой десять экзаменаторов, обязанность которых – определить правильность грамматики, а также разумность и последовательность рассуждений. Одобренные ими сочинения отдают пекинским экзаменаторам. Когда рассмотрение работ окончено, с имен соискате-

лей, выдержавших экзамен, снимают наклеенную бумагу и торжественно объявляют, кто успешно прошел испытания. Студент, имя которого возглавляет список, получает звание цзе-юань.

Поздравительный визит к выдержавшему экзамены

Новых магистров искусств в ямэне генерал-губернатора награждают золотым цветком и капюшоном или воротником, расшитым более богато, чем тот, который носят выдержавшие экзамен на степень бакалавра искусств. За этой церемонией следует банкет, на котором они встречаются со всеми значительными чиновниками города и его окрестностей. Все это вызывает, конечно, куда большее волнение, чем

экзамены на степень бакалавра искусств. Успех соискателя, сдавшего экзамен, радостен не только для его семьи, но и для всего рода. На стенах храма предков вывешивают доски с именами членов клана, получивших эту степень. Письмо, в котором экзаменаторы сообщают главе семьи об успехе одного из ее членов, вывешивают на стенах его дома. Конечно, когда успешно сдавший экзамены на степень магистра возвращается домой, его ожидают визиты вежливости и разные торжества. Друзья и родственники со свитой знаменосцев и музыкантов сопровождают его к храму предков, дабы он мог засвидетельствовать почтение усопшим предкам, чью фамилию он носит. Затем юный бакалавр приступает к необходимым приготовлениям для путешествия в Пекин: там он должен сдавать экзамен на третью ученую степень, которая называется цзиньши. Эти испытания неизменно проходят в шестой день третьего месяца следующего года. Их проводят премьер-министр и один из князей – членов императорской семьи вместе с тремя другими экзаменаторами. Экзамены проходят сходно с теми, что проходят на получение двух предшествующих степеней. Выдержавшие экзамен кандидаты, первый из которых получает титул хуэй-юань, не возвращаются в свои провинции, а остаются в Пекине для участия в экзамене на четвертую степень – ханьлиня, или доктора права. Имена соискателей правительство сообщает губернаторам их провинций, а те передают информацию правителям областей, откуда родом новоиспеченные цзиньши.

Правители областей приказывают, чтобы таблички с этими именами, написанными золочеными иероглифами, отнесли на государственных носилках вместе с различными подарками счастливым родителям выдержавших экзамены юношей. Как правило, правители областей получают хорошее вознаграждение за долгожданные вести; и я помню случай, когда родители были так рады, что их сын успешно сдал экзамены, что подарили одному из этих чиновников четыреста долларов.

Экзамен на степень ханьлиня, или доктора права, проводится в императорском дворце в Пекине самим императором. Испытание состоит в том, что кандидаты должны дать письменный ответ на любой вопрос, предложенный императором. Кандидаты, успешно сдавшие экзамен, делятся на четыре класса. Принадлежащим к первому классу присуждают ученую степень и назначают для важных должностей. Те, кого отнесли ко второму классу, становятся членами внутреннего совета, к третьему – получают место в одном из шести высших судов, к четвертому – становятся правителями областей. Новоиспеченных ханьлиней приглашают на обед к императору; каждый гость сидит за отдельным столом, на котором стоят самые изысканные кушанья, – это считается большой честью. Первый из сдавших эти экзамены называется чжуаньюанем, и слава о нем разносится по всей империи. Вестники разъезжают по стране, сообщая его имя и в отдаленных селениях, и в многолюдных городах;

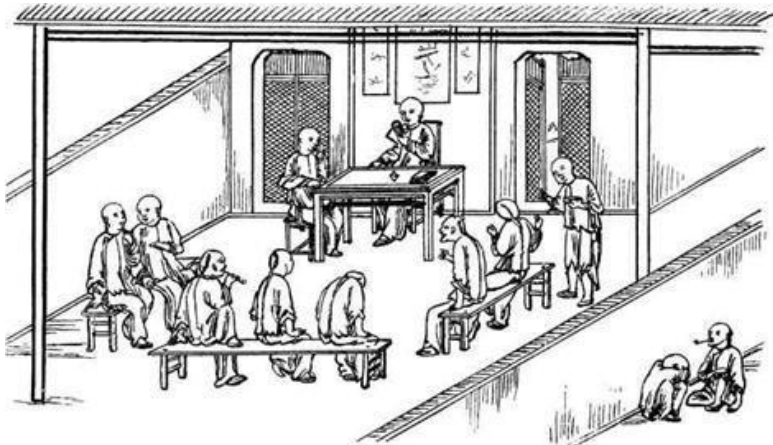
люди разных званий придают особое значение тому, чтобы узнать некоторые подробности о его семье и образовании. Когда чжуаньюань путешествует, содержатели многочисленных постоянных дворов, где он останавливается, считают присутствие такого высокопоставленного посетителя очень почетным. В 1872 году Кантон имел честь стать родиной чжуаньюаня, и в этом году первый из ханьлиней совершил триумфальный въезд в этот город.

Зал Ханьлинь, в котором присуждается степень доктора юридических наук, построен в форме параллелограмма. По всем четырем его сторонам идет крытая галерея. У стен галереи находятся мраморные плиты, на которых начертан подлинный текст Конфуция. В центре, под балдахином, стоит трон, на котором восседает император, когда ему приходится разъяснять положения конфуцианства об исполнении государственного долга своим министрам. Когда присуждается степень доктора юридических наук, кандидаты выстраиваются вокруг трона, и по мере того как выкликают имя каждого из них, император красной тушью делает отметку против этого имени в перечне, который лежит перед ним.

Сочинения, которые пишут кандидаты на соискание разных степеней, должны содержать не меньше трехсот шестидесяти и не больше семисот двадцати иероглифов. Заметки на полях и исправления допускаются, если их объем не превышает ста иероглифов. Китайцы признают не менее шести стилей написания знаков, и, поскольку от пишущих сочи-

ние требуется особое внимание к каллиграфии, они пользуются кай-шу – самым изысканным стилем. Другие стили письма – это чжуань-шу, или «древнее написание, которое ведет начало непосредственно от иероглифики; начертанный при его помощи знак – карикатура, или нечто неуклюжее и незаконченное»; ли-шу, который «используется для официальных нужд; он свободнее книжного»; син-шу – «ровный плавный почерк, которым пишутся бумаги, требующие резолюции»; цао-шу – «быстрый и краткий» способ написания, который используется при обычных сделках и в переписке; и сун-ти, «нормальный вид иероглифа, используемый в печати». Китайцы относятся к письменному языку почти с религиозным благоговением. Они никогда не забывают о том, что это средство, при помощи которого они обретают мудрость древних. Интеллигенты – *literati* – нанимают людей ходить по городским и деревенским улицам и собирать бумажный мусор в домах и лавках, дабы никто не топтал обрывки, на которых начертаны китайские иероглифы. Каждому из них дают две корзины. При крике такого человека: «Си-цзы-чжи!» («Берегите печатную бумагу!») – люди бегут к дверям и опорожняют свои корзины для бумаг, высыпая их содержимое в его корзины. Когда его корзины наполняются, он относит их в храм или в цеховое здание, где устроена специальная печь для уничтожения собранной таким образом бумаги. Часто пепел от этой бумаги складывают в глиняные сосуды и выбрасывают в реку, чтобы она унесла его в море.

Кроме тех классических книг, о которых я упоминал, у китайцев, конечно, есть множество исторических, политических и философских трудов, всевозможных романов и прочих разнообразных сочинений. Но хотя они были ученым народом еще задолго до начала христианской эры, публичных библиотек у них нет, если не называть так библиотеки для нужд правительственных чиновников^{41}. Однако жаловаться на недостаток публичных лекций нельзя: во многих городах, маленьких и больших, есть люди, называемые цзян-гу; они живут в храмовых зданиях и читают лекции, посвященные древней истории Китая и сочинениям мудрецов. Каждый слушатель платит лектору небольшую сумму; китаец, посетивший серию таких лекций, получает вполне приемлемое представление об истории страны. Поскольку получаемый лектором гонорар очень мал, он пытается увеличить свои доходы при помощи торговли фруктами и сигарами, которыми покрыт стоящий перед ним стол. Часто во время лекции кто-нибудь подходит к столу и берет оттуда сигару или апельсин, прежде положив на стол деньги.

Публичная лекция

Среди основных государств мира ни в одном свобода печати не находится в таком плачевном состоянии, как в Китае. Удивительно, в каком невежестве пребывает народ в отношении текущих событий – и пустяковых, и самых важных. До самого последнего времени во всей стране не было ни одной газеты, кроме Peking Gazette, которая теперь стала ежедневной, а это официальный орган печати коррумпированного правительства.

По-моему, это старейшая в мире газета; говорят, что она существовала задолго до того, как в Европе было изобретено книгопечатание, и то, что она так долго оставалась единственной во всей империи, – доказательство консервативно-

го характера китайцев. В ней обычно освещаются различные подробности о деятельности правительства, причем эта информация бывает очень скудной. На достоверность сообщений этой газеты полагаться сложно. Интересно, что на ее страницах серьезные поражения императорских войск обращаются в славные победы. В столицу каждой провинции отправляют экземпляры Peking Gazette, и там ее перепечатывают под строгим надзором местных властей. Если издатель при этом прибавит что-то к оригиналу или, наоборот, уберет из него какие-нибудь сведения, то будет наказан одной сотней ударов и трехлетней ссылкой.

В каждой столице провинции ежедневно публикуют придворный циркуляр, в котором содержится перечень имен официальных или неофициальных посетителей, бывших в предыдущий день во дворце наместника. Этот циркуляр сообщает также о днях рождения членов императорской семьи и местных высокопоставленных чиновников.

Большую часть информации о текущих событиях люди извлекают из новостных бюллетеней, которые продаются на улицах. Там так много чудес, что верить им нельзя вообще. Они сообщали просто с непревзойденной бесстыдной лживостью о поражении, нанесенном императорской армией британским и французским войскам. Следующий фрагмент представляет собой извлечение из одного такого бюллетеня, который продавался в Кантоне во время последней войны:

«Услышав, что князь Цзэн отступил к Тунчжао, англича-

не и французы разделили свои войска. Большая их часть пошла в наступление к Тунчжао, и англичане велели тысячному отряду кавалерии начать боевые действия. Князь Цзэн также велел маньчжурской кавалерии дать им бой, и семьсот английских кавалеристов были убиты из мушкетов. Затем в наступление пошла пехота, и с обеих сторон начались выстрелы, стали падать убитые. Гул орудий не смолкал весь день. Сражение продолжалось с семи часов утра до трех или четырех часов дня, когда англичане и французы были разбиты наголову — из каждых десяти человек восемь или девять были убиты. Поэтому офицер Парке и все офицеры, захваченные князем Цзэном вместе с ним, были казнены в Тунчжао, в то время как в потерпевших поражение частях, вернувшихся в Дагу, едва ли осталось пять тысяч человек.

Замыслом атаки англичан и французов на Тунчжао было оскорбить Пекин. Позже, когда князь Цзэн увидел, что буйные варвары после поражения не смеют подойти к Тунчжао и принять бой, он послал императору донесение. В этом донесении говорилось: он слышал о том, что буйные варвары намереваются захватить Пекин, и их следует впустить в город, где можно будет окружить и взять живыми, поэтому не следует закрывать городские ворота. И вот в соответствии с этим четверо ворот Пекина были широко открыты; не были потревожены ни собаки, ни петухи. Затем более двадцати тысяч англичан и французов, вышедших из фортов Дагу, стали наступать прямо в направлении Пекина и шли семь

или восемь дней, и никто им не препятствовал, пока они не прибыли в Юань-мин-юань, располагающийся в ста ли ^[42] от Пекина. Это обширный дворец, содержащий чудесные цветы и дивные плоды, помимо неисчислимых редкостей. Действительно, это самый большой дворец во всех восемнадцати провинциях Срединной Цветущей империи. Английские войска вошли во дворец и остановились в нем на несколько дней. Генерал сухопутных войск с пятью сотнями офицеров направился взглянуть на Пекин, дабы выяснить истинное положение дел. Они увидели, что все стены оцетинились мечами, пушками и боевым оружием в полной готовности, что было совершенно не похоже на город Кантон! Более того, они увидели маньчжурских солдат с поднятыми бровями и свирепыми взглядами, напрягших мышцы и скрежещущих зубами, сжимающих кулаки и потирающих ладони, сторающих от желания спрыгнуть со стен и схватиться с врагами. Но поскольку князь Цзэн еще не отдал приказа, они не двигались с места.

Увидев это, английские солдаты вернулись в Юань-мин-юань. Когда князь Цзэн услышал, что буйные варвары вошли во дворец, он был весьма обрадован. Князь велел пекинскому гарнизону атаковать англичан и французов и убить их всех, не оставив ни крупички от их армии. Получив этот приказ, все до одного маньчжурские воины возрадовались; сто тысяч человек бросились в битву. Они осадили дворец и убивали день и ночь. Англичане и французы были разбиты на-

голову. Было убито пятнадцать тысяч человек. Пяти тысячам удалось спастись. Они попытались вернуться в Дагу, однако на полпути снова встретились с армией князя Цзэна, и в последовавшем за этим сражении было убито четыре тысячи человек! Более тысячи неприятелей были взяты в плен и приведены к князю Цзэну для дальнейших распоряжений. Князь велел выколоть глаза или отрезать носы двум сотням самых крепких пленных, а затем позволил им вернуться в Дагу. Двести побежденных солдат в конце концов возвратились туда и явились к английским и французским адмиралам, которые были весьма разгневаны, увидев бесчестье, которому подверглись эти люди; это совершенно расстроило их желчный пузырь и печень. Они захотели вместе с английскими солдатами отступить к Шанхаю, однако из-за наступившего мороза, а еще более — из страха оказаться осмеянными варварами всех стран они весьма смутились и ныне удерживают форты Дагу.

Как говорят, во всех варварских газетах напечатали, будто бы Пекин был взят и будто бы его императорское величество и министры спаслись бегством. Однако это ложь, которой нельзя верить.

Подписные листы

Я также шлю вам картину, которая все объяснит.

Кроме того, более тридцати военных кораблей, принадлежащих американцам, испанцам, голландцам и русским, присутствовали во время всего сражения при Дагу».

В отсутствие общедоступной прессы объявления о публичных аукционах, сдающихся квартирах и тому подобных сведениях делаются в виде афиш. Таким же образом публикуют и подписные листы благотворительных организаций, а когда на добровольные пожертвования воздвигают храм или общественное здание, обычно казначей наклеивает на его стены плакат с отчетом о расходах. К плакатам прибегают и как к средству обнародования всевозможных жалоб. Например, жестокий чиновник или надоевший соседям горожанин

может одним прекрасным утром проснуться и обнаружить, что на его двери наклеена горькая жалоба обиженных или недвусмысленные гневные инвективы анонимного критика. К такому способу прибегают бедняки, притесняемые состоятельными соседями, которые не могут попасть на прием к магистрату, не имея денег подкупить его подчиненных. Они обнародуют свои жалобы при помощи этих плакатов. Те, кто не может позволить себе даже потратить деньги на печатание плакатов, часто усаживаются рядом с дверями обидчиков и сообщают о своей беде прохожим. Однажды мне попалась старуха, которая сидела у дверей какого-то дома и громко обвиняла хозяина в том, что он похитил ее дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.